

Я всегда верил в чудо. И в детстве, и в отрочестве, и в дни, когда седина стала покрывать голову. Верил и мечтал... объять необъятное. Объять мир детства, который, порой гонимый и незамечаемый, живет в нас, пока мы живы.

Объять людей разных возрастов, характеров и профессий, которые, будучи мерой всех вещей, сами не имеют меры.

Объять детей и родителей, поэтов и учителей, врачей и психологов, политиков и ученых... и пригласить их к диалогу без начала и конца.

Объять и собрать всех вместе в стране детства, как собирают добрых друзей за одним столом или... добрых читателей в одном журнале.

Этот журнал – перед вами. Он носит имя педологии, науки, объединившей усилия врачей, учителей, психологов и философов, осмелившихся начать поиск путей к пониманию природы и миссии детства в истории человечества.

Науки, убитой в нашей стране в 1936 году, и науки, претендующей на бессмертие.

Науки, которая одновременно и Искусство, и Культура, и Ремесло, и Судьба.

Науки, в которой подлинной молитвой детскому Богу для детей и взрослых, не утративших надежду услышать друг друга, могут стать посвященные Янушу Корчаку строки Александра Галича:

Осени меня своим крылом,
Город детства с тайнами неназванными,
Счастлив я, что и в беде и в праздновании
Был слугой твоим и королем.
И старался сделать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: «Высвободи!»
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский бог:
«Все я, боже, получил сполна.
Где, в которой расписаться ведомости?
Одного прошу, спаси от ненависти,
Мне не причитается она».

Я перечитываю сердцем эти строки... и мечтаю, чтобы читатели, открывшие этот журнал, ощутили радость открытия самих себя через открытие детства в себе и других. Детства, длиною в жизнь... /*александр асмолов*

Может показаться странным – а то и очень! – что за полвека (с солидным хвостиком) присутствия в так называемой «детской литературе» я ни разу не задумался о проблемах воспитания. Как, впрочем, и не писал ничего специально для детей. (За некоторыми досадными исключениями.)

Мой взгляд на последнюю «проблему» выражен довольно ясно в четверостишии:

- О тебе говорят,
Как о детском поэте.
- А я разве спорю,
Милые дети?

Что же касается вопросов воспитания...

Положа руку на сердце, я не могу отрицать, что некоторые юные читатели сумели извлечь из моих сочинений кое-что полезное для их духовного развития. Они сами признавались мне в этом – по большей части уже во вполне зрелом возрасте.

Но даже если это так – здесь не было умысла. Скорее это было, если воспользоваться термином древней китайской мудрости, «воспитание недеянием».

Я, во всяком случае, в песенке Черного Кота из моей старой сказки предупреждал читателей:

Могу вам твердо обещать,
Я вас не буду просвещать:
Кто может сам ловить мышей,
Не станет мучить малышей!

Не примите моих шуточных слов слишком уж всерьез.

Мне посчастливилось долгие годы жить в соседстве одного из величайших математиков – Андрея Николаевича Колмогорова. Так что я не понаслышке знаю, сколько сил и времени этот титан науки посвятил воспитанию молодежи. Кстати, получая за это довольно обычную у нас благодарность – настоящую травлю со стороны разного рода черносоптенцев. Но это – Колмогоров. Что говорить, его способность «ловить мышей» сомнению не подлежит.

Нашему брату, если он берется воспитывать человека, нужно, кажется мне, столько... скажем, уверенности в себе и тому подобных свойств, что для высших душевных качеств, глядишь, и места не останется. Уж очень это рискованное дело – воспитание человека.

Начать с того, что сами слова «человек», «люди» звучат весьма неопределенно.

Заглянем в старого Даля. Все мы люди, все человеки, говорят народ. И тут же оговаривается: Все мы люди, да не все человеки. То есть рода человеческого, но без человеческого досто-

инства, – поясняет милый Даль. И события нашего «проклятого двадцатого» ни у кого, нигде – а у нас на Руси в особенности – не оставляют никаких сомнений в необходимости этой поправки.

Да, нелегко решить, кого именно нужно воспитывать. И кто кого может воспитывать.

Хочется думать, что главный тезис Гиппократовой клятвы – знаменитое «Не навреди!» – постоянно присутствует в душе каждого, кто волей или неволей прикосновен к святому и многотрудному делу воспитания. Но как его трудно осуществить!

Помните сказку о Мэри Поппинс? Те ее страницы – на мой взгляд, лучшие, – где рассказывается о младенцах-близнецах. Они разговаривают с Солнечным лучом; к ним на подоконник присаживается скворец, и они запросто беседуют. Но едва у них прорезался первый зубик – и они не понимают уже ни единого слова в речах своего крылатого друга... Они все забыли – забыли язык Солнца, Ветра, Деревьев и Звезд...

Конечно, это сказка. Наивная и милая. Но у меня на глазах прошла история одной прелестной девочки, дочери наших близких друзей. До сих пор – уже добрых двадцать лет! – у нас хранятся ее рисунки школьной поры – смелые, выразительные рисунки настоящего художника. Она обещала стать блестящим графическом-иллюстратором. Родители – ра-зумеется, из лучших побуждений! – решили подготовить ее в соответствующее учебное заведение. Наняли репетиторов. И – на третий, помнится, год – те научили ее писать шрифты и рисовать плакаты точь в точь так, как требовали условия приема. Ее приняли. Она окончила институт. И так и пишет шрифты: «Не стой под зрюзом».

Мой (и наверняка, не только мой) любимый герой – это мальчик из «Нового платья короля». Тот самый, который – единственный во всей стране – а то и на всем свете! – крикнул: «Да ведь король-то голый!»

Не перестаю изумляться гениальности Андерсена. В этой сказке, в этом образе вместились столько правды о человеке, обществе, что хватило бы для размышлений целому полку философов. А особенно потрясает актуальность этого наблюдения, вернее, предвидения. Как будто оно специально подготовлено к нашему, уходящему наконец в преисподнюю, веку. Не убить бы нам напоследок и этого мальчика. Будем потом спрашивать: «А был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?» А в сущности – надеюсь, читатель и сам догадался – мои нынешние рассуждения о воспитании лишь слабый отзвук удивительных слов Того поэта, чьим именем названа наша эра: «Аще не обратитесь и не будете, яко дети, не внидете в Царствие Небесное» / Мф, 18,3. ▮

В последнее время я стал замечать, что взрослые ведут себя очень странно. Все время слышу: «Ты уже большой! Ты уже самостоятельный мальчик!» Они делают вид, что ты их больше не интересуешь, закрывают дверь в твою комнату, чтобы ты поговорил по телефону. А сами стоят да слушают. Им ведь интересно до чертиков, как ты там – в мире, в котором они не имеют никакой власти. В мире, где ты сам по себе, без мамы и папы. Вот уж представляю, как они вечером делятся предположениями о моей компании!

Конечно, они пытаются быть в курсе событий. «Ну, как ты там?» – спрашивает мама после моего возвращения с какой-нибудь тусовки. Я, конечно, не ярый тусовщик, но я вам гарантирую, что все равно очень настораживаю родичей. А чего они боятся, я понять не могу. Вроде все классно, а они говорят: «Ты перестал учиться! Пора подумать о будущем!»

Скажу по-тихому: будущее – мое слабое место. Может, вы меня не поймете, ну, в общем, я его даже боюсь немного. Не подумайте, что я трус. То есть я и не какой-нибудь головорез, конечно... Короче, я – нормальный. А чего там, в будущем? Фиг его знает. И делать сейчас выбор – как-то страшновато. Страшновато решать судьбу-то... Сразу мысли: а вдруг надоеет, и что тогда?

Я вот о чем хотел сказать. Вы, наверное, уже слышали последний хит, песню «Батарейка»? Припев у нее еще такой: «И у любви у нашей села батарейка...». Так вот, как только они (то есть предки) ее услышали, что началось... И крики, и ругань. Я говорю: «Что случилось. Чего? Песня не нравится, что ли?» А дело, оказывается, вот в чем. Все знают, что любовь – это круто! И это вам не фигня какая-нибудь, а вещь серьезная. А тут вдруг – у любви «кончилась батарейка»... Что ж это за любовь такая «маломощная» – всего на одной батарейке. От сети было бы, наверное, получше...

Короче, песню эту я больше не пою. Но все равно, как вспомню, что я ее пел, то даже странно становится. Я же не пошляк какой-то?

Это я к тому, что взрослые, конечно, часто перебарщивают, но иногда можно и послушать, чего они бормочут (пока вопить не начали). Хотя они, взрослые, тоже разные бывают. И веселые, и гадкие.

Но самое страшное, что как только становишься взрослым, уже себя не изменишь. Это тупик.

Может, поэтому я и боюсь будущего? И может, не один я, кстати? Вот бы быть то взрослым, то самим собой! А то как станешь гадом каким-нибудь, и будут все над тобой смеяться. Фу, как неприятно тогда будет.

Но они говорят: «Ты ничем не интересуешься!» Я думаю: «Как же так? Вот, черт, как же мне быть?»

Все же вот так давить на нас, я считаю, не надо, а то совсем страшно станет.

Но вы, взрослые, не думайте, что это угроза. Нет!

Это я просто решил посвятить вас в свои проблемы. Но не буду вас загружать. Небось, у вас и своих проблем хватает. ▮

«Возрасты», «возрасты жизни», «возрасты человека» в сознании наших предков обозначали настолько известные, положительные

понятия, настолько часто повторяемые, настолько привычные, что они вышли за пределы науки и получили распространение в повседневном словоупотреблении. Сегодня мы не имеем ни малейшего представления о том значении, которое имело понятие «возрасты жизни», например, в средневековом восприятии мира. Оно было научной категорией того же порядка, как «вес» или «скорость» для наших современников. Оно принадлежало к некоторой системе физического описания и объяснения мира, системе, восходящей своими корнями к ионической философии VI века до н.э. и усвоенной компиляторами средневековья из сочинения Византийской империи.

...Понятие возрастов жизни получило широкое распространение как один из показателей таинственных связей человека и мира. Это понятие, которому суждено было стать таким популярным, без сомнения, уходит своими корнями в драматические спекуляции Византийской империи. Фульгенциус открывает его в Энеиде. Он видит в кораблекрушении Энея символ рождения человека среди бурь существования. Он толкует вторую и третью песни как образы детства, жадно внимающего сказкам. Для арабской фрески VIII века также характерна «возрастная» тематика.

Возрасты жизни – одна из излюбленных тем средневековой литературы... Возрасты жизни здесь соответствуют семи планетам. «Первый этап – это детство. Оно начинается с момента рождения ребенка и длится семь лет. Человек в этом возрасте –

дитя. Он еще не может отчетливо выговаривать слова, так как зубы его, – пишут Исидор и Константин, – хорошо не укрепились. Затем наступает второй этап... называемый отрочеством (paeritia), и длится он до четырнадцати лет».

После этого приходит юность и длится, по Константину, до 21 года, по Исидору – до 28 лет, хотя может продолжаться и до 30–35 лет. «Этот период называется юностью потому, – говорит Исидор, – что человек к этому времени достаточно подрастает для того, чтобы рожать детей». Вот почему в этом возрасте растут до тех пор, пока не достигают величины, предназначенной каждому природой. Рост между тем прекращается еще до достижения 30 или 35 лет, даже до 28 лет. Вне всякого сомнения, рост останавливался еще раньше в эпоху, когда работа, начинавшаяся в очень раннем возрасте, преждевременно мобилизовывала все резервы организма.

Затем наступает молодость (jeunesse), средний возраст жизни. В этот период человек достигает расцвета своих сил. Длится этот возраст, по Исидору, до 45 лет, согласно же мнению других – до 50 лет. И называется он молодостью потому, что человек в это время имеет силы помогать себе и другим. После чего, по Исидору, следует зрелость (senecté), промежуточный возраст между молодостью и старостью? Исидор называет его тяжеловесным, так как в это время человек тяжел в своих привычках и манерах. Человек еще не стар, говорит Исидор, но молодость его уже прошла. И, наконец, приходит время старости (vieillesse), которая, согласно мнениям одних, длится до 70 лет, согласно же мнениям других – до самой смерти. В этот период разум человека слабеет. Последний период старости по-латыни называется senies, а во французском для него нет специального названия.

Сегодня это описание нам кажется пустым, чисто словесным, но оно имело в свое время определенный смысл, связывая в воображении судьбу человека и судьбу планет. Та же астральная аналогия положена в основу иной периодизации, соответствующей двенадцати знакам зодиака. Она является одной из наиболее популярных, эмоционально насыщенных тем готического искусства. Поэма XIV столетия, неоднократно воспроизводимая в XV и XVI веках, так описывает этот календарь этапов жизни.

*Ш*есть первых лет жизни человека
В мире мы сравним с январем.
Как в январе зелень не имеет сил
Распуститься и расцвести, так и ребенок
Не имеет сил в первые шесть лет
Своей жизни.

В следующие шесть лет ребенок растет...
 Так же, как февраль,
 Дотягиваясь в конце концов до весны.
 А к восемнадцати он сильно изменяется,
 Как меняется и месяц март,
 Набирая красоту и силу...

Месяц, следующий за сентябрем,

Октябрь.

И хотя человеку не больше 60,

Он стар и сед.

Ему следует подумать о том,

Что время ведет его к смерти.

*В поэме XIII века
мы читаем:*

Вот перед вами месяц январь.

У него два лица;

Он смотрит в прошлое и будущее.

Так и ребенок в первые шесть лет

Ничего не стоит, так как он ничего не может.

Но о нем нужно хорошо заботиться,

Хорошо кормить его.

Дабы забытые в детстве

Плохо растут, поздно

становятся полноценными.

Когда же приходит октябрь,

Человек должен сеять хорошую пшеницу,

Тогда она будет жить и зимой.

Так же следует себя вести и честному человеку,

Сеять для молодых добрые слова,

Творить добрые дела...

Необходимо ясно понимать, что эта терминология, кажущаяся нам сегодня такой бессодержательной, представляет собой перевод на простой язык научных понятий своего времени, соответствует широко распространенному ощущению жизни. Трудности интерпретации данного стиля мышления, с которыми мы сталкиваемся сегодня, прежде всего объясняются тем, что у нас исчезло это восприятие жизни: жизнь как биологическое явление, как социальная ситуация – да, но не больше. А между тем и сегодня мы говорим: «Такова жизнь!» когда хотим выразить нашу покорность судьбе, наше убеждение, что помимо биологического и социального существует еще что-то, чему нет имени, но что трогает нас. Мы ищем его в газетной хронике и именно о нем говорим: «Это так жизненно!» Жизнь при этом подходе становится драмой, нарушающей скуку повседневности. Для человека же средневековья она, напротив, была необходимой циклической преемственностью, подчас смешной или же меланхолической, возрастов жизни преемственностью, предначертанной, скорее, общим порядком и сущностью вещей, чем личным опытом каждого, так как очень небольшому количеству людей выпадало на долю прожить все эти возрасты в эпоху высокой смертности.

Популярность понятия «возрасты жизни» делает его одной из самых распространенных светских тем изобразительного искусства. В XIV веке образ возрастов жизни приобретает все свои существенные атрибуты, остающиеся почти неизменными вплоть до XVIII столетия. Сначала идет возраст игрушек: дети скачут на деревянных лошадках, играют в кукол с привязанными птицами. Затем – школьный возраст: мальчики учатся читать, несут книги и пеналы, девочки учатся прясть. Далее следует возраст любви и благородного спорта: кутежи, прогулки юношей и

девушек, флирт, свадьбы, майские охоты. Потом наступает возраст войны и рыцарства. Наконец, преклонный возраст – возраст юристов, ученых, педагогов: старый бородатый ученый, одетый по моде прошлого, сидит за столом около камина. Этапы жизни здесь соответствуют не только биологическим стадиям, но и социальным функциям. Известно, что в те времена было очень много молодых юристов. Но с точки зрения художника это занятие приличествует только старикам.

Изображение возрастов жизни почти не изменилось в гравюрах, имевших самое широкое хождение с XVI и до начала XIX века. Они называются «Ступенями жизни» и представляют все возрасты человека от колыбели до смерти. Часто художники изображают людей стоящими на двоянной лестнице, поднимающейся слева и опускающейся справа. В центре этой лестницы, как под аркой моста, находится скелет смерти со своей косой. Здесь тема возрастов жизни связана с темой смерти, и отнюдь не случайно. Обе темы были одними из самых популярных: эстампы, представляющие ступени жизни и пляски смерти, еще в начале XIX века воспроизводили систему образов, созданную в XIV и XV веках. Но в отличие от гравюр, изображающих пляски смерти, где костюмы персонажей не меняются, оставаясь даже на работах XIX века костюмами XV-XVI веков, на гравюрах, посвященных ступеням жизни, художники одевают героев по моде своего времени. Сохранение же иных атрибутов является поистине замечательным. Перед нами всегда ребенок, скачущий на деревянной лошадке, школьник с книгой и пеналом, молодая красивая пара (со временем был добавлен некий атрибут: молодой человек держит в руках саженец майского дерева как напоминание о празднике юности и весны), воин стал офицером: он перевязан командным шарфом или же несет знамя. На нисходящей части лестницы костюмы персонажей перестают соответствовать моде времени; они не меняются. Мы находим здесь юристов с сумками для документов, ученых с книгами и астролябиями и – что достаточно курьезно – богомольцев с их четками.

Эти гравюры, принадлежащие к самым привычным вещам обихода, настойчиво внушали зрителю, что жизнь человека разделена на четко выраженные этапы, для каждого из которых характерен свой образ деятельности, свой физический тип, свои обязанности, своя манера одеваться. Периодизация жизни имела ту же четкость границ, что и природные циклы или же организации общества. И несмотря на постоянные напоминания о старости и смерти, образ возрастов жизни оставался живописной и по-детски добродушной картинкой, чем-то даже немного смешным.

Антично-средневековые спекуляции оставили после себя обширную терминологию для обозначения возрастов жизни человека. В XVI веке, когда было предложено перевести эту терминологию на французский, оказалось, что во французском языке, а следовательно и во французском словоупотреблении значительно меньше слов этого типа, чем в латинском, по крайней мере в ученой латыни. Переводчик «Великого Собственника всех вещей» 1556 года совершенно недвусмысленно говорит об этой трудности: «В латыни имеются наименования для семи возрастов жизни (как и для семи планет), в то время как во французском только три наименования, а именно, детство (*enfance*), молодость (*jeunesse*) и старость (*vieillesse*)».

При этом надо отметить, что молодостью называли ранний возраст жизни, «средний возраст». В этой периодизации не было места для юности. До XVIII столетия юность отождествляли с детством. В коллежах не делали различия в упот-

реблении латинских слов *puer* (мальчик) и *adolescens* (юноша). В Национальной библиотеке хранится список учеников коллежа иезуитов в Кане. К именам учеников даются краткие характеристики. Мальчик пятнадцати лет характеризуется как *bonus puer* (хороший мальчик), в то время как его младший тринадцатилетний товарищ называется *optimus adolescens* (лучший юноша). Байе в книге о выдающихся детях также признает, что во французском языке не существует слов для того, чтобы различать *puer* (мальчиков) и *adolescens* (юношей). Для тех и других есть только одно общее слово: «дитя» (*enfant*).

В конце средних веков смысл этого слова значительно расширился. Им стали обозначать как младенца (с XVI столетия употребляли выражение «гостинная с детьми», для того чтобы описать гостиную, украшенную фресками с изображением обнаженных младенцев), так и юношу, большого, часто беспокойного мальчика: «бурное дитя»...

В течение XVII века значение слова «дитя» начинает эволюционировать: старое словоупотребление сохраняется среди более зависимых классов общества, в то время как среди буржуазии это слово употребляется в новом смысле: оно ограничивается его современным значением. Длительный период детства, отразившийся в языке повседневной жизни, явился следствием полного невнимания и к явлениям биологического порядка: никто не принимал половое созревание за окончание детства. Идея детства была связана с идеей зависимости: слова «сын», «валет», «гарсон» принадлежали также и к словарю феодальных отношений, выражая зависимость от сеньора. Детство не кончалось до тех пор, пока не кончилась эта зависимость. Вот почему в обычном разговорном языке словом «дитя» называли человека низкого социального положения, полностью зависимого от других: это были лакеи, компаньоны, солдаты... «Малый мальчик» (petit garçon) – это не обязательно ребенок, это и молодой слуга (так же, как сегодня хозяин или старший мастер может сказать о рабочем 20–25 лет: «Это славный парень (un petit gars)» или же что он никуда не годится).

В начале XVIII века словарь Фуретьера уточняет употребление этого слова: «Дитя – это также слово, выражающее дружеское чувство. Его употребляют при приветствиях, когда хотят кого-либо приласкать или побудить что-либо сделать. Так, когда говорят пожилому человеку: «Прощай, моя добрая мать» («Привет, бабушка» – на современном языке парижан), то она отвечает: «Прощай, мое дитя (прощай, мой мальчик, прощай, малыш)». Или же она может сказать лакею: «Дитя мое, принесите мне то-то и то-то». Хозяин, давая рабочим поручение, говорит: «Ну-ка, ребята, за работу!» Капитан скажет своим солдатам: «Смелее, детки, крепитесь». Солдат, сражающихся в первых рядах и наиболее подверженных опасности, называют «погибшими детьми» («les enfants perdus»).

В то же самое время в семьях, занимавших более высокое социальное положение, где зависимость была

только следствием физической слабости ребенка, слова, описывающие детство, тяготели к чисто возрастному значению, обозначали первый этап жизни. В XVII веке выражение «малое дитя» (petit enfant) начинает приобретать тот смысл, который мы вкладываем в него сегодня. Более старые нормы предпочитали выражение «юное дитя» (jeune enfant), и оно частично сохранилось. Так, в 1714 году Лафонтен употребляет его при переводе Эразма. Речь идет о «юной девочке» (jeune fille), которой еще нет и пяти лет: «У меня есть юная девочка, которая только начинает говорить». Слово малыш (petit) также приобрело специальное значение с конца XVI века: им называли учеников начальных школ (petites écoles) даже в тех случаях, если они уже не были детьми. В Англии слово petty имело тот же самый смысл, что и во Франции; в одном из текстов 1627 года говорится о школе для «lyttle petties», самых маленьких учеников.

Пор-Рояль и вся та моральная и педагогическая литература, которую он вдохновил (точнее, которая выразила повсеместно распространенные мо-

ральные потребности времени), особенно способствовали развитию и уточнению терминологии детства. Ученики Жаклин Паскаль делились на младших, средних и старших. Новое чувство стало вкладываться в слова «маленькие души», «маленькие ангелочки». Все это – выражения, возвецающие о природе новых чувств, чувств XVIII века и романтизма. В своих сказках мадемуазель Леритье претендует на поучение «юных душ», «юных людей»: «Эти картины могут натолкнуть юных

«СТУПЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВЕКА» / фрагмент гравюры середины XIX века

людей на размышления, которые усвершенствуют их разум». В свете всего этого становится понятным, почему век, который, на первый взгляд, пренебрегал детством, тем самым ввел в употребление выражения, и поныне бытующие в нашем языке. К слову «дитя» Фуретьер в своем словаре приводит хорошо известные нам выражения: «Это балованное дитя и испорченный ребенок, которому позволяли все, не пытаясь его исправить. Нет больше детей, слишком рано они обретают разум и хитрость». «Невинен, как новорожденное дитя». Нельзя же считать, что все эти выражения возникли не ранее XIX века.

Однако, пытаясь говорить о маленьких детях, человек XVII столетия сталкивался с той трудностью, что в его языке не было слов, отличавших маленьких детей от детей более взрослых. То же самое, между прочим, имело место и в английском языке, где слово baby относилось и к старшим детям.

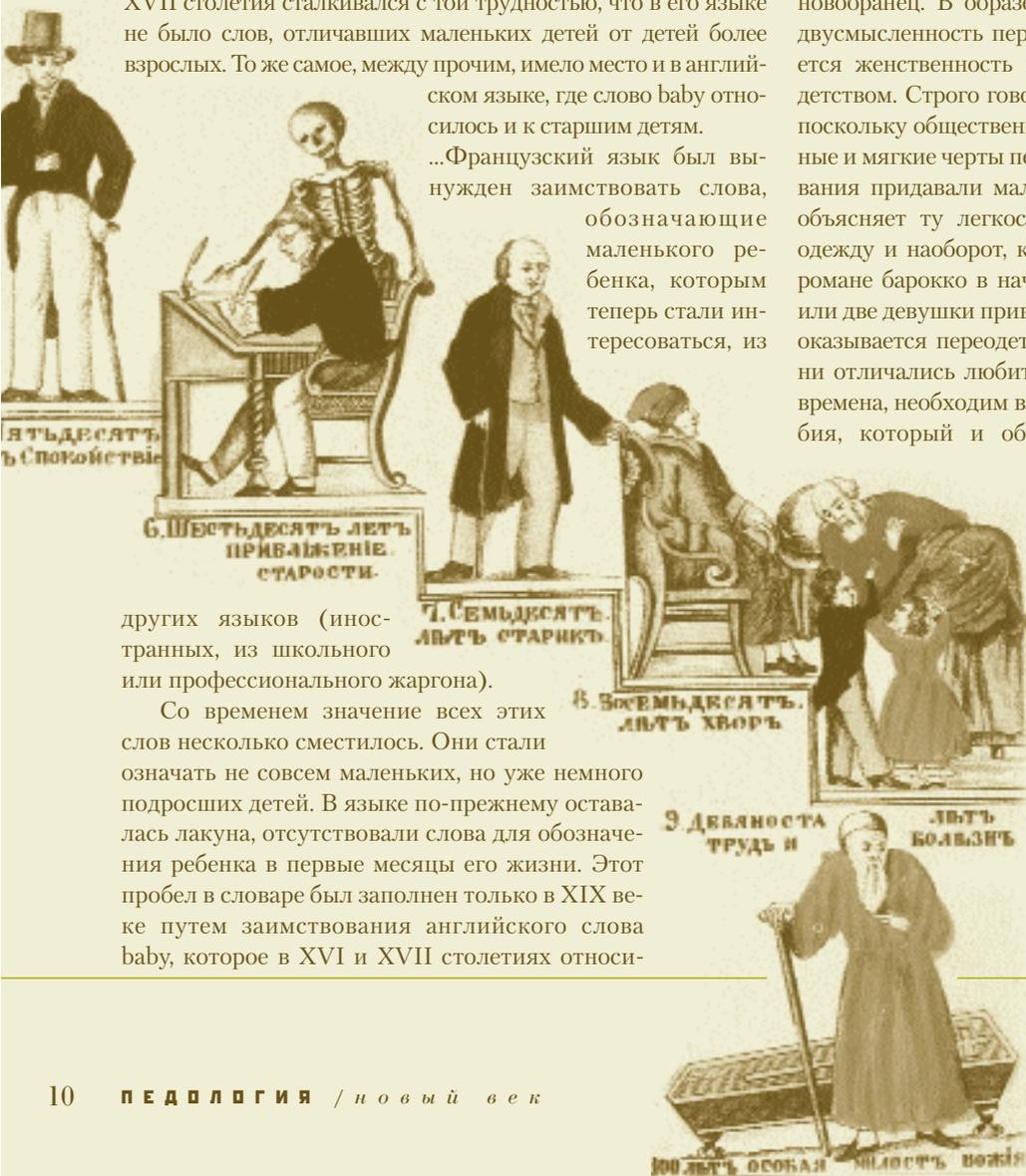
...Французский язык был вынужден заимствовать слова, обозначающие маленького ребенка, которым теперь стали интересоваться, из

лось к детям школьного возраста. Так завершилась эта история, и отныне с появлением французского слова *bebe* совсем маленький ребенок получил свое имя.

Но хотя терминология для описания раннего детства была уточнена, осталась неопределенной граница между детством и юностью, с одной стороны, и той возрастной категорией, которая называется молодостью. Понятие о том, что мы сейчас зовем юностью, еще отсутствовало, и его формирование потребовало долгого времени. Оно угадывается в XVIII столетии в образе двух персонажей: один из них литературный – Керубино, второй социальный – новобранец. В образе Керубино подчеркивается известная двусмысленность периода полового созревания, акцентируется женственность мальчика-подростка, расстающего с детством. Строго говоря, в этом не было особого новшества: поскольку общественная жизнь начиналась очень рано, нежные и мягкие черты первой юности на пороге полового созревания придавали мальчикам женственную внешность. Это объясняет ту легкость переодевания мужчин в женскую одежду и наоборот, которая чрезвычайно распространена в романе барокко в начале XVII века: два молодых человека или две девушки привязываются друг к другу, но один из них оказывается переодетой девушкой... Каким бы легковерием ни отличались любители приключенческих романов во все времена, необходим все же известный минимум правдоподобия, который и обеспечивался сходством безбородого

мальчика с девушкой. Однако это сходство не считалось в те времена характерной чертой юности, признаком возраста. Эти безбородые мужчины с пухлыми щеками не юноши и подростки. Они себя уже ведут как взрослые мужчины: командуют, сражаются. В образе Керубино, напротив, женственность связана с переходом от ребенка к взрослому; она выражает состояние определенного периода, периода зарождающейся любви.

У Керубино не будет преемников. Юность у мальчиков будет ассоциироваться с мужественностью, и прообразом юноши в XVIII веке станет новобранец.

других языков (иностранных, из школьного или профессионального жаргона).

Со временем значение всех этих слов несколько сместилось. Они стали означать не совсем маленьких, но уже немного подросших детей. В языке по-прежнему оставалась лакуна, отсутствовали слова для обозначения ребенка в первые месяцы его жизни. Этот пробел в словаре был заполнен только в XIX веке путем заимствования английского слова *baby*, которое в XVI и XVII столетиях относи-

Первый тип современного юноши – это «Зигфрид» Вагнера. Музыка «Зигфрида» впервые выражает ту смесь частоты (временной), физической силы, естественности, непосредственности и жизнерадостности, которые сделают из юноши героя нашего XX века, века юности.

То, что родилось в вагнеровской Германии, позднее, в 1900-х годах, проникает во Францию. «Молодость», под которой тогда понимали юность, становится темой литературы и предметом забот моралиста и политика. Начинают серьезно задавать себе вопрос о том, что думает молодость. Появляются исследования, посвященные ей. Молодость представляют как носительницу новых ценностей, призванную оживить старое, склеротическое общество. Сходные настроения были распространены в эпоху романтизма, но тогда они не ассоциировались с какой-то точно определенной возрастной группой и к тому же ограничивались миром литературы и ее читателей.

Напротив, в результате войны 1914 года, когда масса фронтовиков оказалась противопоставленной старшим поколениям тыла, особое «юношеское сознание» стало всеобщим и даже банальным. Это «молодежное сознание» поначалу было чувством бывших бойцов. Мы сталкиваемся с ним во всех воюющих странах, даже в Америке Дос Пассоса. Но с тех пор молодость раздвинула свои границы, потеснив, с одной стороны, детство, а с другой – зрелость. Отныне брак, уже не совпадающий с «устройством жизни», не прерывает молодости. Женатый юноша – один из самых характерных типов нашего времени. Он предлагает свои ценности, вкусы, привычки. Так, на смену эпохе, не знавшей юности, пришла эпоха, в которой юность стала наиболее ценным возрастом. Все

хотят вступить в него пораньше и задержаться в нем подольше.

Эта эволюция юности сопровождается параллельной, но противоположно направленной эволюцией старости. Мы хорошо знаем, что в древности старость начиналась рано. Примеры этого достаточно известны: «старикашки» Мольера – молодые люди в наших глазах. Впрочем, иконография старости не всегда изображает ее в виде дряхлой развалины: старость начинается с выпадения волос, с ношения бороды, стариком иногда изображался просто лысый. Именно так дело обстоит со стариком в Тициановском концерте, также представляющем возрасты жизни.

Сегодня, напротив, старость исчезла, по крайней мере, из разговорного языка, где слово «старик» приобрело несколько вульгарный, презрительный или покровительственный смысловой оттенок. Сначала появился респектабельный старец, предок с серебром в волосах, Нестор, дающий мудрые советы, патриарх с богатейшим опытом жизни – старик Греза, старик Рестиф де ла Бретона и всего XIX столетия. Он не был еще очень живым и подвижным, но не был уже и таким дряхлым, как старик XVI и XVII веков. Кое-что из этого образа сохраняется и в нашем сегодняшнем почтении к старости, унаследованном от прошлого века. Но это уважение беспредметно, так как в наше время – и в этом-то и состоит второй этап эволюции представленной о старости – старик исчез. Его сменили «человек в солидном возрасте» и «очень хорошо сохранившиеся дамы и господа». Еще одно буржуазное понятие, получившее, однако, широкое распространение. Техническая идея консервации заменила биологическую и одновременно моральную идею старости.

Дело обстоит так, как если бы каждой эпохе соответствовал свой привилегированный возраст и своя собственная периодизация человеческой жизни: молодость – привилегированный возраст XVII столетия, детство – XIX, юность – XX столетия.

Эти изменения от века к веку были связаны с демографическими отношениями. В них выражается наивное понимание общественным сознанием демографической структуры, которую оно не всегда может познать объективно. Так, отсутствие юности и презрение к старости или же, напротив, исчезновение старости (по крайней мере в смысле деградации человека) и появление юности выражает реакцию общества на продолжительность жизни. Ее удлинение вызвало из небытия те отрезки жизни, которым ученые Византийской империи и средних веков дали наименование, но которые тогда для большинства людей практически не существовали. Современный язык позаимствовал эту старую терминологию, имеющую чисто теоретическое происхождение, для обозначения новых явлений. Таково последнее перевоплощение некогда столь популярной, а ныне забытой темы «возрастов жизни». |

Филипп Аррьес (1914 – 1984) – французский демограф и историк; он по праву может быть назван создателем исторической психологии возраста. Книга Ф. Аррьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» (1960) вызвала шок в восприятии детства, в известном смысле близкий к переполоху, который теория относительности Альберта Эйнштейна произвела в стане последователей классической физики Исаака Ньютона. Вдруг открылось, что привычные ритмы жизни человека –

детство, отрочество, юность, зрелость, старость, кажущиеся незыблемыми как восходы и заходы солнца, были далеко не во все времена и во всех культурах. И разные культуры и эпохи, как разные системы координат, рождают разные ритмы восхождения по ступеням жизни. В нашей стране имя Филиппа Аррьеса стало известно благодаря такому энциклопедисту, как социолог, философ, историк и психолог Игорь Семенович Кон, опубликовавшему фрагмент упомянутой книги Ф. Аррьеса в 1987 году, а также благодаря вышедшей в 1992 году в России книге Ф. Аррьеса «Человек перед лицом смерти».

От отсутствия условий для физического выживания?

От недостатка любви?

От отсутствия рядом взрослого, с которым они чувствуют себя защищенными?

Думаю, что больше всего разрушает детскую душу человеческая деструктивность. Я имею в виду не только физическое или сексуальное насилие, жертвой которых, слава богу, становится не каждый ребенок, а деструктивность взрослого мира. Дети каждый день сталкиваются с ней и остаются один на один. Хуже всего для ребенка видеть и слышать, как взрослые уничтожают природу, «ломают» свою речь, используя ругательства, разрушают, словно вандалы, свои улицы, подъезды, дома. Детям трудно жить в хаосе, который взрослые создают и перед которым оказываются бессильными. Причиной такого поведения взрослых XX века Эрих Фромм называл и потерю смысла жизни, и дезориентацию в ценностях, и просто скуку. Но что до того ребенку?

Разрушение – быстрый и яркий процесс с немедленным результатом. Созидание, творчество – длинный путь, состоящий из множества маленьких шажков. вспомните, как долго дети возятся, соорудив какую-нибудь башню, и затем с великим удовольствием в два приема разрушают ее. Мы все в детстве испытывали удовольствие от разрушений. Детство – единственный период жизни человека, когда разрушать – «дозволено»...

В повседневной жизни ребенок не видит свидетельств успешного противостояния разрушающей силе. Его восприятие не защищено так, как наше, взрослое. Дети наивны, они не знают, «как обычно поступают люди» или «как делают все нормальные люди». Они точно знают и видят подлинное, поскольку исходят только из своего восприятия и своих чувств.

Дети открыты миру чувствами, их защитные механизмы еще не созданы, они не могут отключить чувства, и чувства непосредственно участвуют в их восприятии. Именно поэтому дети улавливают суть происходящего, воспринимают вещи такими, как они есть. У них нет теорий, которые стоят между ними и действительностью. Они внимательны к деталям: «Мама, а кому дядя Ваня сказал: «До свидания?» – спрашивает ребенок о взрослом, который, прощаясь, ни на кого не смотрит. Они могут удивить нас своими обобщениями. «У вас два телевизора, а паспорта нет!» – говорит ребенок соседке, наблюдая за тем, как она мечется по квартире в поисках документа.

Но наивный одновременно и слаб. Он ни на что не влияет и ничего не может изменить. Нередко он просто беспомощен. Отсюда – частые непосредственные психосоматические реакции у детей. Дети нерасчетливы, не могут интеллектуально справиться с происходящим. Они не участвуют в контроле над событиями, поэтому очень часто самостоятельно не могут обрести контроль над собой. А так как они абсолютно зависимы от взрослых, то и их самообладание и самоощущение напрямую зависят от нас.

А что происходит с ребенком, когда он становится свидетелем деструктивности, жестокости? Я приведу случай из своей практики, один из многих.

Это случай десятилетней девочки. За полгода до обращения ко мне, ее отец, психологически не справившись со стрессом после автомобильной аварии, стал регулярно оскорблять и избивать жену. У нее отслоилась сетчатка, и она, забрав дочь, была вынуждена

уехать лечиться. А у девочки появились сильные страхи. Всякий раз, когда мама была хотя бы слегка рассержена, девочка кричала: «Только не бей меня!», хотя ни отец, чьей любимой дочкой она была, ни мать никогда этого не делали и не угрожали ей физическим наказанием в воспитательных целях. Девочка стала безрадостной, отличная успеваемость в школе упала, контакт с мамой ухудшился.

Страх ребенка перед слабой, беспомощной матерью – сигнал тупика. Девочка не была бы так психологически травмирована, если бы мама не была так беспомощна. Травмой стала как необъяснимая жестокость отца, так и беспомощность матери. Девочка лишилась сразу двух защитников. В этой ситуации вообще отсутствовал взрослый, который защитил бы восприятие ребенка: прекратил бы эту ситуацию либо забрал девочку из нее, сумев объяснить, что папа болен...

Ребенок пытался защитить себя сам: если мама бессильна защитить себя от агрессии отца, то сможет ли она защитить меня? Детский страх питала не только общая беспомощность двух женщин, его питала в равной степени как любовь к матери, тревога за нее, попытка помочь ей, так и недоверие по отношению к той, которая не смогла защитить себя.

Мотив детской травмы – повторяющийся мотив творчества Федора Достоевского. Обращение к Достоевскому оправдано еще и тем, что время, в котором мы живем, очень похоже на его время. Как и тогда, сейчас в обществе почти отсутствуют силы, заботящиеся о безопасности граждан, нет ясных норм порядка, и

лишь персональная ответственность определяет социальные нормы и создает социальные структуры. (Скажем, и атмосфера школы, дисциплина в ней, расписание, обстановка на переменах ощутимо зависят от личности директора.)

Читая Достоевского, мы видим, что дети получают травму тогда, когда взрослые не реализуют свою взрослую роль, забывают о своей задаче перед ними. Одиночество, боль, отчаяние и бессилие, часто скрывающиеся за «странным» поведением детей, поразительно точно переданы во сне Родиона Раскольникова.

Для понимания сна важное значение имеет место действия – где происходит сон. Достоевский его подробно описывает: здесь присутствуют все признаки русской жизни – от церкви до плохих дорог, кабака и бабушки. Далее сон фокусируется вокруг конкретного события: из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками здоровенные молодые мужики и от скуки и еще непонятно от чего – в чем не последнюю роль играет ощущение власти: «Мое добро! Что хочу, то и делаю!» – забивают насмерть несчастную лошадь. Нас интересуют в этом сне чувства ребенка и то, что предлагает ему взрослый мир, когда происходит еще одна жестокость.

С самого начала лишь мальчик воспринимает недоброе, все остальные как в трансе радостно следуют за Миколкой, как будто его предложение является действительно веселым, нормальным и осмысленным. Отец мальчика, видимо, загляделся на эту сцену, поскольку впервые активно включается в ситуацию, когда сын обращается к нему.

Садись! Все садись! – кричит Миколка, – всех повезет. Засеку! – И хлещет, хлещет и уже не знает, чем и бить от остервенения.

– Папочка, папочка, – кричит он отцу, – папочка, что они делают? Папочка, бедную лошадку бьют!

– Пойдем, пойдем! – говорит отец, – пьяные шалят, дураки: пойдем, не смотри! – хочет увести его, но он вырывается из рук и, не помня себя, бежит к лошадке... Но уж бедной лошадке плохо. Она задыхается, останавливается, опять дергает, чуть не падает.

/ арсений калашников

— Секи до смерти! — кричит Миколка, — на то пошло. Засеку!

— Да что на тебе креста, что ли, нет, леший! — кричит один старик из толпы.

— Видано ль, чтобы така лошаденка так поклажу везла? — прибавляет другой.

— Заморишь! — кричит третий.

— Не трожь! Мое добро! Что хочу, то и делаю. Садись еще! Все садись! Хочу, чтобы беспременно вскачь пошла!..

Кобыленка не вынесла учащенных ударов и в бессилии начала лягаться. Даже старик не выдержал и усмехнулся.

Два парня из толпы достают еще по кнуту и бегут к лошаденке сечь ее с боков. Каждый бежит со своей стороны.

— По морде ее, по глазам хлещи, по глазам! — кричит Миколка.

— Песню, братцы! — кричит кто-то с телеги. Раздается разгульная песня, брякает бубен, в припевах свист. Бабенка щелкает орехи и посмеивается.

... Он бежит подле лошадки, он забегает вперед, он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам! Он плачет. Сердце в нем поднимается, слезы текут. Один из секущих задевает его по лицу; он не чувствует, он ломает свои руки, кричит, бросается к седому старику с седой бородой, который качает головой и осуждает все это. Одна баба берет его за руку и хочет увести; но он вырывается и опять бежит к лошадке. Та уже при последних усилиях, но еще раз начинает лягаться.

— А чтобы те, леший! — вскрикивает в ярости Миколка. Он бросает кнут, нагибается и вытаскивает со дна телеги длинную и толстую оглоблю, берет ее за конец в обе руки и с усилием размахивает над савраской. — Разразит! — кричат кругом.

— Убьет!

— Мое добро! — кричит Миколка и со всего размаху опускает оглоблю. Раздается тяжелый удар.

А Миколка намахивается в другой раз, и другой удар со всего размаху ложится на спину несчастной клячи.

— Добивай! — кричит Миколка и вскакивает, словно себя не помня, с телеги. Несколько парней, тоже красных и пьяных, схватывают что попало — кнуты, палки, оглобли и бегут к издыхающей кобыленке. Миколка становится сбоку и начинает бить ломом зря по спине. Кляча протягивает морду, тяжело вздыхает и умирает.

— Доконал! — кричат в толпе.

— А зачем вскачь не шла!

— Мое добро! — кричит Миколка, с ломом в руках и с налитыми кровью глазами.

— Ну и впрямь, знать, креста на тебе нет! — кричат из толпы уже многие голоса.

Но бедный мальчик уже не помнит себя. С криком пробивается он сквозь толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы... Потом вдруг вскакивает и в испуге бросается со своими кулачками на Миколку. В этот миг отец, уже долго гонявшийся за ним, схватывает его наконец и выносит из толпы.

— Пойдем! Пойдем! — говорит он ему, — домой пойдем.

— Папочка! За что они... бедную лошадку... убили! — всхлипывает он, но дыхание ему захватывает, и слова криками вырываются из его стесненной груди.

— Пьяные шалят, не наше дело, пойдем! — говорит отец. Он обхватывает отца руками, но грудь ему теснит. Он хочет перевести дыхание, вскрикнуть и просыпается.

Вот что происходит в этом сне: лошадь — наивное и из зверей самое подобное и близкое человеку животное — взрослыми избивается и забивается до смерти, и только ребенок всю жестокость их действий воспринимает и опознает! Взрослый может отвернуться, ребенок не может: он воспринимает все. Это, конечно же, травматический сон. Для меня этот

сон отражает травму многих детей, некоторые из них — пациенты психиатрической больницы.

Мы видим, как каждое новое действие взрослого мира все сильнее ранит ребенка. Отец не выполняет своей функции, функции взрослого. Седой старик — тоже. Как и в случаях маленьких пациентов, этот мальчик нигде не находит помощи. Никому не

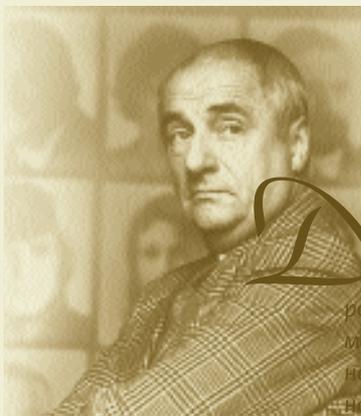
приходит в голову послать за полицейским. Как и в современном обществе, неизвестно, существует ли он, где его можно найти, до того ли ему, будет ли он действовать во благо ребенка. Ребенок вынужден конфронтировать с происходящим, противостоять ему абсолютно один. Как и Илюша Снегирев в романе «Братья Карамазовы». Конечно, это сон и о заблокированном, на-

рушенном развитии. Для меня это одновременно и сон о России. Важный вопрос: находимся ли мы еще в этом сне или уже в том месте, где Раскольников в ужасе проснулся?

«Преступление и наказание» – классика. Предлагая перечитать сон Раскольникова, я следую за Львом Семеновичем Выготским, который утверждал, что искусство, как и язык, обычаи и мифы, – результат действия социальной души. Особенность искусства в том, что оно порождает совершенно особую сферу человека – сферу его чувств. Искусство как техника чувств позволяет нам вчувствоваться в то, что на самом деле ощущает ребенок. Но, как и во времена Достоевского, решающим остается вопрос о росте души вопреки страданию и деструктивности.

Детям необходимы примеры осознанного и эффективного обращения с деструктивной энергией. Детям необходим Алеша Карамазов – добрый, открытый и созидательный образ посреди страшного мира. Один его способ присутствия – «быть здесь, видеть прекрасное и хорошее здесь, быть открытым...», действует невероятно сильно и многое задействует: сразу начинает казаться, что все идет к лучшему. Он дает ориентиры для будущего, он рождает надежду.

Нужна модель достойного и эффективного обращения со злом, которое явно или неявно во многих жизненных ситуациях царит в нашем мире. И первая задача психологов и психотерапевтов в том, чтобы проникнуть, говоря словами Льва Выготского, в потаенные планы конфликтов детей с миром и постичь мотивы детских травм. Но постижение мотива – это лишь один из важных шагов на пути избавления от травмы. Вторая задача, которая стоит сейчас перед психологами, – это задача создания перед детьми и взрослыми ценностных ориентиров будущего, которые помогут детям овладеть собой в кризисных ситуациях и вооружат, увы, все-таки вооружат их психологическими орудиями, дающими силы побеждать зло и преодолевать барьеры на своем жизненном пути. |

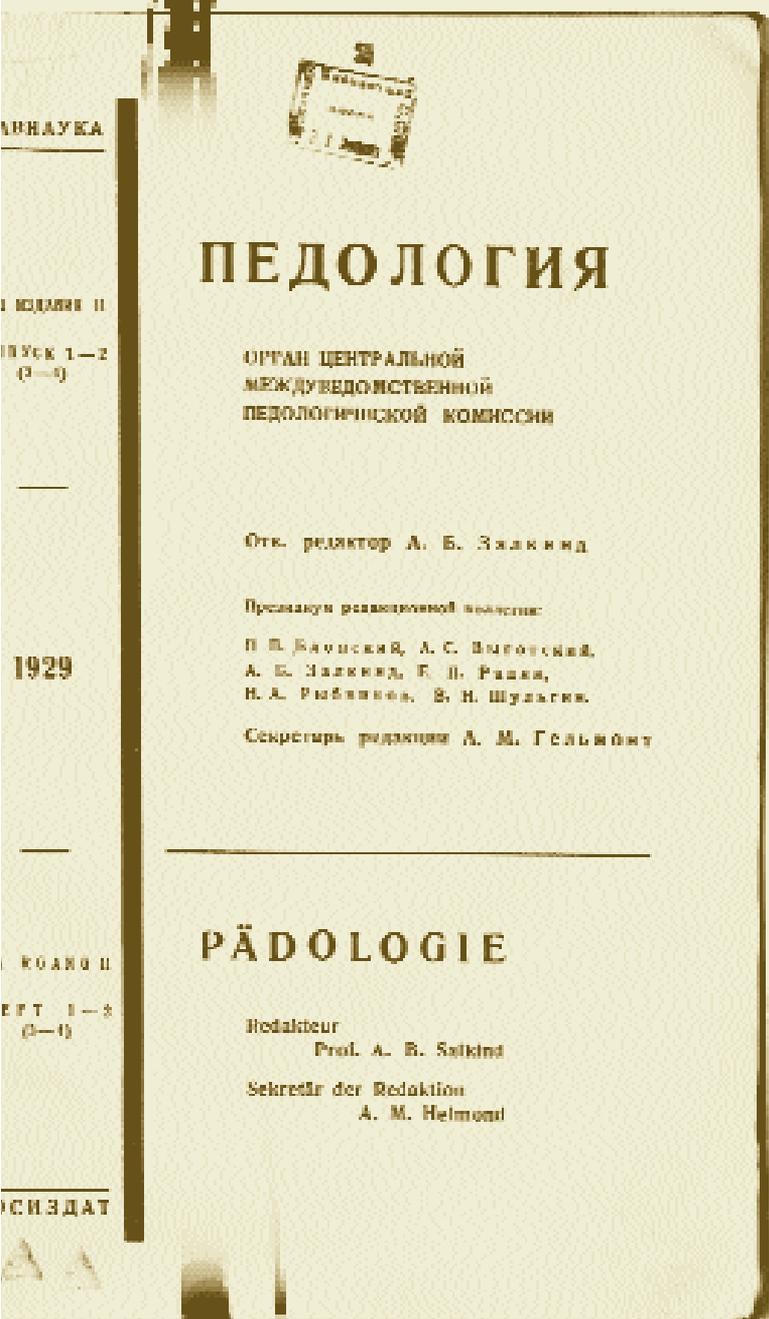
етство – одна из самых больших проблем великой державы, каковой хочет считать себя современная Россия. Большинство стран Европы давно уже не знают, например, детских домов – сироты в цивилизованных странах мира незамедлительно попадают в семьи, получают нормальное доброе воспитание и, как правило, основательное хорошее образование. В России сотни тысяч беспризорных детей – страшная и позорная цифра. Она же показатель революционной ситуации: такое количество беспризорных детей может быть только в стране, где происходит братоубийственная бойня. Именно так было после революционных событий октября 1917 года. Эта цифра, угрожающе огромная, полностью дискредитирует Россию перед всем миром. Я же воспринимаю это как вызов каждому из нас. И считаю, что каждый из нас должен что-то сделать для решения проблемы детства.

Мы не очень хорошо знаем, что такое новая информационная цивилизация конца – начала века, в которой живем мы и наши дети, насколько экологически небезопасен информационный поток? Как он воздействует на здоровье человека, его психику. Как компьютер, компьютерные игры влияют на нашу жизнь и жизнь детей? Много не ясно: например, массовый эпилептический припадок японских детей, вызванный просмотром мультфильма. В чем его причины? Современные дети растут и в атмосфере насилия, которое остается нормой отношений во многих семьях, становится нормой жизни в нашей стране.

Современные родители – люди поколения, которое не всегда готово отвечать на эти вопросы, а потому и не способно защитить детей. Научимся ли мы – есть сомнения, потому что разум и психика человека, судя по всему, мало изменились с библейских времен и по-прежнему оказываются беззащитными перед новыми реалиями.

Самое важное для взросления ребенка – дом, семья, родители, учителя. Моему поколению, я родился в 1933 году, можно сказать, повезло – мы самым краешком задела генерацию старых учителей. Когда-то в России учительский корпус был очень силен, авторитетен, благополучен в экономическом отношении. Я говорю, что нам повезло, потому что вскоре в педагогические вузы пошли люди, не добивавшие очков в так называемые престижные институты и, как правило, далеко не самые талантливые. Поэтому одна из задач, стоящих перед Россией: нельзя решить проблему детства, не решив проблему учительства. Профессия учителя вновь должна стать престижной, благополучной. Не обязательно богатой, но хотя бы благополучной. Учительство должно стать профессией талантливых людей.

Я сторонник теории малых дел – в государство я не верю, не верю в правовую систему, которая не может защитить ребенка и не позволяет другим реализовать благие начинания. Поэтому каждый должен действовать сам, если мы хотим что-то изменить. |

Сегодня историки, философы и генетики как бы заново восстанавливают судьбы своих наук в культуре. А что произошло с педологией? Каковы причины ее рождения в мире и гибели в России в 1936 году? Какова ее социальная биография?

Для понимания этого необходимо прежде всего напомнить, что мозаику культур в ходе человеческой истории можно расположить как бы у двух полюсов – полюса полезности и полюса достоинства. В культуре полезности господствует представление о том, будто мир – большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размерено, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романе-утопии Замятина «Мы» и в романе-утопии Оруэлла «1984». Но, как пелось в песне, «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Сказки-утопии Замятина и Оруэлла сделали былью, они стали безличной культурой полезности, в которой любая психология конкретного человека и, конечно же, гуманистическая культурно-историческая психология были противны самой сути культуры полезности, уже фактом своего существования посягали на устои этой культуры, а тем самым были для нее опасны и избыточны.

В 30-е годы тень культуры полезности тоталитарного социализма медленно, но верно наползала на генетику, ноосферную философию, психологию, педологию и педагогику.

Наряду с генетикой эта наука подвергается остракизму потому, что в педологии как науке о целостном изучении развития и воспитания ребенка, в психологических исследованиях, диагностике индивидуальных способностей каждого ребенка складывавшаяся в 30-е годы командно-административная система не нуждалась. Этой системе легче управлять одинаковыми людьми. А тут – педология, угрожающая мифу об одинаковости людей, внедряемой в массовое сознание формуле «незаменимых нет». Не удивительно, что на руинах педологии в обстановке всеобщей унификации утверждалась педагогика казарменного типа.

Культура полезности утверждала, что только она обладает правом решать, куда идти человеку, где ему быть, о чем ему позволительно думать. Культуре полезности не нужны личности и науки, ориентированные на судьбы личности, на то, что стоит за каждой личностью, – изменчивость, вариативность, непредсказуемость. Эти науки, будь то педология, культурно-

историческая психология Выготского, ноосферная теория Вернадского или генетика Вавилова, опасны для тоталитарной системы, поскольку утверждают право на существование непредсказуемости, изменчивости в обществе. И тем самым ставят под сомнение саму модель прозрачного мира, которым может управлять по плану всевидящий часовщик. |

Термин «репрессированная наука» очень точно подходит к педологии, которая возникла на рубеже веков и стала одной из самых популярных психологических отраслей почти на три десятилетия. Педология была создана американским психологом Гренвиллом Стенли Холлом. В 1883 году он организовал при Балтиморском университете первую в США экспериментальную лабораторию, в которой началось изучение психического развития детей, преимущественно подростков. Холл также основал первые в мире журналы, посвященные проблемам возрастной психологии и педологии.

Материалы, полученные в исследовании Холла, позволяли составить комплексную характеристику детей, проанализировать их проблемы с точки зрения взрослых и с позиций самих подростков. Этот подход был положен Холлом в основу созданной им науки педологии – комплексной науки о ребенке. Педология объединила знания разных отраслей, связанных с исследованием детского развития. Хотя многие положения педологической концепции Холла были довольно скоро пересмотрены, сама наука педология, созданная им, очень быстро завоевала популярность во всем мире и была признана почти до середины XX века.

Популярность педологии объяснялась главным образом ее ориентированностью на практику. Учителя и воспитатели во всем мире сталкивались с целым комплексом проблем, среди которых и здоровье детей, и их психические качества, и социальный статус, и образование родителей. Именно эти задачи и решала педология, развивая комплексный подход к исследованию детей. Центром исследовательской работы стало изучение проблемы развития.

Пионерами педологии были врачи и биологи, так как в то время именно они владели большим количеством объективных методов исследования детей, а психология еще не наработала эти методы. Однако со временем на первый план вышла именно психологическая сторона исследований, и постепенно, начиная с 20-х годов, педология стала приобретать ярко выраженную психологическую направленность. При этом название «педология», введенное учеником Холла О.Кристиеном, было заменено новым – «исследование ребенка» («child study»).

Популярность педологии привела к развитию массового педологического движения не только в Америке, но и в Европе, где ее инициаторами стали известные ученые: Э.Мейман, Д.Селли, В.Штерн, Э.Кларед.

Развитие педологии требовало новых объективных методов психического развития детей. Эти методы по своей достоверности и объективности не должны были уступать естественно-научным (антропометрии, тестам Гальтона), но в то же время стали бы именно психологическими методами, направленными на изучение познавательного развития детей. Такие методы, получившие название тестов, были разработаны педологами – А.Бинэ, А.Гезеллом, В.Штерном.

В России интерес к педологии был подготовлен развитием смежных наук – физиологии, педиатрии, психиатрии. Большой вклад в развитие детской психологии в начале XX века внесли Г.Россоломо, В.Кашенко, А.Нечаев, Н.Румянцев и В.Бехтерев. |

В советскую эпоху на первый план выступило новое поколение педологов – Л.Выготский, П.Блонский, М.Басов, А.Залкинд, Н.Рыбников, С.Моложавый и многие другие исполненные энтузиазма служения марксистскому утопическому идеалу создания нового человека. Это время – время напряженной работы мысли над определением содержания предмета педологии.

Наиболее краткое и емкое ее определение как «науки о целостном развитии ребенка» мы встречаем у Льва Выготского. В его короткой формуле заложены два важнейших принципа: генетический принцип или принцип развития и целостность как единственно продуктивный способ запечатления развития во всем многообразии его факторов и механизмов. Традиционно изучавшиеся порознь разными науками биологические, психологические и социальные переменные должны быть представлены как неотъемлемые качества целостного процесса развития. «Изучение этих новых качеств и соответствующих им новых закономерностей, которые представлены в синтезе отдельных сторон и процессов развития, мне кажется, – писал Лев Выготский, – и является первым признаком педологии в целом и каждого педологического исследования».

Однако принцип целостности стал для отечественной педологии методологическим камнем преткновения. Сложилось положение, когда медики, физиологи, психологи, социологи относились к педологии на том лишь формальном основании, что изучали ребенка. На эту трудность интеграции предмета педологии обращал внимание П.Блонский: «Сейчас каждого изучающего детей считают педологом, и всякое изучение ребенка считают педологией. Но вряд ли следует так чрезвычайно расширять значение этого слова. В результате такого расширения все проигрывают и никто не выигрывает: с одной стороны, педология присваивает себе то, что по праву принадлежит другим наукам – физиологии, психологии, социологии и добыто именно ими, с другой стороны, как раз вследствие этого педология как самостоятельная наука перестает существовать, ибо оказывается без своего особого специфического предмета».

Почему же путь советской педологии столь быстро оборвался? В среде психологов давно распространилась легенда, согласно которой школьный педолог, обследуя детей, обнаружил у одного из них уровень интеллектуального развития (IQ) значительно ниже нормы, не ведая о том, что перед ним сын Сталина (по другой версии – Жданова), – тем самым судьба педологии была предрешена.

Едва ли кто-либо сегодня сможет подтвердить правдивость этой легенды. Но даже если бы она представляла собой чистый вымысел, судьба советской педологии не могла сложиться иначе. И дело здесь не только в том, что сталинское руководство использовало антипедологическую кампанию как средство расправы с неудобными руководителями Наркомпроса – А.Бубновым и Н.Крупской, курировавшими педологию. Дело в том, что педология разделила общую судьбу науки тоталитарного общества – судьбу «репрессированной науки».

За этой метафорой, введенной М.Ярошевским, кроется несколько смыслов. Самый «прозрачный» – непосредственные репрессии, которым подвергались ученые: лишения возможности работать, публиковаться, аресты, физическое уничтожение. Однако репрессированная наука – это и репрессированная мысль: научная мысль, естественная логика развития которой оказалась грубо деформированной идеологическими и политическими интересами тоталитарного государства. Интересы же предполагали отторжение практической психологии и педологии как ее части от социальной практики, ибо последняя строилась на принципах, не имевших ничего общего с непредвзятым, объективным научным анализом.

Разгром педологии оказался самым «громким» эпизодом последовательного уничтожения практической психологии в СССР, закончившегося к концу тридцатых годов. С тех пор на протяжении почти шести десятилетий отечественная практическая психология если и существовала, то скорее «в пробирке» – на отдельных небольших экспериментальных площадках. Процесс ее реального возрождения начался на рубеже девяностых годов, естественно, теперь уже во многом в опоре на западный опыт. А между тем опыт отечественной педологии хранит в себе бесценные, не ставшие анахронизмом и в наши дни знания и способы практической работы, о которых мы будем писать на страницах журнала. ■

науки о детях возможно лишь на основе преодоления указанных выше антинаучных принципов современной так называемой педологии и суровой критики ее идеологов и практиков на основе полного восстановления педагогики как науки и педагогов, как ее носителей и проводников.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Восстановить полностью в правах педагогику и педагогов.

2. Ликвидировать звено педологов в школах и изъять педологические учебники.

3. Предложить Наркомпросу РСФСР и Наркомпросам других союзных республик пересмотреть школы для трудновоспитуемых детей, переводя основную массу детей в нормальные школы.

4. Признать неправильными постановления Наркомпроса РСФСР об организации педологической работы и постановление СНК РСФСР от 7 марта 1931 года «об организации педологической работы в республике».

5. Упразднить преподавание педологии, как особой науки, в педагогических институтах и техникумах.

6. Раскритиковать в печати все вышедшие до сих пор теоретические книги теперешних педологов.

7. Желающих педологов-практиков перевести в педагоги.

8. Обязать Наркома Просвещения РСФСР через месяц представить в ЦК ВКП(б) отчет о ходе выполнения настоящего постановления.

ЦК ВКП(б).

Возвращение сегодня к понятию «педология», включение его в название нового журнала вызывают у меня сомнения. Во-первых, педология была точным словом лишь в то время, когда наука о ребенке только зарождалась. Кроме того, это понятие многозначное. Так, например, называется еще и наука о почвах, а у неспециалистов «педология» вызывает определенные нелепые ассоциации. Поэтому правильнее было бы использовать понятие «детская психология».

Педология была наукой глобальной и абсолютно не конкретной. Свой крах она потерпела из-за неоправданности системы тестирования. «Тесты дают только феномены, но не вскрывают механизмы», – говорил Лев Выготский. Как точно подмечено! Тесты действительно показывают внешнюю картину, но не объясняют, почему она сложилась именно таковой. А детская психология – живая наука, постоянно и динамично развивающаяся. Сегодня она не ограничивается понятием «возраст»: где живет мальчик или девочка, к какой принадлежит социальной среде, к какой возрастной группе относится – все эти вопросы, дифференцированный подход обязательны для изучения ребенка.

Конечно, наука о ребенке конца двадцатого века имеет свои особенности. Но главным, думаю, остается обогащение ребенка, а не ускорение его развития. Ведь логика освоения мира, в котором живут наши дети, остается неизменной. |

/ Людмила Обухова,
 профессор Московского
 государственного университета

Идея педологии как самостоятельной и единой науки возникла не у нас. Она результат развития американской и европейской науки. Но вместе с тем современного исследователя поражает тот факт, что педология, родившаяся в Европе и Америке, умерла фактически и там и здесь почти что окончательной смертью настолько, что самое имя «педология» оказывается основательно забытым...

Многие склонны видеть в этом факте прямое доказательство нежизнеспособности педологии... Но они забывают при этом, что на обязанности того, кто хочет объяснить этот факт, лежит дать ответ и на второй вопрос: почему же педология возникла – просто ли досужие люди и по-видимому не особенно дальновидные в своей научной области решили изобрести эту науку?

...Стихийно целый ряд отдельных дисциплин, разрабатывающих проблемы, смежные с педологией, стихийно, сами того не осознавая, становятся на педологическую точку зрения и этим каждый раз показывают, что идея создания педологии родилась не случайно, но что весь ход развития детской психологии, психологии и анатомии детского возраста и та определенная область исследования, которую американцы называют наукой о ребенке, наукой, изучающей ребенка, что все эти отдельные области с необходимостью толкали исследователей, лучших из них к постановке вопроса о необходимости особой научной точки зрения, особого разреза научного исследования, который в свое время был назван педологическим...

Мне кажется, что в самой объективной реальности тех фактов, которые мы изучаем, заложена необходимость педологического подхода к ним.

...Детская психология, изучающая поведение ребенка и его развитие, может и должна развиваться не иначе как одна из педологических дисциплин, то есть она должна исходить в своих основных построениях из целостного, то есть педологического представления о том месте, которое занимает психологическая эволюция в общей системе онтогенеза.

Лев Выготский
 / фрагменты доклада, сделанного 21 февраля 1930 года
 на совместном заседании секции психотехники
 Комакадемии и психотехнического общества

Педология возникает на основе завоеваний анатомии, физиологии и психологии детского возраста. Поэтому многим кажется, что она является просто компиляцией или в лучшем случае синтезом этих различных наук. Но сами эти науки станут науками в истинном смысле слова только тогда, когда они будут опираться на исторически возникшую на их основе, но методологически являющуюся их основой – педологию.

Мы сейчас переживаем новый этап в развитии нашей науки... Мы подходим к синтезу, к целостному развитию ребенка. И если синтез есть не пустое слово, а обозначает реально существующий в природе факт, то педология приобретает в признании этого факта свою незыблемую объективную прочную основу... |

*Лев Выготский / из статьи, опубликованной
 в журнале «Педология» в 7-8 номере за 1932 год*

Антип и Аня не любят, когда я дурачусь. Пою песни и пляшу. Антип – кот, поэтому он кидается мне на ногу, повисает на штанине вниз головой, вцепившись всеми четырьмя лапами, и кусается. Аня – моя дочь, поэтому она интеллигентно кричит: «НУ, ПАПА! НУ, ПАПА!» – топает ножкой и прочее.

Почему Дом Блохи (прозвище кота) не любит моих дурачеств? Смутно догадываюсь. Когда я, вдруг, начинаю петь и скакать, я перестаю быть, в его глазах, собой. Перестаю быть Человеком, следовательно, возможно, даже становлюсь Котом. Котом на территории Антипа. Котом гигантских размеров... В таком состоянии одному из нас не жить!

Почему «АН-86» (прозвище дочки по году рождения) не любит моих дурачеств? Могу предположить, что почти по «котовым» соображениям. Дело не совсем в том, что теряется решект. Если я искренне дурачусь – я становлюсь ребенком. Став ребенком, я попадаю на чужую территорию, нарушаю границу. Нарушитель границы получает отпор.

Почему мне не нравится (бесит), когда моя дочь, твердо глядя мне в глаза и не отводя своего взгляда, говорит: «Нет, папа»? Почему мне не нравится (разрешаю, но внутри коробит), когда Анька пользуется косметикой? В одном случае она на самом деле становится взрослой, в другом – играет во взрослую. Но, так или иначе, пересекает границу, вторгается во взрослый мир.

Почему мы, взрослые, боимся вторжения НАШИХ детей в НАШ мир. Потому что наш взрослый мир местами тёмн, страшен и порочен. И нам стыдно. Стыдно за ежедневное вранье, стяжательство, интриги, брань и похабщину. Описывать ужасы взрослого мира нужды нет, здесь все свои, не так ли?

А какие сокровища охраняют эти милые драконы – наши дети? Джеймс Барри в своей классической сказке «Питер Пэн и Венди» писал, что «дети безжалостны и бессердечны». Не верите? Так проверьте! Часто ли они вам звонят, когда задерживаются в школе? Часто ли говорят матери: «Ты устала, сиди, посуду вымою я»?

А дикая первобытная алчность? От кого мы прячем стиральный порошок и «питательный» крем для рук? Кто способен объесться шоколадом до поноса на дне рождения, напиться холодной газировкой до ангины и украсть у друга понравившуюся (сил нет) игрушку? Кто на просьбу друга дать фломастер ответит: «Надо свой иметь, Федя»? (Представьте сцену в гараже: «Петрович! Дай ключ на 17».

ДЕТИ – ЭТО ГАДОСТЬ / даниил хармс

И ответ: «Надо свой иметь!» Уверю, вам нелегко будет сдерживать эмоции.)

А их замечательная, извините, сексуальность? С полным набором: от садизма до инцеста. Целомудренно не станем развивать эту тему, мы, взрослые, очень целомудренны. Вообще непонятно, откуда у нас, таких хороших, да вдруг дети.

А страхи? До неприличия, предательства, слез и мокрых штанов. И мы стараемся не пустить чужака...

НО скажите, кому ребенок несет показывать свой рисунок? Другам? Никогда! Вам... С кем вы катались на санках с горки? И когда бы вам еще представилась такая легальная возможность...

Мы приходим на границу с детством и приносим с собой все лучшее, что у нас есть. С нашими детьми мы кормим птиц и бездомных зверей, спасаем дурацких божьих коровок, неумоимо развинчивая оконные рамы. Читаем им лучшие книги, смотрим лучшие фильмы и спектакли. Зарядка, опять же... Стали бы мы все это проделывать без них? Вопрос.

И наши дети показывают нам самое ценное, что они обнаружили в этом диком мире. Пупырчатую жабу, зеленую лягушку, голубую ящерицу. Вы видели голубую переливающуюся ящерицу? А я видел. Ее показала мне дочка. Правда, ящерица была дохлая, и не просто дохлая: ее поймала и съела на даче соседская кошка, потом ее стошнило. Но ящерица была очень красивая. А если указательным и средним пальцами левой руки оттянуть себе веки вниз, а между ними просунуть указательный палец правой и им пошевелить – получится «комарык», как сказала моя замечательно картая Аня. Уверю вас, ничего более смешного за последние пару лет я не видел.

Все-таки мы очень хороши собой. И девочка, пахнущая жевачкой и фантой, с плеером в ухе и на роликовых коньках. И толстый бухгалтер с маниакальной мыслью о налогах. Мы красивы.

И мы приходим на границу «обменяться». Мы врем друг другу. У нас не все так хорошо. Но это добрая ложь. Это тяга к свету. Это наш путь. Мы остро нуждаемся в этой нейтральной полосе. Там мы перестаем быть взрослыми и детьми. Там мы снова люди.

Встретимся на границе! |

/ омар годинес

Когда я была маленькой девочкой, мне нравилось все маленькое: лошадка пони, на которой катали детей, поездка на детской железной дороге, где все было как настоящее, только в два раза меньше; маленькие чашки и ложечки, подаренные мне бабушкой на день рождения, – из них можно было пить чай. У взрослых было много разных предметов, недоступных для детей, и, может быть, поэтому мне казалось справедливым, чтобы и у детей были свои вещи, не подходящие для взрослых. Я мечтала о домике, если не настоящем – для меня, то хотя бы игрушечном – для моих кукол и плюшевых медвежат. Не успела я помечтать – как уже выросла. У меня появилось много взрослых дел – стало совсем не до игрушек. А потом...

Потом у меня родился сын Филипп. И вот уж с ним мне удалось поиграть как следует. Ведь теперь никто не говорил мне: «Пора спать, убери игрушки».

Мы играли во все, что подворачивалось нам под руки, а иногда сами делали игрушки – тряпичного львенка, деревянного гномика или какое-нибудь невообразимое существо с десятком лап и пуговицей на затылке – и сочиняли о них разные истории. Постепенно герои этих историй заселили целую страну. Она называется Штушляндией, потому что в ней живут Штуши.

Первый Штуша появился, когда сыну было пять лет. А в одиннадцать Филипп вспомнил: «Со львенком было интересно играть, ему можно было дом строить, он был добрый. Но Штуши выгеснили его. О льве нельзя было придумать столько всего, как о Штуше. У льва был уже готовый характер (он такой же, как в мультфильме о Львенке и Черепахе). А Штушу мы почти всего сами придумали. Штуши появились как раз тогда, когда я перешел от поглощения к собственному изобретению. Штуши очень справедливые и добрые, они всюду суют свой нос. Я часто удивлялся, почему взрослые редко чем-то интересуются. Штушам я придумывал те черты, которых людям не хватает».

Вам бы тоже понравились Штуши. Они сшиты из бархата, у них золотистые глаза из блесток, а вдоль спины тянется волнистый гребень, переходящий в хвост. Название для них мы позаимствовали из мультфильма о слоненке Фантике, в котором среди реальных зверей жил и Очень

Страшный Зверь Штуша-Кутуша. Но наши Штуши совсем не страшные. Самый главный Штуша – Профессор Э, директор лаборатории всех наук. Кроме Штуш в Штушляндии живут королева Эмма, с виду похожая на толстую змею, и ее подруга Лира. Обе они отличаются отменным аппетитом.

До появления Штуш (то есть от трех до пяти–шести лет) мы просто воспроизводили в игре сюжеты сказок и мультфильмов или повторяли то, что произвело на Филиппа

сильное впечатление, – цирковое представление, визит к врачу, путешествие на поезде. И тряпичный львенок мог сначала кататься на черепахе, как в мультфильме, а потом прыгать через кольцо, как в цирке. Иногда в наших играх сталкивались герои разного происхождения – например, мы пытались выяснить, кто кого победит, если этот же львенок встретится с картонным Змеем Горынычем.

Комбинации традиционных сюжетов давали простор детской фантазии. При этом ребенок придумывал новые истории с игрушками в руках, и мы всегда могли сделать из кубиков, картона или лоскутков то, что требовалось по ходу игры.

Придумывали мы вместе, а большая часть шитья или конструирования приходилась на мою долю. Филипп помогал как умел: строил дома из кубиков, лепил из пластилина, делал зверушек из желудей, склеивал из бумаги крепости и замки, раскрашивал их, набивал лапки нового плюшевого зверька ватой или пришивал глаза из пуговиц. Словом, занимался тем, чем занимается любой ребенок в детском саду или в первом классе. Но все эти занятия приобрели для него совершенно иной смысл. Ведь согласитесь – одно дело пришивать пуговицу к лоскутку на уроке труда, даже если получишь за это пятерку, и совсем другое – так же работать иглой, если знаешь, что сейчас твой самодельный зверь начнет все рассматривать своими глазами из пуговиц.

Некоторые игрушки обретали характер, еще не получив лап и хвоста. Представляете: недошитая морда начинает прыгать и кусаться.

Львенок или Штуша всегда путешествовали с нами – мы не скушали, если приходилось долго сидеть в очереди в поликлинике или ехать в электричке на дачу. Просто мы доставали из сумки пару зверушек, и они начинали прятаться в рукав, дергать друг друга за уши или норовили отгрызть кусочек собственного хвоста. О наиболее интересных происшествиях Филипп сочинял комиксы, а позже, когда научился писать, рассказы и даже книги.

Постепенно Профессор Э обзавелся многочисленными сородичами – штушами, штушихами, штушатами и даже древними предками – сумчатыми штушесаврами. Для размещения Штуш мы сделали очень красивый картонный Дом, к которому позже пришлось пристроить лабораторию, где Профессор проводил свои научные эксперименты. Игра становилась все более увлекательной. В ней стали участвовать друзья Филиппа. Они тоже придумали и сделали себе забавных зверушек, которые собирались на общие чаепития и приносили с собой самодельную посуду, одежду, мебель, бусы или расписные подносы штушинского размера и многое другое. Дома у ребят зверушки жили на полках в шкафу, в уголке для игрушек или в построенных для них домах.

Собираясь вместе, жители Штушляндии оказывались в волшебной стране, похожей на страну Мумми-троллей и другие фантастические миры, а после игры уходили с мечтой в голове и игрушкой в кармане. При этом ни Филипп, который посвятил Штушляндии очень много времени, ни другие ребята никогда не путали фантазию и реальность. Но фантастическая страна помогала осваивать реальный мир.

Вот что я прочла однажды среди записей Филиппа: «Штуша не просто существо с ногами, лапами и ушами, а, собственно говоря, цельная мировоззренческая система, применимая на все случаи жизни. Штуша – это воплощение великой мечты о спокойном и умиротворенном (не идеальном!) обществе (мире)».

Когда мы шили своего первого Штушу, я и не предполагала, что мой сын выстроит целый мир вокруг маленькой – не больше ладони – забавной игрушки и что описание Штушляндии надолго станет его Главным Делом. Что десять его одноклассников один за другим включатся в нашу Игру и в течение нескольких лет (с первого по седьмой класс) почти каждый выходной будут приходить к нам (со своими самодельными зверушками) читать, рисовать, наносить на карту Штушляндии материка и острова, делиться с другими тем, что умеют; ставить спектакли, смеяться, делать новые игрушки – жить в волшебной стране. И эту волшебную страну дети создали вокруг Штуши.

После того как Филипп сказал о Штуше: «Вообще-то Профессор – это я сам», мне стало интересно, как относятся к своим игрушкам другие ребята.

Шурик, лучший друг Филиппа, в пятнадцать лет ответил так: «Это была очень интересная игра, необычная. В ней все было устроено по нашим законам. Больше, пожалуй, я так ни во что не играл. А главной для меня была Лира – очень смешная змея, прожорливая, хитрая, с чувством юмора. Мне и самому хотелось бы, чтобы у меня было больше чувства юмора, я ведь ко всему отношусь слишком серьезно».

Об этом я говорила и с другими ребятами.

Оля. «Я начала играть в третьем классе. Сначала у меня был синий штуша, он убежал – штуши вообще бегливые. Потом был красный; как звали, кажется, Лойолла. Он был более спокойный, рассудительный, постоянно что-то делал. Он хотел иметь собственный остров и построить на нем дом. Ему это потом удалось. Он был как бы моей второй половиной, у него были мои хорошие качества, и отрицательные. Я очень удивилась, когда это обнаружила в двенадцать или тринадцать лет. В Игре самой интересной для меня была идея другого мира. Создание своего мира».

Леван. «Я начал играть в детском саду или в первом классе. Мой штуша любил, чтобы все было удобно. Он был строгий, не терпел беспорядка. Я думаю, я хотел отразить то, чего хотел достичь сам. В нашей игре все было как в реальном мире, но не было ничего непонятного. Можно было делать что хочешь – дом, например, построить. Я мог все сделать сам. Другие игры все-таки ограничиваются правилами. А у нас мир был какой-то волшебный, сказочный».

Настя.

«Моя Штушета была красивой и своенравная, умная и респектабельная. Наверное, я и сама хотела быть такой. У меня всегда были очень

напряженные отношения с подругами, мне не доставало спокойного общения с ними, а Штушета была

очень дружелюбная. В игре я могла расслабиться: у нас была совершенно особая атмосфера, всегда можно было найти компромисс.

Саша. «У меня была змея господин Микки. Ее основные черты – хитрость, склонность к пунктуальности, строгость... В игре надо было оценивать ситуации, похожие на жизнь, но не страшно было ошибиться, ведь можно было переиграть заново».

Света. «В первом классе Филипп подарил мне штушу Герберта. Папа помог сделать для него дом, мебель. Герберт очень любил мягкую кровать и не любил есть хлеб. У него была потом фирма «Герберт продакшн», она выпускала холодильники – я их сделала множество из пенопласта и фольги. В другие игры я почти не играла, только в мячик или в прятки. Остальные игры мне заменил Герберт. С ним и одной играть было интересно».

Надя. «Во втором или третьем классе Саша подарил мне на день рождения змею – и я начала играть. Змея была очень общительная и веселая. Потом появилась Штушелотта – маленькая, скромная. Она не любила беспорядок, часто прихорашивалась, была очень аккуратная. Эта игра стала для меня общением, особенным, ни на что не похожим».

Алла. «Я вошла в эту игру в пятом классе: ребята приносили в класс игрушки, рассказывали об игре. У меня появилась змейка Марта и штуша Штушак. У взрослых были свои собы-

тия – перестройка, реформы. И у нас было как в стране: политика, банки, фирмы. Но когда читаешь газеты или смотришь телевизор, понимаешь, что ты ничего не решаешь, а в игре от тебя зависит все, что происходит. Другие игры, дочки-матери или куклы, они более однообразные, а здесь все время все новое – разные события, люди разные».

Маша. «Я начала играть в шестом или седьмом классе. Алла дала мне для игры свою змею Марту. Нет, никакого особенного характера у нее не было – она же была уже готовая, чужая».

Пятеро из десяти детей отметили, что перенесли на свои игрушки реальные или желаемые черты собственной личности. Можно предположить, что это – важнейшее условие формирования игры и что именно создание игрушки, воплощающей представление ребенка о самом себе, позволило ему сохранить эмоциональную связь с игровыми и учебными сюжетами, которые позже были введены в нашу игру.

В нашей игре такой перенос произошел спонтанно. От создания игрушки до определения ее характера проходило несколько недель или месяцев игры. Не все дети проецировали свое «я» на фантастического зверька – вероятно, для некоторых игрушечный персонаж был только поводом для общения с другими. Обычно лишь на одну из игрушек ребенок проецировал свои черты, хотя у некоторых детей было несколько самодельных зверушек. Например, на третьем году игры у Шурика появился толстый штуша Дедусь, очень ворчливый, похожий на тех взрослых, которые говорят: «В наше время было не так». Дедусь всегда был всем недоволен. Его утрированная ворчливость выглядела смешной и безопасной.

Наши игрушки отличались от обычных тем, что дети не расставались с ними на протяжении нескольких лет, придумывали о них истории, делали для них одежду, посуду, мебель, выстраивали целый мир с домами, материками, а главное – с совершенно особыми отношениями.

Если же ребенок не переносил на самодельного зверька собственные черты, то тот довольно быстро оказывался заброшенным в ящик с прочими игрушками.

Должна признаться, что использовала созданный детьми мир для своих целей – я ввела в игру учебные ситуации. Филипп изучал анатомию Штуш (по учебнику для 8

класса), теорию молекулярного строения вещества, английский язык. Быть может, «учебные ситуации» звучит довольно скучно. Но наша игра от этого скучнее не стала. Напротив, новые сюжеты – работа Профессора в лаборатории, составление карт, освоение новых предметов и идей – расширили игру, дали материал для «научных трудов» и статей в газетах, выпускаемых в Штушляндии. Каждую новую вещь (спичечно-вычислительную машину или штатив с пробирками) Филипп показывал друзьям, поясняя ее назначение и рассказывая о связанных с ней теориях.

Учиться в игре гораздо интереснее, чем за партой. При этом не нужно объяснять ребенку, зачем учить математику или химию, так же как не нужно ему объяснять, зачем играть. Участие персонажей-проекции в учебных игровых ситуациях эмоционально связывает ребенка с происходящим в игре,

снимает

барьер отчуждения между ним и изучаемым предметом.

Сначала возникает внутренне мотивированная потребность в каком-либо действии, а затем (при помощи взрослого) ребенок его осваивает. Например, Филипп очень хотел грамотно писать не потому, что иначе снижают отметку за диктант, а потому, что в книгах Профессора Э не должно было быть ошибок – ведь в настоящих книгах ошибок не бывает. Наша игра обеспечивала начальную мотивацию при изучении любого учебного предмета, введенного в игру, но это не избавляло от необходимости использовать хорошие учебные программы. В игре могут быть сформированы базовые представления, например, представление о молекулярном строении вещества, на основе которого можно строить дальнейшее изучение химии уже вне игры.

Придуманые мною учебные сюжеты следовали один за другим. Но у Филиппа оставалось достаточно свободного времени, чтобы развивать собственные идеи. При этом он иногда обращался ко мне за помощью или консультацией, но чаще просто играл вместе с друзьями. К шестому классу (одиннадцать-двенадцать лет) развитие игры уже практически не зависело от моего участия. Дети перенесли в нее то, что заинтересовало их в реальном мире. Например, посмотрев телевизионные дебаты в парламенте, Филипп и Шурик решили изменить политический строй Штушляндии. Чтобы жители не тратили время на длительные споры, Штушенская Демократическая Республика была превращена в Объединенное Королевство Штушляндии. Если бы кому-то из штушляндцев это решение пришлось не по душе, он мог бы беспрепятственно выйти из состава Королевства и основать собственное государство. Тем и хороша игра – каждый может быть кем угодно, владеть собственным островом (только нужно нанести его на карту) или даже завести себе отдельный астероид. Жители Штушляндии создали и зарегистрировали собственные фирмы, ввели денежную систему, постоянно выпускали несколько газет. Моих знаний катастрофически не хватало, чтобы объяснить, какие документы нужны для регистрации фирмы или как вводить в оборот вновь напечатанные деньги, чтобы это не привело к инфляции.

Воскресные собрания теперь назывались «Штушинская торговля» и моделировали рыночные отношения. У каждого был свой счет в банке, отпечатанные на компьютере наличные деньги, зарегистрированная фирма и собственноручно изготовленные товары. Мальчики предпочитали делать из пластилина, проволоки, фольги и пенопласта компьютеры, синтезаторы, магнитофоны, телефоны, пылесосы и другую сложную технику, а девочки – одежду, одеяла, вязаные коврики, украшения... Во время торговли все это выставлялось на продажу в фирменных павильонах. Результаты тщательно учитывались. Банкроты иногда получали субсидии из королевской казны.

В восьмом классе большинство участников игры перешли в специализированные лицейские классы. Свободного времени у них стало меньше, да и интересы изменились. Игра закончилась.

ГЭЙМ
OVER

Хотя с завершения игры прошло уже много времени, дети выросли, игрушки по-прежнему живут у них. Когда я говорю об игре, мне приходится быть очень осторожной – ведь речь идет о внутреннем мире детей.

Игрушка-проекция – не просто любимая игрушка ребенка, это часть его «я». Ребенок предоставляет игрушке возможность действовать, делать то, что он хотел бы сделать сам. Возможно, если бы наши зверушки были больше похожи на людей, вокруг них не вырос бы такой фантастический мир – заданность образа игрушки ограничивает фантазию ребенка.

В любой игре ребенок реализует свои потребности – потребность в движении, общении, познании. Но когда нет ограничений какими-либо заранее заданными правилами – как в нашей игре, – ребенок неосознанно проецирует свои потребности на игрушку и реализует их в созданном в соответствии с этими потребностями фантастическом мире. Наша игра – это модель мира, выстроенная ребенком в соответствии с собственным уровнем понимания. Действия и понятия, сформированные в мире игры, используются затем в реальной жизни.

Для малыша шести–семи лет очень важно, чтобы новые понятия и отношения вводились сначала на предметном уровне – с игрушечным оборудованием или новым персонажем.

Ребенок может придумать игрушку сам или вместе с мамой. А вот играть одному, конечно, не так интересно, как в компании сверстников. То, что сделал ребенок, оказывается интересно и нужно другим. Каждый делится тем, что умеет. Каждый в игре строит мир со своими законами. Если представления детей совпадают – можно играть вместе. Если товарищ с чем-то не согласен или у него другие интересы – можно играть одному в те же игрушки. Участники игры стимулируют активность друг друга рассказами о своих исследованиях, обмениваются игрушками, самодельными газетами, новыми идеями; у них есть возможность в игре со сверстниками реализовать деятельность, соответствующую своей системе ценностей.

Игра может развиваться и без участия взрослого. Однако сюжеты в этом случае будут менее разнообразны. Дети при этом репродуцируют бытовые сюжеты, играют «в школу» (главный герой выставляет оценки остальным игрушкам) или воспроизводят события, которые волнуют окружающих (как это происходило в Швамбрании Льва Кассиля).

Взрослый не только предлагает новые темы и сюжеты, но

и помогает реализовать на предметном уровне фантазии ребенка: сделать то, что необходимо для игры. Очень важно одобрение взрослого и его радость тому, что научился ребенок, тому, что он придумал.

Важно воздерживаться от оценок творческих начинаний детей. Если ребенок отказывается принять какой-либо учебный или иной сюжет, то в игре его не стоит навязывать. В этом случае придется изучать необходимый материал вне игры или попытаться повторно предложить его через некоторое время – может быть, тогда ребенок будет готов воспринять его.

Я рассказывала о том, как развивалась наша игра – целостная концепция мира, созданная самим ребенком и потому полностью понятная ему. Это не мир взрослых с его загадочными законами и противоречивыми требованиями; здесь не страшно ошибиться, потому что можно переиграть заново.

И еще... несколько правил нашей игры.

Вы предлагаете – дети выбирают. Они выбирают то, что им понятно, то, что соответствует уровню их развития, и то, что соответствует их потребностям в данный момент.

Вы предоставляете детям образцы, которые они во многом копируют. В нашей игре это не выкройки мягких игрушек и не способы изготовления игрушечной утвари – это характеры и отношения. Можно завязать узлом носовой платок и объявить его четырехлапым хрюмзиком – он может быть любопытным или трусливым, и он может соответствующим образом вести себя. Если взрослый превращает лоскуток в забавное существо, то и ребенок воспроизведет это действие. Нужно только помочь ему, поддержать.

Тот образ, который создает ребенок, выбирая материал, цвет, количество глаз, лап, хвостов, помогает на предметном уровне зафиксировать его фантазию.

Подражание стимулирует ребенка выдвигать свои идеи.

Наши персонажи – полноценные члены референтной группы ребенка, в которой, как сказала Настя, «никого не назначают. Сам себя сделал, сам себя ставишь на какое-то место».

Постоянное развитие игры было обеспечено расширением сферы моделируемых ситуаций. Различные учебные предметы – дизайн, физика, химия, биология, история, география, английский язык и многое другое, чего нет в школьной программе, – вводились поочередно. Ребенку трудно перепрыгивать с формирования одного понятия на другое. Сначала надо закончить с одним, а потом браться за следующее.

Каждый новый сюжет отрабатывается (отыгрывается) в течение некоторого периода, потом теряет новизну и привлекательность. Нужно уловить этот момент и предложить что-то другое.

Например, ко дню рождения в девять лет Филипп получил в подарок химическую лабораторию, которую разместил возле Дома Профессора. Крошечные пробирки и колбочки вызвали бурю восторга и потребность в немедленном освоении. В течение нескольких дней Профессор ставил эксперименты, смешивал соду с уксусом, наблюдая выделение пузырьков газа, растворял марганцовку... Приложением к лаборатории послужила молекулярная теория, для освоения которой мы сделали пластилиновые модели реагирующих молекул и повторили (смоделировали) с ними то, что происходило в пробирках.

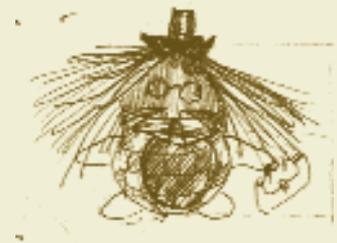
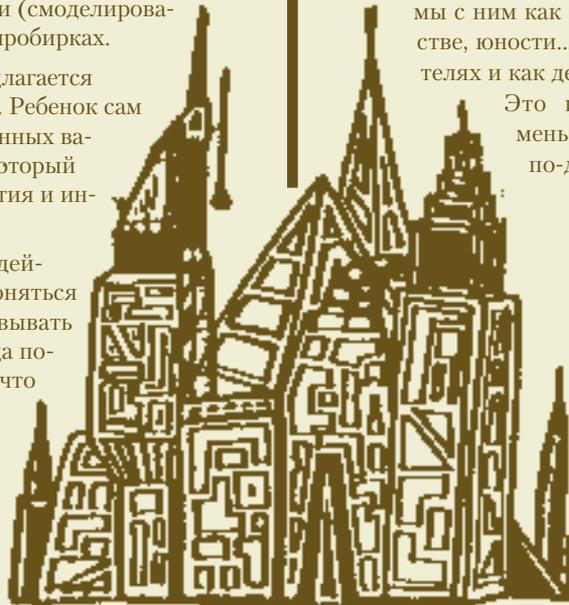
Новый предмет никогда не предлагается жестко, по заранее заданной схеме. Ребенок сам выбирает из нескольких предложенных вариантов тему и способ действия, который больше отвечает его уровню развития и интересам.

Предоставьте детям свободно действовать. В это время они могут гоняться по двору на велосипеде или срисовывать китайские иероглифы – я не всегда понимаю, зачем это нужно, но знаю, что занятие, которое мне кажется бессмысленным, может быть очень важным для развития ребенка. Поэтому в игре практически не должно быть запретов – в игре, а не в повседневной жизни. |

Герой статьи Светланы Боринской – игра, «волшебная сказка детства». Страна Штушляндия – продукт совместного творчества. Взрослые не столько организовывали ее, сколько давали детям образцы для подражания. Вначале этих образцов хватало. Но в какой-то момент, обратите внимание, мир в игрушечном шкафу становится тесен для детей, ставших к этому времени подростками. И игра останавливается. Все точно – ведь психологические задачи старшего подросткового и юношеского возраста лежат уже не в учебе и не в проекции собственных личностных свойств в любимые игрушки. Гениальная и одновременно простая находка мамы Светланы – включать учебное содержание внутрь мотивационно самодостаточных «волшебных игр» своего ребенка – сработала в одном возрасте – до шестого-седьмого класса и оказалась бессильной в старшем подростковом возрасте. Начались «серьезные игры» юношеского возраста. И Штушляндия потихонечку становится чем-то вроде музейного экспоната, национальной реликвии, но уже не целым миром, как раньше.

Со Светланой Боринской, автором статьи, и ее сыном я впервые встретился семь лет назад. Сейчас Филипп – будущий психолог, студент третьего курса нашего факультета. Интересно, чем для него сегодня является этот уже далекий мир сказочных героев. И, может быть, теперь мы с ним как психологи поговорим о своем детстве, юности... О себе – как взрослых, как родителей и как детей.

Это иллюзия, что взрослые играют меньше, чем дети... Просто играем мы по-другому. |

Александр Лидерс – кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ

ИЛЛЮСТРАЦИИ / домашний архив автора

Этюд

– А ты знаешь, как заканчивается настоящая сказка про трех поросят?

Не та, которую Михалков пересказал, а настоящая, английская?

– Поросянок из кирпичного домика сварил волк в котле с кипящей водой и съел!

Много лет спустя этой сказки, «Три поросенка», я прочитала оригинальный текст, которая называлась «Три поросенка». Кроме конца, #1 к восприятию #2 которого я уже #3

была подготовлена, поражало отсутствие с детства привычных «пороссячих» имен. Никаких Ниф-Нифов и Наф-Нафов. Просто поросята, но что существенно – МАЛЕНЬКИЕ, каждый последующий чуть старше предыдущего. Причем первых двух поросят из непрочных домиков волк съел – они никуда от него не убежали. Нам обычно трудно расставаться с образами, запечатленными в детстве.

А михалковская сказка с ее Ниф-Нифом, Нуф-Нуфом и Наф-Нафом принадлежит безусловной любви детства. Тем сильнее можно ощутить незнакомый колорит фольклорного варианта, глубинность его архаичных образов, даже некоторую таинственность происходящего.

А на вопрос «О чем это?» я нашла ответ в замечательной книге Бруно Беттельгейма «О пользе волшебства»

с тремя поросятами

Бруно Беттельгейм не просто психоаналитик и психотерапевт. Он – человек легенды. Сумев выжить в фашистских лагерях и написав там книгу, он эмигрировал в Америку и создал интернат для детей с тяжелыми формами неврозов. Впервые в России о Беттельгейме, о жизни детей в интернате написал М. Максимов в книжечке «Не только любовь». К сказке у Беттельгейма было особое отношение: он считал, что нормальная жизнь ребенка без нее невозможна.

Среди наследства, оставленного психологией уходящего века, главным является острое понимание того, как

мало мы еще знаем о ребенке и как сложны механизмы его взросления, преобразования его внутреннего мира.

Наш собственный рационализм кажется нам беспорочным достижением исторического прогресса. И мы всерьез уверены, что руководствуемся в жизни именно его логикой.

Дошкольный возраст наиболее удобен для манипуляций над детьми со стороны взрослых: дети уже достаточно разумны, чтобы отвечать нашим требованиям, и еще достаточно малы, чтобы всерьез противоречить нам. Приступая к обучению ребенка в начальной школе или в детском саду, мы почти беспрепятственно начинаем рациональную экспансию в детский мир.

Однако слой рационального в ребенке этого возраста очень тонок – и будет оставаться таким еще некоторое время, несмотря на все усилия нетерпеливых, а часто и просто нетерпимых к «детскости» взрослых.

Ребенок – это вовсе не уменьшенная копия взрослого. Его восприятие, мышление, память устроены по-другому. У него особые отношения со временем и пространством, абстрактная размерность которых дробит мир взрослого на отдельные куски. Ребенок же живет в вечном настоящем, точно зная, где находится центр его единого и неделимого мира.

Для маленького ребенка вещи, предметы, явления существуют как взаимопроникающие друг в друга части целого. Все может быть взаимозаменяемым, все может превращаться друг в друга. Его мир магичен, как мир древнего человека. И в этом – одна из причин, по которой ребенку так близки волшебные сказки, память мифологического прошлого наших предков.

До сих пор еще принято рассматривать волшебную сказку как развлекательный жанр или – что еще хуже – как жанр назидательный. В этом случае в сказке требуется обнаружить «главную мысль» и сделать далеко идущие моральные выводы.

Между тем сказка, как это ни странно, живет «по ту сторону морали». С большой натяжкой можно усмотреть в действиях Ивана-царевича по последовательному обворовыванию встречных царств какие-то глубоко моральные принципы. Даже хрестоматийный лозунг «Добро всегда побеждает зло!» к волшебным сказкам часто притягивается за уши.

Но если не мораль, не нравственное воспитание, тогда что же? Что заставляет маленького ребенка так настойчиво требовать, чтобы ему в сотый раз рассказали ужасную историю о заглатывании бабушки? Причем рассказали так, чтобы ни эпизода, ни детали, ни слова не было упущено?

Для психического развития ребенка сказочная реальность является такой же необходимой питательной средой, как свежий воздух для физического здоровья. Такому взгляду на сказки мы обязаны прежде всего психоаналитикам, попытавшимся объяснить, что сказки апеллируют отнюдь не к сознанию, а к бессознательному у человека.

С момента своего возникновения сказочные сюжеты играли роль своеобразных матриц, отражающих основные психологические проблемы людей – их архетипические внутренние конфликты. Существование таких конфликтов может не осознаваться людьми, может активно отрицаться. При этом их разрушительная сила для психического здоровья не отменяется.

Сказка становится образной, символической формой вывода внутреннего противоречия вовне, формой, объективирующей конфликт и потому врачующей его.

Древним это было известно. И сказкотерапия – врачевание нервных расстройств при помощи рассказывания сказок – использовалась еще во времена Древне-Восточных царств.

Наше время шествует под знаменами Рационализма и порождает все новые и новые детские неврозы. Поэтому проблема экологии детства с такой же остротой включает в себя необходимость изменения отношения к сказке, тонкого и умного использования ее в педагогике, как и борьбу за чистоту воды и воздуха.

Книга Бруно Беттельгейма «О пользе волшебства» окажется при этом незаменимой.

Истории вроде сказки «Три маленьких поросенка» очень любимы детьми, особенно если они рассказываются с чувством. Дети испытывают восторженный ужас, когда волк пыхтит и дует на двери пороссячьих домиков и в конце концов сносит их.

Сказка «Три маленьких поросенка» в увлекательной и драматической форме учит маленьких детей тому, что нельзя лениться и работать без напряжения: это может привести к гибели. Разумное планирование и предусмотрительность, соединенные с усердным трудом, могут обеспечить нам победу даже над самым могущественным врагом – над волком! Сказка показывает и выгоды взросления, потому что третий – самый мудрый – поросенок поступает так, как на его месте поступил бы взрослый.

Домики, построенные тремя поросятами, символизируют прогресс человеческой истории – от непрочной лачуги к деревянному дому и, наконец, к дому из крепких кирпичей...

Самый маленький поросенок строит свой дом из остатков соломы, поросенок постарше – из прутьев. Оба делают это с минимальным напряжением и бросают свое занятие так быстро, как могут. Чтобы поиграть в оставшееся время. Живя по принципу получения удовольствия, младшие поросята ищут немедленного удовлетворения своим желаниям без всякой мысли о будущем и об опасностях реальности, хотя в поведении среднего поросенка чувствуется некоторое изменение в сторону взросления: он пытается построить дом из чего-то более основательного, чем младший.

Только третий, самый старший поросенок учится вести себя в соответствии с принципом реальности: он готов сдерживать свое желание поиграть и действует исходя из своих возможностей предвидеть будущее. Он даже может правильно предсказать поведение волка – врага или незнакомца, пытающегося его соблазнить, заманить в ловушку – и расстраивает планы этого врага, намного превосходящего его свирепостью и жестокостью.

Дикий, исполненный разрушительной силы волк, олицетворяющий собой все асоциальное, подсознательное, истребляющее, противопоставлен в сказке маленькому существу, которое учится защищаться и которое способно победить за счет силы своего сознания.

Сказка «Три маленьких поросенка» производит на ребенка гораздо более сильное впечатление, чем басня Эзопа «Муравей и Кузнечик», призванная выразить ту же самую идею. В басне Кузнечик, погибая зимой от голода, молит Муравья дать ему что-нибудь поесть из запасов, которые Муравей деловито копил все лето. Муравей спрашивает, что делал Кузнечик летом. Узнав, что Кузнечик все лето пел и не работал, Муравей отказывает ему в помощи со словами: «Если ты мог петь все лето, ты можешь поплясать зимой!»

Такой конец типичен для басни, мораль которой передается фольклорной традицией из поколения в поколение... Часто ханжеская, иногда забавная, басня претендует на роль исчерпывающей моральной истины: никаких скрытых значений, ничего постороннего для нашего воображения!

Волшебная сказка, напротив, оставляет нам полную свободу в решениях, включая и свободу желаний что-либо делать или не делать. Это наше личное дело, хотим ли мы устроить нашу жизнь по образцу, заданному сказкой, или хотим просто наслаждаться фантастическими событиями, о которых она повествует.

Сравнение «Трех маленьких поросят» с «Муравьем и Кузнечиком» подчеркивает разницу между волшебной сказкой и басней. Кузнечик, так же как и маленькие поросята и как сам ребенок, склонен играть, мало заботясь о будущем.

В обеих историях ребенок отождествляется с животными – однако только лицемерный педант может отождествляться с гадким муравьем, и только психически больной – с волком. Но при отождествлении с кузнечиком ребенку, согласно басне, не остается никакой надежды. Кузнечику, живущему по принципу удовольствия, нечего ожидать, кроме гибели; это ситуация «или/или», где выбор делается однажды и раз и навсегда.

Отождествление с маленькими поросятами из сказки имеет совершенно другой результат. Сказка показывает, что для ребенка-поросенка существует возможность развития, возможность изменения жизненных оснований – от принципа удовольствия к принципу реальности. И это развитие есть не что иное, как изменение первоначальной формы.

Сказка о трех поросятах предлагает превращение, не отменяющее полностью удовольствие. Но в этом превращении, в этой трансформации удовлетворение возникает в ре-

зультате трезвого отношения к требованиям реальности. Умный и игривый третий поросенок перехитрил волка несколько раз: сначала когда волк пытается трижды выманить поросенка из его безопасного домика, рассчитывая на его страсть к еде, доходящую до жадности. Волк обещает поросенку сходить с ним туда, где они оба – волк и поросенок – смогут раздобыть что-нибудь вкусное. Волк старается соблазнить поросенка репой, которую можно легко стащить, потом яблоками и, наконец, походом на ярмарку.

Только после этих бесплодных попыток волк решается на убийство. Но он должен проникнуть в домик поросенка, чтобы схватить его; и поросенок снова побеждает, потому что волк скатывается по трубе в кипящий котел и кончает свое существование как вареное мясо для поросенка.

Справедливое возмездие совершается: волк, проглотивший двух других поросят и желавший проглотить третьего, становится пищей для поросенка.

Ребенок, которому на протяжении всей истории предлагается отождествляться с действующими в ней персонажами, не только получает надежду на будущее, но ему еще и рассказывается, что развиваясь, развивая свой ум, он сможет победить даже такого сильного врага.

Согласно элементарному, в том числе детскому, чувству справедливости, только тот заслуживает наказания, кто делает что-нибудь действительно плохое. Басня пытается внушить, что нельзя наслаждаться жизнью даже тогда, когда жизнь – действительно наслаждение. Как это бывает летом. Хуже того, муравей в басне – отвратительное существо, без тени сострадания к умирающему кузнечнику. И этот персонаж должен служить образцом поведения для ребенка!

В отличие от басни, волк из сказки безусловно ПЛОХОЙ, потому что он – разрушитель. Плохое в волке – это нечто, что маленький ребенок узнает в себе самом: желание разрушать, истреблять и последствие этого желания – беспокорство по поводу возможного страдания, предопределенного собственным поведением. Так что волк – это проекция плохого в ребенке, вынесенная наружу. И сказка рассказывает, как можно с этим плохим справиться.

Эпизоды, описывающие вылазки старшего поросенка за едой, не имеют существенного значения для развития сюжета, но они являются очень важной частью истории, показывающей разницу между «поеданием пищи» и

«пожиранием». Ребенок интуитивно понимает, что существует разница между неконтролируемым принципом удовольствия, когда кто-то хочет все сразу сожрать, игнорируя последствия своего поведения, и принципом реальности, которому можно следовать, добывая себе пищу. Деловитый поросенок просыпается в такое время, чтобы успеть принести продукты домой до того, как появится волк. Эти ранние походы за едой, расстраивающие злые планы волка, лучше всего демонстрируют ценность деятельности, основанной на принципе реальности.

Для волшебных сказок типична ситуация, когда младший, в начале представленный объектом для насмешек, в конце становится победителем. Сказка «Три маленьких поросенка» с этой точки зрения является исключением, потому что в ней старший поросенок во всем превосходит двух других – маленьких – поросят. Объяснить это можно тем, что все три поросенка – маленькие, как и сам ребенок.

Ребенок последовательно отождествляется с каждым из них и обнаруживает внутри каждого нового отождествления прогрессивные отличия.

Так как три маленьких поросенка символизируют собой стадии развития человека, исчезновение первых двух не является травмирующим. Ребенок интуитивно понимает, что необходимо расстаться с ранними формами поведения, если мы хотим подняться на более высокую ступень развития.

Для текста сказки существенным является только радость по поводу справедливого наказания волка и умной победы старшего поросенка, а не горе по поводу злой судьбы двух других.

Даже самый маленький ребенок понимает, что три поросенка – в действительности один, но на разных ступенях своего развития. И это подтверждается теми словами, которыми каждый поросенок отвечает волку – каждый раз одними и теми же: «Нет, нет, клянусь моей бородой-бородицей!»

Сказка «Три маленьких поросенка» направляет мысли ребенка в русло размышлений о своем собственном развитии без какого-либо упоминания, каким оно должно быть, предоставляя ребенку самому делать выводы. Только эта позиция способствует правильному взрослению, в то время как говорить ребенку, что надо делать, значит отягощать пути его незрелости рабскими путями диктата взрослых... |

Недавно я прочитала в книге солидного и очень уважаемого мной человека, кандидата педагогических наук: «Разнообразие природных ресурсов, которые используются для строительства жилища, можно рассмотреть на примере сказки «Три поросенка». Обсуждая ее, целесообразно остановиться на следующих вопросах:

– Какие потребности стремились удовлетворить Поросята, строя дома? Какие природные ресурсы использовал каждый из них при строительстве? Почему он выбирал именно эти ресурсы?

– Какие трудовые ресурсы использовал каждый из Поросят?

– Какие потребности были у Волка и какие ресурсы он использовал для их удовлетворения?

– Какие другие природные ресурсы могли бы использовать Поросята для строительства своих домов (представьте, что это сказка не о трех, а о четырех, пяти или даже шести Поросятах)? Какие капитальные ресурсы понадобились бы им в каждом из этих случаев?

– Интересно проследить, как менялся бы выбор Поросятами ресурсов для сооружения домов, если бы они жили в разных уголках России, – «переселялись» бы?..

– Предположим, что Поросята решили продать свои дома. Какую рекламу сделал бы каждый из них?»

Вроде бы все рационально, вполне целесообразно. Сказка на службе у обучающих задач. Кто из нас этим не грешил? Я сама писала на заре педагогической юности, как удобно обучать детей порядковому и количественному счету, используя чашки, ложки и стулья трех медведей...

А вот теперь загрустила. Сын смеется: «А ты, мама, попробуй раскрутить свой английский вариант с точки зрения ресурсов. Волк съел поросят. Значит, поросята – пищевые ресурсы волка. Поросенок съел волка. Значит, волк – пищевые ресурсы поросенка. Но так как волк питается поросятами, значит, поросята – это еще и пищевые ресурсы того поросенка, которого съел волк. А если верить Беттельгейму, то три поросенка – это вовсе не три поросенка, а один. Значит, он сам и есть свои пищевые ресурсы!»

Какой ужас! Бедный, бедный поросенок! Бедная, бедная сказка!..

С детства у меня ассоциируются начало светлых надежд, хорошая семья, папа, мама, солнце...

Другое дело, что лично у меня семейного счастья, довольства, дома – ничего этого не было. Рядом только несчастные, брошенные дети, сироты. Но детство было, и я его считаю тоже прекрасным. Кругом война, голод, разруха, несчастья. Мы мечтали о сахаре. Мне повезло дважды: я попробовал сахарин с чаем. Эти невероятные ощущения я помню до сих пор.

Меня недавно поразила одна женщина. Она сказала: «Вы ахнете: мой сын за время войны ни разу пирожное не попробовал...». И я ахнул. Потому что мерилом голода войны выступает пирожное... Мы не знали, что оно существует вообще. Мы не знали даже, что простыни существуют, что люди спят в теплых постелях. Этого не было, но мы были счастливы.

Как-то меня нашли, маленького, в яме при железной дороге – я решил, что яма – это мой дом. Поэтому, когда меня вынимали, я кричал, визжал, требовал, чтобы вернули назад. Это тоже трагедия войны. Но я говорю сейчас о ней вполне спокойно – как об одной из историй детства, которую бы не пожелал ни своим, ни чужим. Это рассказ о том, каким детство не должно быть.

Другое воспоминание – тоже война, эвакуация. Мы, дети, идем в сторону вокзала в Челябинске. Площадь плотно забита людьми. И вдруг что-то происходит: люди встают в коридор, сжимают руки над нами, и к этому вокзалу, очень далеко, может быть в пол-километра, мы проходим этим живым туннелем. В конце нам дают по целой тарелке манной каши с изюмом (Позже я написал об этом рассказ «Человеческий коридор»). Это чудо, но его сотворили люди. Теперь я понимаю, что вся моя жизнь была человеческим коридором. И это добро я готов передавать дальше.

Сегодня меня беспокоят не дети, которые сами по себе замечательные и хорошие. Меня беспокоит жестокость взрослых. Готовы ли они встать в этом коридоре? Могла ли сегодня тысячная толпа беженцев ради детей стать таким коридором? Я очень сомневаюсь.

Жестокость взрослых по отношению к детям сегодня невероятна. Когда их выгоняют на улицу – не самый худший вариант. Ожесточение взрослых отражается на будущем поколении. И нет другого воспитания, кроме как через наши поступки, эстетику, через литературу, через благородные чувства. Хотите вырастить ребенка – ведите себя по-человечески.

Учитель задумывает одно, делает другое, а ученик понимает третье.

Учитель, как правило, остается непонятым, но происходит более важная вещь – ученик, обретая самостоятельность поступка и суждения, приходит к своему видению мира.

И если это видение состоятельно, то можно сказать, что и учитель состоялся.

Ученики нас не понимают. Для учителя это трагедия или великое благо?

Меня все меньше поражает факт разного понимания учеником и учителем одного и того же.

Так уж устроена жизнь, и с этим приходится мириться.

То, что нам кажется существенным и важным, ученики принимают за вещи второстепенные, а то, мимо чего мы проходим, для учеников оказывается насущным. В школах порой ученики ведут партизанский образ жизни – жизнь их делится на школьную и другую, невидимую учительскому глазу, текущую в школьных туалетах, на последних партах, на школьном крыльце или за углом. Зачастую самое главное для ученика происходит именно там, где учителя не оказалось рядом. И то, что ученик слышит и видит в классе, он толкует исходя именно из этого опыта.

Если мы не стремимся «продать» свою точку зрения, насадить свое видение мира, то сакраментальный вопрос «Ну что, поняли?» перерастает в малопопулярный «А что вы поняли?». И тогда ученическая выраженность может воплотиться в самых разных формах, которыми изобилует то, что называют сомнительным словом «искусство» (сомнительным, потому что оно всякий раз заставляет балансировать между искусностью и искусом). Дети обнаруживают свое «поняли» самыми разными способами, и уже от учителя зависит, понимает ли он то, что поняли ученики.

Мне пришлось, оставив начальную школу, перейти с ребятами в пятый класс. Хотя теперь я понимаю, что начальная школа на самом деле продолжается до сих пор, в седьмом.

А тогда, в пятом, мы читали Есенина. Но не по учебнику, а по сборнику стихотворений, подаренному каждому ученику заботливым родительским комитетом.

Работ со сборником было много. Мы учили полюбившиеся стихотворения, писали их пересказы в прозе, выискивали строки, которые бы подтверждали есенинское credo, работали над прочтениями... И вот в шестом классе я попросил ребят написать читательские сочинения – поделиться опытом и посоветовать, стоит ли учителю в пятом братья за Есенина.

ЛИНА не только моя ученица, но и соседка (я знаю ее чуть не с рождения, да и она меня выдвала с мусорным ведром и в домашних тапочках). Мне казалось, что я хорошо ее

Договоримся: все, что было, – правда, но имена детей изменены.

знаю. Лина очень способная и любит читать. В пятом она выучила филатовскую сказку «Про Федота-стрельца, удалого молодца» и рассказывала ее на школьных вечерах.

Лина со второго класса заботится о Сереге, а Серега наш сильно отстаёт по всем предметам, кроме труда и литературы.

В шестом классе Лина написала так.

В пятом классе я была уверена, что если я хочу прочитать стихотворение на пятерку, то надо просто прочитать его с остановками и паузами. Делая микроскопические усилия, я умудрялась получать хорошие оценки. Но в шестом классе я поняла, что стихи Есенина надо еще дома прочитать несколько раз и понять, проставить паузы (ведь некоторые его стихи совсем не похожи на другие). И конечно, все это зависело от возраста, времени года и настроения...

Есенин – уникальный поэт. И это не потому, что каждый человек по-своему уникален, а потому, что ни у одного поэта не было видно такого контрастного различия во мнениях. До революции это один человек, а после революции – абсолютно другой. Внутренние перемены С.Есенин выражает не только в действиях (уход в ресторан во время творческого вечера поэтов), но и в стихах, причем он после перемены веры не стал сжигать свои стихи по принципу Н.В.Гоголя не только потому, что они уже были популярны, но и потому, что у него изменилось мнение о Боге. Он начал писать стихи совершенно другого направления.

Нужно ли пятиклассникам читать стихи Есенина? На этот вопрос можно ответить, только познакомясь со всеми пятиклассниками в отдельности, ведь каждый понимает Есенина по-своему. А те, кто вообще не знает биографии Есенина, никогда не поймут, что этот поэт имеет в виду.

Я не думаю, что творчество Есенина будет интересно тем, кому нравятся стихи Репина, картины Гоголя или скульптуры Чехова. Чтобы пятиклассник понял стихи Есенина, ему надо не только уметь читать, но и уметь делать выводы.

КСЮША. Помню, я здорово переживал за то, чтобы мои ученики не скатились к осуждению, к неприятию отдельной человеческой судьбы.

Ксюшино «а папа сказал, что Есенин был пьяницей и бабником» висело в классе долго. Я думал, что этой репликой мои педагогические опыты закончились, что все напрасно, что телевизионные сериалы уже научили резать

правду-матку, что оттенки неразличимы, что человеческий грех – это уже и готовый приговор, и путь на эшафот.

В ответ на Ксюшину реплику про «пьяницу и бабника» многие закричали такое знакомое: «Есенин все же был великим поэтом» или «Он же не всегда был таким».

Мне стало грустно. Я-то думал, что мы занимаемся творчеством Есенина, что ребята понимают про его стихотворения нечто свое, удивительное, мне любопытное. А оказалось, что мы населяем одну коммунальную квартиру, в которой место для курения или жарки яичницы становится средоточием всего земного и заурядного.

Сама же Ксюша написала так.

Я думаю, С.Есенин верил в Бога до конца своих дней: «Господи, я верю!..» Но потом произошла революция, закрылись все церкви, и Есенину было горько, что он не мог открыто верить в Бога. Но до конца своих дней этот оставался истинно русским и верующим человеком.

Стыдно мне, что я в Бога верил,
Горько мне, что не верю теперь...

Я думаю, С.Есенин поступил правильно, не покинув свою Родину во время революции. Но он переживал за других оставшихся людей и за эмигрантов.

Я думаю:
Как прекрасна земля
И на ней человек
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!

Я советую всем читать Есенина, и тогда они поймут, что не надо «бросать Родину в тяжкое время».

Я много и долго говорил ребятам про штампы. Я говорил, что не может человек быть глубоко верующим, как не может быть женщина беременна наполовину. Я говорил, что человек не может быть истинно преданным своей Родине, потому что быть патриотом Родины – это уход от Истины. Говорил много сомнительных и верных мыслей. Но что ребята понимали про это?

БОРИС попал к нам в первом классе, как и большинство. Но просидел первые три месяца учебы под лестницей вдвоем с чешущимся от нервной экземы другом Мишкой. Боря боялся своего имени, он убегал от всех взрослых, понимая, что ждать от них нечего. Его выгоняли из детского сада и из

летних лагерей. Он разлил кислоту из папиного аккумулятора на новый ковер. Взрослым, которые попадались на его пути, он хамил. На переменах он бегал по крышам гаражей. Что-нибудь натворив, он залезал на дерево и оттуда ждал меня. Мама плакала. Другие родители говорили: «У С.В. дети не учатся – все уроки сидят под лестницей». А мы всем классом ходили под лестницу и проводили там занятия.

Сегодня, в седьмом, Боря перебрался из второй группы английского языка в первую, где вместо трех часов в неделю – пять. Сегодня Боря зачем-то изучает французский и латынь. Он что-то понял.

Тогда, в шестом, я читал ребятам о Есенине из Юрия Анненкова, а они делали свои выводы, которые я им делать, по всей видимости, не разрешал.

Борис посвятил свое сочинение Есенину, а писал мне.

Я посвящаю эту работу Сергею Александровичу Есенину.

Я считаю, что Есенин – хороший писатель.

Первый раз я прочитал его стих в пятом классе. С тех пор Есенин – мой любимый писатель. У меня есть его сборник. Перед тем, как лечь спать, я читаю его.

Я нахожу творчество Есенина очень странным и в то же время интересным. Сначала, когда он был мальчиком и начал писать стихи, они были больше о Боге, о вере, были веселыми. Есенин как бы сам расцветал и начинал делать карьеру (стр. 317 в учебнике для 6-го класса, фото). Уже позже, когда он начал расти, он становился все грустней и грустней. Начал курить и пить. Стихи стали мутней и грустней, словно тот цветок, который недавно еще расцветал, сейчас начал увядать.

Есенин пережил сначала буржуазную, а потом и пролетарскую революции. Безусловно, ему пришлось много пережить. На портрете работы Юрия Анненкова поэт изображен с сигаретой в зубах и со злыми глазами.

Я считаю, что Есенина пятиклассникам читать можно и нужно, потому что он писал разные стихи: про смерть, про весну, про лето, про зиму. Есть веселые, а есть и грустные. Конечно, понять эти стихи и вникнуть в них, найти их суть – сложно, но хотя бы прочитать надо обязательно. Чтобы понять стихи Есенина, надо понять его самого, то есть прочитать о его жизни и о его таинственной гибели. (Последнее предложение – только для очень серьезных людей.) Для меня Есенин – необыкновенный писатель.

Чему они не смеялись

Ксюшина реплика продолжала витать в нашем классе. Я же думал о предупреждении «не судите». Я открывал для себя текст дальше: «каким судом судите, таким и будете судимы». Я понимал, что обличение и осуждение – вещи разные...

Но как нам удалось сделать такой несвоевременный прыжок из творчества в якобы жизнь. А главное – зачем?

Я читал ребятам из дневников Юрия Анненкова, о его поездке в Куоккалу зимой восемнадцатого года: «По стенам почти до потолка замерзшими струями желтела моча, и еще не стерлись пометки углем: 2 арш. 2 верш., 2 арш. 5 верш., 2 арш. 12 верш... Победителем в этом своеобразном чемпионате красногвардейцев оказался пулеметчик Матвей Глушаков...»

Я читал, и они не смеялись. Был последний, кажется, седьмой урок. Жарко и душно в непроветренном классе. Попросил развернуть стулья и сесть спиной к доске. «Да зачем это?» – спросили одни. «Чтоб доска не маячила», – ответил кто-то.

Я читал с упоением. Медленно, смакуя каждое предложение, каждое, как мне казалось, разящее слово: «Вырванная с мясом из потолка висячая лампа была втоптана в кучу испражнений. Возле лампы – записка: «Спасибо тебе за лампу, буржуй, хорошо нам светила».

Анненков был поражен увиденным, был поражен тем, во что превратили советы и советско-финская война место, «где творила и отдыхала русская литература».

Но чему поражались ребята на седьмом уроке, сидя в душном классе спиной к доске? И что делал я, читая?

Плоды понимания

Приимерно год назад в кулуарах школы у меня состоялась минутная полемика с одной инициативной дамой (не учителем, а ученым-методологом), которая всячески доказывала, что работает с детским пониманием. Ее определенно не устраивали мои увещевания по поводу того, что с пониманием работать невозможно, что понимание иррационально. Сперва я думал, что эти разночтения – лишь понятийная неразбериха, и значит, они несущественны. Но позже я убедился, что с «пониманием» работают многие учителя, при этом автор текста, рассказчик, да и сам текст становятся никчемным хламом по сравнению с теми глубоко нравственными проблемами, на которые они выходят «вместе с детьми».

В той минутной полемике я был не прав по существу вопроса, так как не догадывался о том, что вся знаковая культура – это плод понимания. Нам нередко приходится слышать о том, как у некоторых детей начинают гореть глаза, как тот или другой ученик совершает открытие, как на вопрос «Ты меня понимаешь?» вопрошаемый отвечает пламенно и с явной готовностью включиться в действие. По-

нимание можно отображать, так как оно часто выражено в знаковой, символической и образной формах. Практически оно является искусством. Совсем не обязательно проникать в сознание человека, в его «подкорки» и копаться в его ценностях. Бог дал человеку знак, чтобы последний не ломал голову над тем, как достучаться до ближнего, чтобы не проникать в другого напрямую (хирургически), а делал это через знак, символ или образ.

ПОРТРЕТ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА / юрий анненков

«Ну, что поняли?» – спрашиваем мы. А они, думая: «Щ-щас, так я тебе и сказал», а скорее всего и не успев подумать, говорят то, что мы хотим от них услышать. И мы забываем, что понятие учеником при желании вполне читается, но не лежит на поверхности.

Сейчас передо мной двадцать семь тетрадей со старыми работами о Есенине. В каждом сочинении, перечитывая, я открываю новое и в ребятах, и в поэте, и в себе. Но о своих открытиях пытаюсь молчать. Я не знаю, которую тетрадь взять следующей. Поэтому беру наугад.

У САШИ скандальная репутация. Еще в детском саду она терроризировала всех: родителей, детей и воспитателей. В школе Сашу не раз переводили на индивидуальное обучение. Саша кусалась и всех ненавидела: учителя были «идиотами», а ученики – «козлами». Она носила с собой куклу Барби и пакет с едой. На нервной почве девочка много ела и быстро поправлялась, превращаясь из худенькой симпатяшки в кругленький «бочонок». Саша легко краснела, но при этом в отсутствие учителя частенько ругалась матом. Примерно год назад Саша пришла на математику в пижаме и назвала учительницу ведьмой.

Спустя полгода жизни с нами Саша написала про своего Есенина.

Мое рассуждение.

1 часть.

Я считаю, что мне лично не надо читать стихи Есенина. Но некоторые – можно. Мне часто от стихов Есенина становится очень грустно, например, от «Воробьев». Некоторые стихи Есенина люблю, другие ненавижу. Как можно говорить про Бога: «выдеру я ему бороду» или «кричу я, сняв с Христа штаны»?

Раньше, когда я была поменьше, мне было 9 лет, 10 лет, я его обожала. Я любила Есенина до тех пор, пока не прочла стихотворение «Инония». Я его невзлюбила. Я думаю, что говорить так про Бога – большой грех. За что Есенин невзлюбил Бога и Христа? За то, что Бог подарил ему жизнь и талант писать стихи? Но, может быть, в жизни Есенина что-то произошло? Все-таки он пережил революцию. Сначала он веровал в Бога очень сильно, хвалил Его. Потом в жизни что-то произошло, он написал безобразное, по моему мнению, стихотворение «Инония». Потом написал: «Наша вера не погасла...» Он, наверное (наверняка), раскаялся...

2 часть.

Творчество Есенина мне в детстве нравилось. Мне казалось, что он писал легко, четко, нежно. Он завораживал душу. Было очень жалко воробьев. Взрывается душа до сих пор. Еще мне нравятся стихотворения Есенина (сейчас) «С добрым утром», «Молитва матери» (очень жалко) и т.д. Я говорила и говорю: «Инония» меня раздражает.

3 часть.

Я думаю, что читать стихи Есенина можно, но редко. Только если необходимо. Но я точно не знаю, как кто думает. Каждый человек имеет право на собственное мнение. Люди все смотрят на жизнь по-разному. Так что решайте сами: хо- роший ли Есенин писатель, надо ли его читать.

Саша открыла «Инонию» самостоятельно, как, впрочем, и все остальные ребята, а позже поставила мне в вину это произведение, возомнив, что я ей его специально подсунил.

Или это мне кажется?

Я не обольщаюсь и знаю, что мои слова: «Вы только поймите главное...» – мало что значат. Я остаюсь со своим, они – со своим. Только теперь, в седьмом, они хотят, чтобы я с ними разговаривал о жизни один на один. Я не понимаю, хотят они этого или мне кажется. Но они подходят на перемене: «Сергей Владимирович, у меня проблема...» Или: «Смотрите, мы со Стасом поспорили, сколько действующих лиц у Ломоносова...» Или: «Знаете, у меня не получается читать оду вот в этом месте...» Раньше я отдавал им все на откуп: «Иди спроси у Пети» или «У Дарьи есть оригинальное решение». Но теперь они не «отсылаются», хотят, чтобы я лично ответил, лично посоветовал. А я тревожусь – вдруг я не прав. Вдруг ошибусь в какой-нибудь мелочи, в каком-нибудь «чуть-чуть», в том, что делает искусство искусством. Вдруг меня не поймут.

Ученики нас не понимают, и мы их. Они спрашивают, мы советуем, а они затем делают все по-своему. А иначе и быть не может. И поэтому мне хочется вернуться в начальную школу, куда я и сбегаю тайком от своего класса. Там никто не требует слов с глазу на глаз и позже не приходит домой к любимому учителю...

«Но это уже мелочи. Обрывки бесполезной сентиментальности...» Так заканчивает свои записи о Есенине Юрий Анненков. |

Известно, что индивидуальные особенности человека, то, как мы реагируем, как чувствуем, передаются по наследству. На этой основе формируются предпочтения в нашем поведении – в определенных ситуациях мы поступаем как бы заранее известным способом, наше поведение, характер, стиль становятся предсказуемыми. Даже взрослому, знающему слабые места своего характера, достаточно попасть в стрессовую ситуацию, и характер, а не разум, начинает диктовать поведение. Что же говорить о подростках или детях младшего возраста?

Существуют разные типологии стилей, характеров, темпераментов, но в каждой из них обязательно есть тип, основные черты которого – активность, жизнерадостность, «сила вести за собой других», соревновательность, стремление к лидерству. Назовем этот очень энергичный тип поведения «гипертим».

Почти в каждом классе есть такие ученики, гипертимы заметны среди других детей уже в детском саду. Их высокая энергетика, жизнерадостность и общительность некоторым воспитателям и учителям нравятся, а других раздражают. За ними нужен глаз да глаз! Так же, наверное, складываются отношения взрослых и с детьми, яркими представителями других типов: одним легко с ними, а другим, напротив, никак не получается найти общий язык. В номерах нашего журнала мы будем рассказывать о типичных особенностях разных характеров. Ведь ярко выраженный характер часто главный ис-

точник проблем ребенка. Он же зачастую большая проблема взрослому. Нам нелегко принять «непохожесть» ребенка на большинство других детей и на нас, взрослых. Мы порождаем проблему и бессознательно транслируем ее ребенку. Мы

подсказываем ему: «У тебя ужасный характер, такой же несносный, как у твоей матери!» или «Полюбуйтесь, весь в отца».

Оказывается, большинство детей воспринимают собственный характер как данность, как нечто, что сильнее

Письмо оптимиста

Ты не жалуешься на свой характер, и правильно делаешь. Благодаря характеру у тебя нет проблем, с которыми сталкиваются многие твои сверстники. Ты, например, не знаешь, что такое застенчивость, не боишься, что останешься в одиночестве. Вообще ты обаятельный человек.

У тебя есть силы и желание быть первым. Ты умеешь ценить жизнь и те радости, которые дает сам процесс жизни. Ты умеешь полугать удовольствие от простых, но очень важных вещей: сборов в дорогу, неожиданных приключений, похода или прогулки, хорошей еды в хорошей компании. Особенно от людей – ты обладаешь не только необыкновенной способностью огаровывать людей (если, конечно, захочешь это сделать), но и сам по-настоящему огаровываешься ими.

Как правило, тебя уважают. Во всяком случае, ты не трусишь, когда нужно брать ответственность на себя. Когда с тобой говорят на равных и доверяют, ты стараешься оправдать доверие.

«Лоди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что», – именно такого плана задания возбуждают тебя больше всего. Чем невыполнимее, тем интереснее! Высокая планка, вера в свои силы, желание доказать, ожидание успеха и победы... Острота впечатлений, жажда риска и искреннее дружелюбие.

Если сравнивать с автогонками, то на старте у тебя – «Ferrari», одна из сильнейших машин. Но в отличие от гонок люди несутся в этой жизни к разным целям. Ты быстрее других попадешь к своей и, если не ошибся в выборе, станешь победителем. |

и, если угодно, больше, чем они сами. В самом деле, характер изменить нельзя, так как нельзя изменить свою наследственность. И из этого факта дети делают, как правило, два очень разных вывода.

Один может быть сформулирован так: не я, а мой неудачный характер виноват в моих ошибках и плохом поведении. Я ничего не могу изменить, ведь характер я

получил по наследству. Очень часто гипертимы так и поступают – списывают неудачи на свой характер.

А вот другой вывод: мой характер я получил в наследство, а значит, я должен досконально изучить его и максимально эффективно использовать для достижения собственных целей. Мой характер не уникален, он похож на мамин или дедушкин,

но способ, которым я смогу его использовать, – мой собственный. У меня есть характер, но я больше, чем мой характер.

У гипертимных детей силен социальный оптимизм, высока самооценка. Такие дети как бы самой природой защищены от разрушающего личность «плохого воспитателя», и все же они нуждаются время от времени в поддержке.

Письмо пессимиста

Конечно, ты очень общительный человек. Тений общения. Только иногда общительность приносит разочарования: тебе симпатичен человек, а потом вдруг оказывается, что он такой же обыватель, как все. И ты теряешь к нему интерес. Возможно, поэтому некоторые люди обижены на тебя.

Ровные и легкие отношения со сверстниками – это одно, а вот со взрослыми они сложнее. Тебе трудно терпеть опеку, мелочный контроль со стороны недоверчивых взрослых, это раздражает и заставляет бросать даже заманчивые начинания. А ведь признайся, у них – родителей и учителей – часто есть основания для недоверия, ведь не раз ты пугал их своими авантюрами.

Есть ситуации, в которых тебе очень тяжело. Это вынужденное одиночество или общение с одними и теми же надоевшими людьми. Это ситуации, когда нужно делать монотонную неинтересную работу, работу, не требующую фантазии, находчивости, смелости.

Хочешь узнать о себе секрет, который известен всем проходнякам – хитрым людям? Тобой очень легко манипулировать. Нужно только сказать: «А не слабо ли тебе, дружок?..» И дальше можно говорить все что угодно, против этих слов у тебя нет приема. «Мне? Слабо? Смотри!» И ты – красиво прыгаешь на рельсы; едешь неизвестно куда с незнакомой компанией; тащишь из дома что-нибудь, не себе – ребятам. . . К словам, на которые ты попадаешься как рыба на крючок, также относятся любые вариации на тему: «Ребята на тебя надеются. . .», «Дед сказал, что он круче. . .».

Гнев и раздражение появляются у тебя как бы сами собой, так что потом приходится сожалеть, что не сдержался. . . Но умение владеть собой формируется не в теплых условиях.

Непросто относиться к своему здоровью разумно: оно у тебя крепкое, но, как у большинства людей, не железное. Люди с твоим оптимизмом его обычно переоценивают. |

Гипертимных подростков всегда отличает приподнятое настроение. Лишь изредка эта солнечность омрачается вспышками раздражения. Причиной негодования обычно становится противодействие со стороны окружающих, стремление взрослых слишком круто подавить желания и намерения подростка, подчинить его своей воле. Иногда поводом для раздражения становится сознание уж слишком явных своих промахов и неудач.

Они неразборчивы в выборе знакомств. Контакт со случайными встречными не представляет для них проблемы. Они устремляются туда, где кипит жизнь, и могут легко оказаться в асоциальной группе. При этом они быстро осваиваются, перенимают манеры, обычаи, поведение, и даже одежду, новых знакомых. Однако энергия и эмоциональность этих ребят не позволяют им замкнуться в рамках только одной группы.

Их хобби и увлечения разнообразны и непостоянные. Коллекционирование сменяется вольной борьбой, один кружок – другим.

Они охотно берут в долг, отодвигая в сторону неприятную мысль о последующей расплате.

Лживость не является присущей им чертой – их лож диктуется необходимостью извернуться в трудной ситуации или происходит в результате смешения собственных слишком оптимистических представлений с реальной действительностью.

Роль официальных организаторов, культургов, старост их не привлекает, ведь такая работа требует постоянного кропотливого труда и в меньшей степени командных функций.

Конфликты с родителями, педагогами и воспитателями возникают легко. Постоянный контроль взрослых, навязчивая опека, повседневные нравоучения, проработка в семье, в классе бесполезны для гипертимных детей. В ответ они только усиливают борьбу за самостоятельность.

Настоящие побеги из дома они совершают нечасто, а если и решаются на это, то подбивают к побегу кого-нибудь из приятелей. Хотя гипертимы склонны к самостоятельным отлучкам, нередко продолжительным. Но и в бегах они проявляют неутомимость, способность не теряться в незнакомых местах и новых ситуациях. Они

быстро устанавливают контакты с незнакомыми людьми, легко ловчат и изворачиваются в трудностях.

Авантюризм оправдывает мелкие стычки с законом этих заводных ребят и риск быть пойманными при явных правонарушениях.

Алкоголь и наркотики особенно опасны для гипертимов подросткового возраста. Если они выпивают, то всегда в компаниях с приятелями. Предпочитают легкое опьянение, но могут перейти к частым и даже регулярным выпивкам. Если представится случай, могут обратить внимание на токсические вещества, успокаивая себя тем, что токсикоманом от этого не станешь.

Благодаря своей общительности гипертимный подросток не представляет трудностей для первого контакта. Но этот контакт станет доверительным только в том случае, если подросток чувствует доброжелательное отношение к себе, ваш искренний интерес к его проблемам, стремление вместе искать выход из сложившейся ситуации. Общаясь с такими подростками, не следует подделываться под подростковую среду, демонстрировать равенство в отношениях. Принцип партнерства в системе взрослый – подросток вовсе не означает равенства. Особенно это касается общения с гипертимным подростком. Он доверяет нам только тогда, когда чувствует в нас независимую, самостоятельную личность.

Такому подростку комфортно в среде, где есть возможности для реализации его кипучей энергии, инициативы, разнообразных увлечений. Особенно важно для него общество старших молодых людей, здесь он готов уступить лидерство. Это могут быть трудовые или скаутские лагеря, где хорошо налажено самоуправление, туристические группы, экспедиции.

И наоборот, гипертимный подросток всегда плохо переносит обстановку с размеренным строгим режимом, под неусыпным оком взрослых, да еще и с монотонным кропотливым трудом. Именно в таких условиях нарастают конфликты: с воспитателями – из-за стремления к независимости, со сверстниками – из-за безудержного стремления к лидерству.

Им нужен большой коллектив, разнообразная работа, возможность проявлять инициативу в разных сферах деятельности. |

Патч АДАМС – человек удивительный. Врач по образованию, бывший хиппи, он был семейным доктором, потом работал в больнице для нищих и наркоманов. Кажется, именно там Патч понял, что облегчение для самых безнадежных больных – в том случае, когда не помогают никакие лекарства, – может принести... смех. И начал являться в палаты к своим пациентам в клоунском костюме, нацепив красный нос-картошку.

Тогда многим его коллегам это казалось чудачеством, ничего общего не имеющим с таким серьезным занятием, как медицина. И Патч решил организовать собственную клинику. В Западной Виржинии, одном из самых бедных штатов, он начал строительство бесплатной больницы с альтернативными методами лечения. И вряд

ленно напоминающего Дон-Кихота, каким его изображал на своих гравюрах Гюстав Доре.

Семь лет назад Патч Адамс написал книгу «Гезундхайд» – именно так называется его больница. Как говорит он сам, «немного автобиографии, немного личной медицинской философии и немного – о самой больнице». Книга получила хорошие отзывы: о ней много писали американские газеты. После чего телекомпания UNIVERSAL решила снять художественный фильм «Патч Адамс» (в нашем прокате он называется «Целитель Адамс»). Роль Адамса в фильме играл знаменитый Робин Уильямс.

Что заставляет его каждый год приезжать из своей благополучной Америки к нам в Россию? «Я люблю просиживать ночи на чьей-нибудь уютной кухне в при-

ли кто-нибудь, включая самого Адамса, мог представить себе, что через два десятка лет он станет знаменитостью. О нем узнают не только в Америке, но и во многих других странах мира.

...Он всегда и везде опаздывает. Люди, знающие Патча, этому уже не удивляются. В московском метро, например, он может проехать нужную остановку, потому что самозабвенно раскидывает по вагону воздушные шарики и, нимало не смущаясь, раскрашивает в самые невероятные цвета лица оторопевших пассажиров. Лучше всех, конечно, на выходы Патча реагируют дети. Потом улыбки начинают появляться и у взрослых – пап и мам, которые сначала лишь недоверчиво косились на этого странного человека, отда-

ютной компании за парой-тройкой бутылочек водки, произносить тосты и чокаются, глядя друг другу в глаза. В Америке нет таких обычаев...» – Патч, как всегда, шутит. Он вообще редко бывает серьезным. Даже когда вместе со своими друзьями приходит в детский онкологический Центр – такое место, где не то что улыбаться, смотреть спокойно нельзя в глаза маленьких пациентов и их родителей. А он – смеется, играет на губной гармошке, вытаскивает из бездонных карманов своих клоунских штанов забавные игрушки и дарит их детям, которые совсем не понимают его английский. И все же – понимают, улыбаются в ответ, забывают хоть ненадолго о своей болезни...

Кстати, о друзьях Патча. Их вместе с ним приезжает человек сорок – люди разного достатка, возраста и профессий. Кто-то встретился с Адамсом только в аэропорте,azole трапа самолета. Просто прочел в газете объявление о том, что группа отправляется в Россию (на Кубу, в Боснию, в Китай – Патч живет так, словно государственных границ вовсе не существует), и решил присоединиться. Если не хватает денег – скидываются друзья и знакомые или всю сумму разом жертвует кто-то из состоятельных сограждан. У них так принято и вовсе не считается чем-то из ряда вон выходящим.

В конце прошлого года Патч приезжал в гости к московской художнице Маше Елисейевой. Они дружат уже девять лет. Она, как и Патч, тоже пытается помочь обездоленным

детям. Специально для этого Маша организовала частный благотворительный фонд «Дети Марии», где в художественной студии ребята из детских домов и школ-интернатов рисуют картины, создают панно, многие из которых уже хранятся в частных коллекциях Англии, Германии, Австрии и Франции.

На этот раз Мария и Патч решили устроить детский праздник прямо в Центральном Доме художника: там, в одном из залов, проходила выставка работ воспитанников «Детей Марии».

В ЦДХ, как известно, ходят в основном люди взрослые и солидные. Но в этот вечер длинной вереницей мимо изумленных билетерш входили дети и клоуны с ярко рас-

крашенными лицами, в совершенно немислимых костюмах, с дудочками и бубенчиками в руках.

Через две минуты после появления Адамса в зале стало шумно и весело. Три клоуна громко пели веселую песню, аккомпанируя себе на губной гармошке, а потом, закончив, несмотря на одобрительные аплодисменты, вдруг горько зарыдали. Слезы текли буквально в три ручья, забрызгав зрителей – носы у всех присутствующих моментально были раскрашены в яркие цвета, волосы и одежда посыпаны блестками. Дети принялись рисовать картину прямо на полу, на огромном листе ватмана, и каждый из них получил в подарок воздушный шарик в виде сердечка...

Патч Адамс – он не просто лечит смехом. Он растит смехом. Он – феномен культуры мира по имени Доктор Смех.

Трудно сказать, скольких людей излечил Патч Адамс. То, что он делает, привычными мерками не измеришь. На гонорар, полученный после съемок фильма, он вполне мог бы вести безбедную жизнь где-нибудь в Калифорнии. А он вложил деньги в строительство больницы. Почти в то же время жена, которая поддерживала его на протяжении многих лет, вместе с двумя взрослыми сыновьями ушла от Адамса. Она устала от такой беспокойной жизни. Теперь они живут отдельно. «Правда, – говорит Патч, – совсем недалеко от меня, так что я могу видеться с детьми каждый день».

В самом деле, удивительный человек – он во всем может отыскать светлые стороны. |

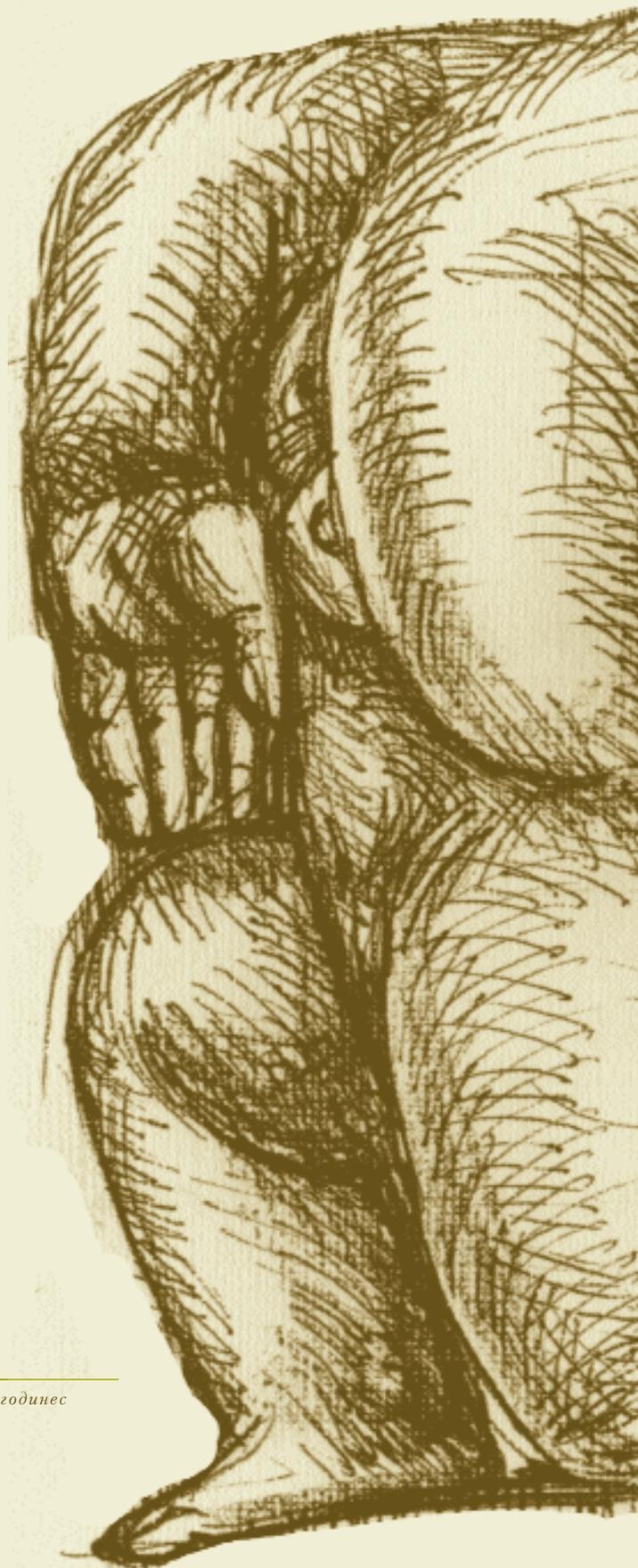
ПАТЧ АДАМС В ЦДХ / виктор васенин

Боюсь, что сегодня психология сопровождения, которая подразумевает в основном ненавязчивое следование за собственной активностью ребенка и адаптацию его к школьной программе, применима ко все меньшему числу детей – слишком серьезные испытания преподносит жизнь. Наркомания, насилие, нищета, потеря смыслов и ориентиров существуют не только на телеэкране. Они вокруг и внутри. На этом фоне особо важными для развития личности становятся психотехники, направленные на усвоение социальных норм, представляющих культуру достоинства и рождающих поведение уважающего себя и других личностно зрелого человека. Именно психотехники могут стать опорой психологии, о которой мечтал Лев Выготский, психологией, задающей зону ближайшего развития ребенка, психологией ведения.

Посттоталитарный стресс

Представим два образа. Как будто расставлены фигуры на шахматной доске (есть такая методика в рамках семейной терапии). Вот маленькая фигура – ребенок. Он смотрит вперед. Перед ним открыт мир. От года к году этот мир становится все шире и опаснее. Но он смотрит вперед, потому что сзади, слева и справа, как два ангела, стоят фигуры взрослых. Это его родители. Они охраняют его тыл. Исследуя мир, с ними он чувствует себя в безопасности. Его самостоятельность растет год от года, и, достигнув юношеского возраста, на самом пороге взрослости, он должен будет решить проблему отделения от взрослых, чтобы дальше жить, опираясь на собственные силы. Тогда родители отодвинутся от него, предоставив ему необходимую свободу. Это метафора психологии сопровождения. Родители, или школьный психолог, или воспитатель детского дома, но кто-то всегда должен быть в пределах досягаемости и физически, и психологически, чтобы успокоить и объяснить непонятное, пока ребенок не вырос.

/ омар годинес

Второй образ. Те же взрослые и ребенок. Только ребенок никуда не смотрит. Ему все равно. Он пассивен. Или еще более тревожная картина: ребенок активно стремится к пропасти, ему угрожает опасность. Где в этом случае место взрослого? Я вижу только одно место: он впереди, он протягивает ребенку руку и ведет за собой. Основной вопрос, который нужно решить в этой ситуации взрослому: как вести и не давить? Это образ психологии, которую можно назвать психологией ведения.

Все это не просто образы или метафоры. Ведь пропасть, перед которой стоит не только ребенок или взрослый, но и все общество, имеет вполне определенное название – экзистенциальный вакуум. Невыносимое переживание пустоты – так называется эта ситуация в жизни личности: потеря прежних смыслов и мучительные попытки найти новые. Общества посттоталитарного периода тяжело переносят «испытания свободой». Это как в комнате, в которой было мало места, поэтому мало свободы, а потом вдруг исчезают стены. И человек замирает в страхе, не решаясь сделать ни шага.

В Европе после Второй мировой войны экзистенциальный вакуум был настоящей эпидемией. В России сегодня также налицо все его признаки. Если ранее традиции и государственная идеология задавали направление пути, программу действий, регламентировали самые мелкие правила жизни отдельного человека, то теперь долгожданная свобода обернулась отсутствием ориентиров. Ты сам должен решать для себя, ради чего ты хочешь жить!

Разные системы ценностей, субкультуры, идеологии, образы жизни присутствуют в современной ситуации и задают противоречащие друг другу эталоны, нормы социального поведения. Социальная жизнь в России неопределенна: в обществе возникает дифференциация на все более мелкие страты со своими нормами жизни. То, что считается эталонным в одной социальной группе, неприемлемо для другой. Всеобщая «маргинальность», промежуточность социального положения человека, размытость границ нормы, «принятого», ориентиров в целом порой порождают нравственный релятивизм: вопрос «Что такое хорошо и что такое плохо?» перестал быть риторическим не только для детей, но и для их родителей и учителей. Да и само воспитание давно перестало быть внутренним делом педагогики. И социологи, и философы, и психологи, и психотерапевты говорят о нем, как об одной из проблем и своей науки, и всего общества.

Уроки жизни и человеческое достоинство

Что противопоставить нравственному релятивизму и цинизму расслоившегося общества?

В одном из направлений философии гуманизма принято делить личностные качества на три категории: человеческие (уважение к другому, порядочность, благодарность, терпимость, доброжелательность, сотрудничество), нейтральные (ум, воля, упорство в достижении цели и т.п.) и бесчеловечные, более известные нам как пороки. Современные воспитательные системы, на мой взгляд, имеют сильный крен в сторону воспитания как раз нейтральных черт, которые с успехом могут служить как целям гуманным, так и бесчеловечным. Что же в человеке определяет выбор целей и ценностей? Как сегодня побудить школу и семью превратить честь и достоинство в ценностные ориентиры развития личности.

Человеческое достоинство, конечно, нельзя сформировать «в лоб». Напротив, оно однажды появляется у тебя как бы само собой. Правда, только после того, как ты справишься (или, как говорят психологи, совладал) с рядом жизненных задач из тех, «которые все равно надо решить, которые большинство нормальных людей все равно решают. То есть никто не запрещает по ходу дела помучиться всласть и поубиваться, но финал одинаков». В общем, большую их часть можно назвать типовыми. Они напоминают уровни компьютерной игры: новый уровень не появится, пока не пройдешь предыдущий, а те, кто проходит дальше других, оказываются в таких дебрях, о которых и поговорить-то бывает не с кем («компьютерная» метафора и цитата принадлежат Дмитрию Соколову). Но первые уровни – от рождения до взрослости – стандартные. Дмитрий Соколов пишет о них так: «И какие же стадии стандартные? Рождение. Потом надо найти грудь. Потом от груди отвыкнуть. Вступить в человеческие взаимоотношения с хорошим человеком мамой. Выстроить замок «Я», то есть выделить сознательную часть. Привыкнуть к дисциплине. Определиться с полом. Научиться жить в коллективе. Абстрактно мыслить, ну и так дальше. Потом нужно достичь эмоциональной независимости, уйти из дома. Научиться зарабатывать деньги, стать самодоста-

точным, жениться, родить детей, простить родителей, понять, что все фигня. Найти себе божественную искру, запалить из нее мало-мальски костер... Потом, наверное, понять иллюзорность границ и слиться с миром...» Добавлю от себя, что еще до окончания школы важно также научиться завязывать и поддерживать отношения с людьми, правильно принимать чужой гнев и уметь выражать собственный, извлекать пользу из одиночества и понимать разных людей, разрешая им быть разными. Важно постепенно начать принимать себя таким, какой ты есть (вместе с историей своего рода, семьей, национальностью, характером, внешностью и сильными сторонами), важно доверять себе и извлекать из ошибок не только боль, но и опыт. Это очень краткий список. За ним – восхождение к индивидуальности личности.

Что же предлагает в связи с этим психология ведения? Учить решать эти жизненные задачи прямо в школе. Побудить учителей всех без исключения предметов делать это, используя в качестве повода собственный предмет и собственный опыт.

Умения, навыки или поведение – в целом наблюдаемая часть человеческой жизни. Она может стать предметом психологической экспертизы, и даже направленного формирования. Конечно, вряд ли удастся за один урок научить поддерживать других людей ребенка, который не чувствовал этой поддержки даже от собственных родителей. Однако рано или поздно этому научить можно, просто для «благополучных» и «трудных» учеников нужно затратить разное количество усилий. Вообще, рассматривая ребенка сквозь призму навыков, начинаешь по-новому относиться к понятиям «трудный» и «благополучный».

Предлагаемая идея имеет и тот плюс, что она не требует (во всяком случае, по началу) обязательной перестройки основ жизни конкретной школы. Это система занятий с детьми по совершенно определенной тематике. Главное – сделать шаг от создания условий для личностного роста вообще к созданию условий для формирования привычек вести себя достойно, решая конкретную задачу, выдвинутую собственной жизнью.

И это уже не психология сопровождения, о которой сегодня так много пишут практические психологи образования, это психология ведения. Однако тут надо учитывать и еще один фактор – национальный менталитет.

Русская ментальность и социальные умения

Несколько лет назад сотрудниками центра реабилитации детей и подростков «Генезис» было проведено исследование людей разного возраста – русских и американцев. Вначале их попросили описать наиболее запомнившиеся и важные события из их прошлой жизни. Затем попросили ответить на вопрос: «Чем это событие было важно для вас?»

В первой серии – описание волнующих событий – ответы русских и американцев ничем не отличались друг от друга. Анализ показал наличие сильных переживаний, даже сами события были часто похожими по сюжету: детские обиды и болезни, потеря близких и опыт преодоления – все повторялось. Однако во второй серии ответы испытуемых оказались разными. Американцы писали, что этот опыт «научил их упорству», «не бояться ошибок» и т.п. Русские – это событие «заставило обратиться к идее», «понять, что значит», «задуматься» и пр.

Сравнивая психологию России и Запада, следует также отметить еще одно немаловажное, если не главное различие. Глубина переживаний, долготерпение и склонность к страданию русского человека сочетаются с глобальностью подхода к решению любых проблем. Чем более страдает человек, чем глубже его неуверенность, тем менее готов он поверить в то, что изменения к лучшему могут начаться с одного маленького шага, даже шагика. Что-то одно, не главное и, может быть, не самое значительное, можно исправить прямо «здесь и сейчас», и это несколько улучшит общее положение дела. Для сознания россиян это предложение и неприемлемо, и обидно. Это не поможет. Менять надо все, до основания. Теория «маленьких шагов» не выдерживает конкуренции с «ожиданием чуда». Поэтому система социальных навыков не будет сразу и легко принята в России как направление воспитания личности.

Основания для оптимизма

Навыки, достойные человека, могут и должны, на наш взгляд, стать опорой сегодняшнего воспитания личности. Почему? Прежде всего, для воспитателя открываются возможности деятельностной диагностики проблемного поведения ученика: теперь он может видеть проблему как дефицит определенного умения. Ведь когда у детей и подростков формируются социальные умения, тем самым создается высокий уровень «я могу». По-моему, все психологи, работающие с детьми, указы-

вают на то, что еще до возникновения той или иной типичной возрастной жизненной задачи, например, подросткового кризиса, детей необходимо снабдить психологическими средствами для их решения и разрешения. Типичные возрастные проблемы как бы запрашивают у личности определенные ресурсы. Умения понимать свои чувства, ориентироваться в чувствах и мотивах других людей, настаивать на своем или, наоборот, уступать, планировать и достигать задуманное и другие умения составляют ядро тех самых ресурсов. Ощущение своих больших возможностей совершенно определенным образом влияет на мотивацию человека, на его выборы и ценности. Людям, и особенно тем, у кого невысокая самооценка, нравится делать то, что у них получается!

За предлагаемый арсенал социальных умений выступают гуманистические ценности, открываются новые возможности передачи смыслов. В практике возникает ситуация, когда от прагматической цели занятия: «как наилучшим образом сделать то-то в такой-то ситуации», разговор переходит к ценностным основаниям выбора, к жаркой дискуссии о нравственных основаниях жизни.

Итак, выступая против назиданий и культурного экспансионизма, мы все-таки отваживаемся предложить почти рецепт счастья. Надо только попробовать пожить этим. Может быть, один урок или одну неделю. Мы предлагаем, но право выбирать оставляем за учеником (в частности, мы предлагаем научить его выбирать, ориентируясь не на ожидания другого, а на себя и свои собственные ожидания. Такой позиции мы ожидаем от учителя или школьного психолога, который возьмется за непростую задачу воспитания через овладение социальными навыками и умениями.

Конечно, только коллектив единомышленников, создающий школу по законам справедливости и достоинства, будет более восприимчив и готов к эффективному использованию предлагаемого подхода к воспитанию личности. Однако здесь и один в поле воин. Учитель может использовать предлагаемые нами знания и технологии и на своем уроке, и в своем профессиональном общении. И если он сумеет в жалобе ребенка, в его «плохом» поведении увидеть дефицит определенного навыка и подскажет ему способ действия, он уже сделает для этого ребенка очень и очень многое. Где бы он ни работал. |

Как научить подростка **просить**

Многие проблемы подростков связаны с несформированностью одного важного

личностного умения – ПРОСИТЬ.

Для просьбы нужно много мужества –

все люди боятся отказа, и каждый

переживает этот страх по-своему.

Но отказаться от просьб нельзя, потому

что в жизни есть вещи, которые никто

не имеет права требовать, только про-

сить. Речь идет о внимании, близости,

дружбе, любви. То есть о том, что для

подростков очень и очень важно. Почти

так же важно, как для нас, взрослых...

Мы предлагаем вам сценарий не-

большого группового занятия по теме:

« ИСТИННАЯ ПРОСЬБА »

Начните занятие с важного подготовительного упражнения. Предложите ребятам разделить по двое. В каждой паре один должен крепко сжать руку в кулак так, чтобы большой палец оказался внутри, второй – сделать что-то, чтобы «освободить» большой палец соседа. Скорее всего с шумом и криками пары начнут борьбу. Тот, кто должен раскрыть ладонь партнера, вряд ли догадается просто попросить об этом.

Наблюдайте за поведением ребят. Отметьте тех, кто более гибок и пробует не только тактику силы. Попробуйте вспомнить аналогичные упражнения, в которых проецируются привычные способы поведения. Проанализируйте с ребятами, что получилось. Спросите: почему они не попросили другого просто расжать руку? Теперь вы можете перейти к теме занятия.

Ребята сидят по кругу, столов или парт перед ними нет. Учеников не больше двадцати человек, идеально – четырнадцать. Учитель или психолог находится здесь же, в кругу среди детей.

Разговор начните с того, насколько важно для каждого человека, для вашего класса умение просить. Если у вас есть личный опыт, связанный с этой проблемой, расскажите о нем ученикам. Уточните, что важно не только уметь, но и не «оставлять стараний», когда в ответ на просьбу получаешь отказ. Спросите ребят, как они относятся к необходимости просить кого-то. Нравится ли им просить? (Как правило, дети отвечают: «Смотря кого», «Я не люблю просить», «Смотря о чем, скорее я попрошу за другого, чем за себя».)

Обсудите в форме групповой дискуссии, какое место в нашей культуре среди других социальных норм занимает просьба. Чем принципиально она отличается от приказа и требования? Кто-нибудь из ребят обязательно заметит, что просьбу отличает не форма и наличие слова «пожалуйста», а возможность ответить на нее отказом.

Во время дискуссии речь может пойти о том, что в разные эпохи у людей разное отношение, разная философия просьбы. Русское, лагерное: «Ничего не бойся, никому не верь, ни о чем не проси» или булгаковское: «Никогда не проси у тех, кто имеет власть!» И более древнее: «Просите! И получите». Уточните: каждый человек свободен выбирать философию жизни, важно только понимать последствия своего выбора. Поинтересуйтесь у учеников:

На доске можно написать:

Навык «Искренняя просьба»

Первый шаг Сформулируйте то, чего бы вам хотелось.

Второй шаг Решите для себя, что это именно просьба, а не требование.

Третий шаг Обратитесь к человеку, которого вы выбрали, с просьбой, а не с требованием.

Четвертый шаг Достоинно примите отказ или согласие.

Пятый шаг В случае отказа ищите того, к кому бы вы могли еще обратиться.

какой выбор, на их взгляд, требует больше смелости, решимости?

Объясните ребятам, что человек, который умеет просить так, чтобы ни он сам, ни тот, к кому адресована просьба, не чувствовал себя «использованным», – мудрый человек, умеющий доверительно относиться к людям. Возможно, вам покажется уместным заметить, что он сторонник христианской простоты – противоположности гордыни. Не случайно в Нагорной проповеди Иисус Христос призывал верующих ПРОСИТЬ. Если перевести на современный язык, получится следующее: «Просите и, возможно, вы получите. Стучите, и порой двери откроются перед вами. Более вероятно, что они откроются, если вы будете стучать, чем если вы будете молча стоять, надеясь, что те, кто находится внутри, почувствуют ваше присутствие и исполнят ваше желание». В нормальных отношениях между людьми каждый свободен просить. А другой свободен ответить «да» или «нет».

Не всякая просьба является просьбой. Искренняя просьба – честное выражение позиции и желаний – предполагает, что другой человек волен согласиться с вами или отказать, ведь, обращаясь, вы просите его высказать его позицию и его желания. Требование – это нечто иное. Оно уместно в ситуации, когда ранее был заключен договор, и пришло время его выполнять. Или когда один участник диалога не считает, что у другого в данной ситуации есть выбор.

Попросите каждого участника группы по очереди высказать просьбу или требование, а остальных определить, что это было, а затем записать признаки искренней просьбы. Искренняя просьба самой своей формой – не давящей интонацией – оставляет другому право выбора. Слова «пожалуйста», «не будете ли вы так любезны» не являются существенным признаком искренней просьбы.

Разыграйте ситуацию: «Вы в автобусе или в вагоне трамвая. Вокруг много людей, все места заняты. Рядом с вами стоит пожилой человек, сидит ваш ровесник». Ребята должны попросить юношу освободить место, позволив ему при этом «сохранить лицо». Если у вас есть возможность, снимите упражнение на видеопленку, этот видеоматериал понадобится вам для дальнейшего анализа (Возможно, для вашего класса или группы есть другая, более актуальная ситуация, тогда предложите ребятам ее).

«Доброволец», исполняющий роль юноши, садится в центр круга. Каждый участник по очереди подходит к нему и просит встать, а он волен сделать это тогда, когда посчитает возможным именно так ответить на просьбу. В этой работе каждый подбирает свои формы искренней просьбы, но наверняка в них не будет указаний на должностное, скрытых упреков и указаний на социальный статус того, к кому обращаются. Уточните, что цель ребят не поднять юношу с его места любой ценой, а найти логическое завершение всей ситуации.

А что делать, когда в ответ на просьбу получаешь отказ? Уважать решение вашего партнера. Спокойное отношение к отказу часто воспитывает лучше любых нотаций. Сделайте акцент на том, что в навыке, который называется «умение просить», главное – быть способным принять отказ, а для этого необходимы мужество и вера в людей. Подчеркните, что, выбирая наиболее приемлемые и эффективные способы просьбы, важно знать, что лучше других действуют искренность, мягкость – не давящий стиль, интимность – отсутствие свидетелей.

Искренняя просьба не зрелищна, она как бы сообщает: я действительно оставляю решение за тобой, поэтому и проникает в самую глубину души человека. А спокойное отношение к отказу вызывает самые разные сильные чувства, иногда стыд, иногда признательность и может сильно повлиять на будущие решения.

Обсудите итоги встречи. Позвольте ребятам высказаться о том, какие чувства они испытывали на этом занятии и какие вопросы остались неразрешенными. Посоветуйте им внимательно относиться к просьбам незнакомых людей и предложите им попросить домашних о том, о чем прежде не решались просить. Возможно, теперь, после вашего занятия, у ребят это получится лучше. |

*Мы попросили подростков написать,
с какой проблемой они обратились бы к психологу.
Очень многие ответили: «Я не умею отказывать».*

Не откажи просящему / Особенности национальной культуры predisполагают к синдрому психологической зависимости

Речь идет о зависимом поведении. Зависимом от наркотиков, алкоголя, курения. Друзья уговаривают начать, ты не можешь отказать им, а потом втягиваешься. Какой-то процент ребят отлично понимает, что начинать не стоило бы. Но как отказать друзьям? Вот ситуации, описанные ребятами.

Прежде всего они связаны с отношениями с родителями: «Я не могу отказать, когда они заставляют меня делать то, что я считаю неправильным». Девочка пишет: «Я хотела бы заниматься уроками или любимым делом, а подруга тянет меня на дискотеку, и я не могу отказаться». Мальчик ехал на мотоцикле, притормозил, рядом остановились друзья и потребовали, чтобы он отдал им большую часть бензина. И он тоже не смог отказать. Уговорил себя, что не хочет оказаться жадным, оказаться плохим другом. Сработал сильный механизм защиты: если ты плохой друг, ты как бы опускаешься на ступеньку ниже остальных, а раз так, тебя можно давить и задавить.

С грубым давлением, привычным для родителей, дети научились справляться, освоили форму пассивного сопротивления: не отвечать «нет», но и ничего не делать. Но порой давят мягко – лестью, шантажом. В нашей культуре особое отношение к просьбе... Есть как бы негласный закон: просьба должна выполняться. И среди подростков есть блестящие манипуляторы: «Я же тебя прошу как друг, ну, пожалуйста, сделай (пойдем), тебе понравится». Или так: «Ты же компанейский парень, ты же не бросишь компанию?!» – за тобой признают статус, более высокий, чем обычно, отмечают твои достоинства, а по сути, элементарно льстят. Но ты уже вызов принял – обязан соответствовать.

Манипуляторы очень чувствительны к малейшим изменениям в поведении другого, хотя принято считать, что подростки глуховаты к другим, зациклены на себе. В некоторых ситуациях и некоторые из них способны точно и тонко «вычислить» собеседника. Я бы не сказала, что таких манипуляторов много, но в каждой компании есть хотя бы один. Чаще всего это не лидер, а подросток, который хочет повысить свой статус в группе. В социальной психологии известен такой феномен: более других давит на сомневающегося подросток, который сам не уверен в том, что предлагает и на чем настаивает. Он уже принял решение и,

чтобы унять тревогу и найти недостающие аргументы для оправдания себя, активно склоняет к тому же решению того, кто еще сомневается. Внутренняя логика: «Ну вот, и он согласился!» – утешает.

Не знаю как. Не знаю что, но чувствую. Даже не знаю, что не знаю / Порой подросток даже не осознает своей уязвимости

По типу зависимости есть три группы подростков. Первые правильно оценивают ситуацию – но не умеют отказать. Не знают, как это делать правильно, чтобы не переживать неудачу раз за разом. Обучившись приемам отказа, они преобразуются.

Другая группа – подростки, которые лишь смутно ощущают, что их используют. Под давлением они испытывают дискомфорт, которого хотели бы избежать, но, что для этого надо сделать, не знают. Когда у таких подростков приходят в конфликт жизненно важные ценности, например, дружба, они становятся неуверенными, в себе и это легко улавливают собеседники. Уговоры, манипуляции в таких случаях действуют сильно, и подросток поступает так, как хотят другие. Но это действие оставляет в нем чувство неудовлетворенности и собой, и ситуацией.

Итак, для первой группы подростков главная трудность – как отказать другому, для второй – самое сложное разобраться в том, что именно происходит.

У подростков третьей группы не возникает даже вопрос о том, зачем надо отказывать. Они охотно принимают свою зависимость и не понимают, что может быть «иначе». Как правило, ценности таких детей бедны, ценность собственной личности не понятна. Уровень развития рефлексии низкий, такие подростки затрудняются объяснить свои поступки, не отделяют себя от группы, сливаются с ней. Они редко обращаются к психологу.

В некоторых случаях подросток демонстрирует зависимое поведение под давлением обстоятельств, на фоне сильного эмоционального переживания. Такие дети и отказать умеют, и понимают, когда это следует сделать, но в момент крушения какой-то очень важной для них цели теряют опору и попадают под влияние группы сверстников. Отсутствие умений справляться с такими переживаниями, проигрывать и планировать будущее, принимать свои и чужие ошибки часто приводит к зависимости от алкоголя и наркотиков.

Расслабьтесь, расправьте плечи – кто ж вам поверит иначе / Откуда у подростка уверенная осанка, если с детства на него давили?

Очень часто у подростков не согласуются словесный отказ и невербальное поведение. Они говорят «нет» только словами, а тело, мимика, интонация «выдают» сомнения, колебания, готовность подчиниться. А поскольку девяносто процентов информации человек считывает невербально, то отказ этого подростка никто не воспринимает всерьез.

Многих ребят достаточно просто научить правильно вести себя в тот момент, когда они готовы сказать: «нет». Ведь дело может быть вовсе не в том, что подросток не уверен в своем «нет» и колеблется, просто неуверенная манера поведения усвоена им с детства. Так бывает при жестких, авторитарных родителях, в семьях, где слово, мнение ребенка никогда не принимается в расчет. Откуда же у него возникнет уверенная манера держаться?

Учимся слышать и видеть друг друга / Непросто согласиться с тем, что есть в мире школы, где главный предмет – социальные навыки.

Вместе с ребятами мы смотрим телевизор без звука, пытаемся понять, о чем говорят, как люди выражают свои мысли. Затем мы начинаем репетировать... с зеркалом.

Перед группой ребята пытаются выразить себя. «Зритители» комментируют: «Что-то не так: голова, плечи опущены – мы не верим тебе». Это не просто упражнение – работа над собой, своим телом, своими чувствами. Смотришь на себя со стороны и иначе ощущаешь себя, иначе начинаешь двигаться – так, чтобы тебе поверили.

В школе не учат владеть своим телом, мимикой, не учат соответствовать тому, что говоришь. В школе учат сидеть, сложить руки, отвечать статично, не двигаясь. Наши подопечные открывают для себя, что, например, изменить степень давления можно порой, лишь изменив дистанцию между собой и собеседником. Ведь как бывает: кто-то подошел очень близко, навис над тобой, и это уже мешает, давит на тебя. Ребята учатся понимать собственное поведение, узнают о разных механизмах давления на них, о разных формах отказа. Самая несложная и поэтому подходящая для неуверенных людей форма отказа – «техника заезженной пластинки»: упереться и повторять: «Нет, нет, нет. Все равно нет». Предложите ребятам «отработать» ее на коммивояжерах.

Общаясь с подростками или обучая их в тренинговой группе, на уроке психологии, да и просто на классном часе, важно подчеркивать: вы должны быть готовы к тому, что вашему отказу поверят не сразу. Нормально, когда с первого раза тебе не верят.

Ура! Мне страшно! / Раскрепощение чувств – один из главных элементов современной культуры. Особенно нуждаются в нем наши подростки

Подросток уже пробовал отказывать, но у него это сразу не получилось. Появилась неуверенность в себе, запомнился негативный опыт, и вот уже он думает о себе как о человеке, который не умеет отказывать. Снижение самооценки делает его еще более уязвимым, неуверенным в себе, зависимым от ситуации. Он теперь не в состоянии понять, что происходит, – ему просто плохо.

Детей никто не учит осознавать собственные чувства. Мы же пытаемся показать им, что каждый человек имеет право испытывать и гнев, и агрессию, и злость, и радость, и любовь, и многие, многие другие чувства... Раскрепощение чувств, их реабилитация позволяют ребятам признаться, поначалу хотя бы самим себе, что бывают ситуации, когда, например, тебе страшно. И непросто поверить, что не только тебе «слабо» прыгнуть с третьего этажа.

Вслед за правом на чувства, замороженные, а то и атрофированные запретами, мы заговариваем с подростками о других правах личности. Нередко это оказывается полной неожиданностью, новостью, открытием.

Права человека как условие его независимости / Мы признаем право другого только тогда, когда нам самим это право становится жизненно необходимо

Иногда я имею право поставить себя на первое место. Я имею право на ошибку. Я не обязан быть совершенством. Я могу изменять свои решения.

Когда ты решаешь, что имеешь право на ошибку, ты волей-неволей принимаешь тезис «другой тоже». Страшное дело: и родители могут быть не правы, и учитель, и любой, даже самый авторитетный человек.

Совершенно новое чувство: я имею право на ошибку, это моя ошибка. Детям вообще тяжело признавать свои ошибки, они панически боятся их. Когда-то они были готовы на это, но постоянное родительское «Я же тебе гово-

рил!» породило страх и чувство вины. Из-за этого страха, как показывают исследования, россияне склонны избегать неудачи, не стремятся к успеху. А это две противоположные стратегии поведения.

Для российского подростка осознать права личности, ее ценность очень непросто, ведь в нашей культуре особенно важна соборность, решение проблем всем миром. А тут: «я – ценность», «большинство право не всегда», «человек имеет право менять свои решения: да, я вчера согласился с тобой, кстати, под твоим давлением, а сегодня, подумав, говорю «нет».

Подростковые мифы / Сознательно или бессознательно мы стремимся реализовать возможности, которые соответствуют нашим основным ценностям

Самая непростая группа подростков – ребята, у которых нет не только знаний и умений, у них нет смыслов. Их жизнь «управляют» мифы, сформированные ранним воспитанием в семье. Один из мифов, «послушный пай-мальчик», расшифровывается так: всегда нужно слушаться старших, или авторитетных. Школа также делает все, чтобы вместо готовности отвечать за свой выбор у ребенка сформировалось простое послушание: делай, как я сказала! Другой, типично молодежный миф: «Выбирай или проиграешь!». За ним иллюзия: нельзя голосовать против всех, нужно пойти на компромисс, понять ситуацию и проголосовать за меньшее из двух зол. В рамках этого мифа голосовать против всех – не достойный уважения поступок, а проявление нерешительности. У лично зрелых людей, как правило, нет подобной иллюзии. Но как быть тем, у кого собственная личность исключена из разряда ценностей? Что делать тому, кто даже в родительской семье не чувствовал, что «он – это ценность»?

Я предлагаю ребятам придумать легенду о себе или вспомнить сказку, найти своего персонажа в ней, попробовать сыграть эту роль... А когда образ сложился, попробовать разобраться, какие же у меня ценности, что важно для меня, а что – нет. Постепенно, шаг за шагом выстраиваются у ребят представления о себе как о личности, возникает ощущение собственного «я», проявляются убеждения и ценности. В умении сказать «нет» появляется смысл. Подростку становится понятно, для чего необходимо уметь отказываться.

Вопрос о смысле и ценностях – самый сложный. Прежде, кажется, было проще: «Ты – дворянин, и ты должен быть...». Даже в недавнее время было понятнее: «Ты – комсомолец, и ты должен...». А сейчас: кто ты? Нелегко разобраться, но можно выбирать. Важно осознать – кто ты – и попробовать себя в выбранной роли.

Казалось бы, всего-то: научиться вовремя сказать «нет», и сказать это твердо, чтобы поверили. Вот он встает, распрямляет плечи, прямо смотрит тебе в глаза. Говорит спокойно, вежливо, с чувством собственного достоинства.

Посмотрите же – это другой человек! |

Уроки конструктивного сопротивления

1. **Встань на свою позицию, не уваливай и не придумывай «уважительные» причины.**
2. **Повторяй «нет» вновь и вновь, не объясняя причин и не оправдываясь.**
3. **Покажи, что ты слышишь их аргументы и все равно говоришь «нет».**
4. **Поменяйся местом с противником, сам начни настаивать: «Почему ты на меня давишь?»**
5. **Откажись продолжать разговор: «Я не хочу об этом больше говорить».**
6. **Предложи компромисс или альтернативный вариант.**

Ты имеешь право:
Делать то,
что для тебя лучше
Самому выбирать
Изменить решение

запись и подготовка к публикации / ирина прусс

В роддоме матери сказали, что ребенок при родах получил черепно-мозговую травму, и предложили отдать его в специализированный интернат. Объяснили, что такая травма ведет, как правило, к детскому церебральному параличу, а то и к умственной отсталости, а это, в свою очередь, означает, что у ребенка никогда не сложатся самостоятельные отношения с окружающим миром. Он будет обузой семье на всю жизнь.

Мама назвала девочку Аней и забрала домой.

«Задержка в развитии ребенка с детским церебральным параличом начинается с первых недель жизни. Большая роль в отклонениях психического развития детей принадлежит двигательным, речевым и сенсорным нарушениям. Эти отклонения в основном обусловлены недостаточностью практического опыта детей с ДЦП, а также ограниченностью их коммуникативных связей».

Тексты руководств по специальной педагогике не могут передать внутреннего состояния, в котором находится человек, не имеющий возможности забыть о своем непослушном теле. Неуправляемое, не доставляющее радости, уродливое, о чем уже маленький ребенок догадывается по странным взглядам и отведенным глазам окружающих. Изоляция от сверстников, ну это еще может компенсировать любовь папы и мамы, но тело, абсурдно неловкое... Я долго работала с Аней, знаю ее с восьмилетнего возраста и до сих пор не могу спокойно читать **«Превращение» Франца Кафки**. Однако именно этот текст, на мой взгляд, отражает внутреннее состояние человека с ДЦП...

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое. Лежа на панцирно-твердой спине, он видел, стоило ему приподнять голову, свой коричневый, выпуклый, разделенный дугообразными чешуйками живот, на верхушке которого еле держалось готовое вот-вот окончательно сползти одеяло. Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами.

Сбросить одеяло оказалось просто; достаточно было немного надуть живот, и оно упало само. Но дальше дело шло хуже, главным образом потому, что он был так широк. Ему нужны были руки, чтобы подняться; а вместо этого у него было множество ножек, которые не переставали беспорядочно двигаться и с которыми он к тому же никак не мог совладать. Если он хотел какую-либо ножку согнуть, она первым делом вытягивалась; а если ему наконец удавалось выполнить этой ногой то, что он задумал, то другие тем временем, словно вырвавшись на волю, приходили в самое мучительное волнение. «Только не задерживаться понапрасну в постели», — сказал себе Грегор. Сперва он хотел выбраться из постели нижней частью своего туловища, но эта нижняя часть, которой он, кстати, еще не видел, да и не мог представить себе, оказалась малоподвижной; дело шло медленно; а когда Грегор наконец в бешенстве напропалую рванулся вперед, он, взяв неверное направление, сильно ударился о прутья кровати, и обжигающая боль убедила его, что нижняя часть туловища у него сейчас, вероятно, самая чувствительная.

Поэтому он попытался выбраться сначала верхней частью туловища и стал осторожно поворачивать голову к краю кровати. Это ему легко удалось, и, несмотря на свою ширину и тяжесть, туловище его в конце концов медленно последовало за головой. Но когда голова, перевалившись наконец за край кровати, повисла, ему стало страшно продвигаться и дальше подобным образом. Ведь если бы он в конце концов упал, то разве что чудом не повредил бы себе голову. А терять сознание именно сейчас он ни в коем случае не должен был; лучше уж было остаться в постели.

Но когда, переведя дух после стольких усилий, он принял прежнее положение, когда он увидел, что его ножки копошатся, пожалуй, еще неистовей, и не сумел внести в этот произвол покой и порядок, он снова сказал себе, что в кровати никак нельзя оставаться и что самое разумное — это рискнуть всем ради малейшей надежды освободить себя от кровати. «Уже семь часов, — сказал он себе, когда снова послышался бой будильника, — уже семь часов, а все еще такой туман». И несколько мгновений он полежал спокойно, слабо дыша, как будто ждал от полной тишины возвращения действительных и естественных обстоятельств.

Когда Грегор уже наполовину повис над краем кровати — новый способ походил скорей на игру, чем на утомительную работу, нужно было только рывками раскачиваться, — он подумал, как было бы все просто, если бы ему помогли. Двух сильных людей — он подумал об отце и о прислуге — было бы совершенно достаточно; им пришлось бы только, засунув руки под выпуклую его спину, снять его с кровати, а затем, нагнувшись со своей ношей, подождать, пока он осторожно перевернется на полу, где его ножки получили бы, надо полагать, какой-то смысл. Но даже если бы двери не были заперты, неужели он действительно позвал бы кого-нибудь на помощь? Несмотря на свою беду, он не удержался от улыбки при этой мысли».

/ леонид жданов

Аня росла с большим отставанием, смогла сносно ходить только к девяти годам. В этом же возрасте ей поставили диагноз «умственная отсталость в степени дебильности».

Чтобы учить дочь во вспомогательной школе, маме пришлось оставить профессию инженера и преподавателя техникума, научиться шить профессионально и пойти в школу вместе с дочерью. В 1980 году это был единственный путь для семьи больного ребенка.

В школе у Ани многое не получалось. Трудно было учиться писать и считать, не давалась профессия швеи, уроки переплетного дела требовали физической силы, которой не было. Быстрая утомляемость и физическая ослабленность не давали ей догнать своих одноклассников.

Мама помогала. Поддерживала вся семья. Учителя делали для Ани специальные пособия, занимались дополнительно и выпустили в жизнь со свидетельством об окончании вспомогательной школы. Бумага была, а сил для жизни все еще не хватало.

После окончания школы и без того узкий круг общения сожмулся до размеров семьи. Маме удалось устроить Аню уборщицей в поликлинику. Дочь приживалась долго, но милосердие окружающих сделало свое дело: Аня стала работать и даже ездить на работу сама.

Перестройка принесла с собой много нового, в том числе и группы общения для людей с особенностями развития. «Дети и взрослые с особенностями развития» – этот термин закрыл все диагнозы. Так стали называть всех, кто нуждается в помощи. Аня занималась в «КРУГЕ» у Натальи Тимофеевны Поповой, создавшей театр для больных детей и придумавшей для них прекрасную идею социализации, общения и переживаний, доступных здоровым детям, с помощью фольклорных игр, песен и танцев.

Ане помогли обрести уверенность и свою особую философию в обществе «ВЕРА И СВЕТ». Главное – она была не одинока.

Аня находилась в поле моего зрения все эти годы. Я замечала в ней положительные изменения, насколько они возможны для людей с таким диагнозом. И вдруг узнаю, что в этом году Аня заняла второе место в личном первенстве Москвы по конному спорту среди инвалидов. Признаться: это было неожиданно.

Для многих из нас лошадь – экзотическое животное из цирка и проката по праздникам. Но прежде лошадь занимала в жизни людей более важное место и всегда была для человека своеобразным психотерапевтом и другом.

«Еще Аристотель, Гиппократ, Ксенофонт обратили внимание на тот отпечаток, который накладывает на человека езда верхом, а великий энциклопедист Дени Дидро еще в 1751 году в трактате «О верховой езде и ее значении для того, чтобы сохранить здоровье и снова его обрести» писал: «...среди физических упражнений первое место принадлежит верховой езде. С ее помощью можно лечить много болезней, но возможно также и их предупреждать, как только они проявляются».

В нашей стране первые занятия лечебной верховой ездой начались около девяти лет назад. Специалисты, связанные с детьми-инвалидами, спортсмены и родители детей, нуждающихся в действенной помощи, объединились для преодоления тяжелейших недугов: детского церебрального паралича, аутизма, разных форм умственной неполноценности. Родилось движение «Русское иппотерапевтическое сообщество». «Для меня иппотерапия – это гармоничное сочетание специально обученных лошадей и людей-профессионалов, у которых доброта и ответственность – часть их профессионализма» – так лаконично говорит Анина мама, пришедшая со своей дочерью на занятия лечебной верховой ездой восемь лет назад.

Рассказ Аниной мамы. «Ане было двадцать лет, когда двое сильных молодых мужчин с большим трудом впервые взвалили ее на спину спокойной, много повидавшей лошади.

В свои двадцать Аня выглядела как толстуха двенадцати–четырнадцати лет с низким уровнем интеллекта и с очень плохой координацией движения – сознательно управлять своим телом она почти не могла. Застенчивая и робкая, она сама практически не вступала в контакт с другими людьми и ни в чем не проявляла инициативы. Правда, к тому времени Аня уже три года работала уборщицей в детской поликлинике, где ей были созданы щадящие условия, а обстановка была спокойная и невраждебная. Я пишу об этом потому, что недоброжелательное отношение она воспринимала настолько остро, что заболела. Эта особенность психики сохранилась у нее до сей поры.

Ну что сказать про лошадей? При лошадях были люди, много людей – все доступные и нестрашные. Впервые мы узнали о таком виде лечения в лагере «Живая нить» в селе Мещерском. За восемь лет, прошедших с той поры, Аня сделала большие успехи в преодолении многих своих проблем. Она научилась работать так, что в поликлинике ее не считают обузой, а, напротив, даже довольны, хотя, конечно, физически да и интеллектуально она уступает любой здоровой уборщице. У нее появились осознанные интересы, которые она отстаивает достаточно твердо перед родителями и теми, кто к ней добр. С трудом, но она научилась преодолевать страх, когда речь идет о лечении зубов или необходимости сесть на лошадь после падения; очень медленно, но научилась доверять себе и миру: говорит с незнакомыми людьми, сама делает покупки в продуктовых магазинах, на рынке. А ее общение с друзьями становится все более свободным и осознанным. И как тут разделить, что сделала лошадь, а что – неторопливый, но неумолимо требовательный и щедрый на похвалы иппотерапевт Петр Гурвич или тренер Татьяна Куликовская?

Аня любит лошадей. Она их не боится – чистит, кормит, седлает, и при этом ее не отталкивает ни запах навоза, ни естественная для конюшни обстановка. Аня, используя стремя, самостоятельно садится в седло (если лошадь не очень высокая), и осанка у нее в седле прекрасная. Такого без занятий иппотерапией мы не добились бы никакой гимнастикой.

И вообще верховая езда научила ее лучше чувствовать свое тело. Падает она сейчас крайне редко, а ведь, бывало, валилась как сноп практически на ровном месте.

Все это имеет довольно важные последствия. Люди, узнающие о занятиях Ани верховой ездой, выражают ей свое уважение и даже восхищение. Инвалиду, осознающему свои проблемы – а Аня уже понимает (частично) ограниченность своих возможностей, – это позволяет вернуть себе самоуважение. Еще бы, это ведь не просто гимнастика, не просто скучные изнуряющие упражнения. Это – лошади! Кстати, и просто гимнастика была бы хороша, если бы можно было помочь непослушному телу двигаться так, как показывает тренер. Без специальных приспособлений ни у меня с дочкой, ни у Ани с тренером в физкультурном диспансере ничего не получалось.

А вот лошади заменяют собой все, так как эта теплая, покачивающаяся спина заставляет тело реагировать абсолютно бессознательно».

Увидев, как изменилась в последние годы Аня, я попыталась побольше узнать об иппотерапии, разобраться в ней.

Практикум по лечебной верховой езде, который организовали на Московском центральном ипподроме специалисты Детского экологического центра «Живая нить», имел внушительное название «Применение лечебной верховой езды в работе психиатров и психологов с детьми и взрослыми, имеющими особенности развития». Семинар вел основоположник иппотерапии в Европе доктор медицины Карл Клювер.

Он посвятил иппотерапии тридцать лет. За это время им и его соратниками была создана система практической помощи инвалидам, людям, перенесшим серьезную травму центральной нервной системы, больным с рассеянным склерозом, детям с аутизмом и детским церебральным параличом. За тридцать лет Карл Клювер разработал способы и формы работы в собственно медицинском значении иппотерапии, в лечебной педагогике и спорте для инвалидов. Лечение методами Карла Клювера имеет не много противопоказаний: только острые воспалительные процессы, искривление позвоночника более 40 градусов, в некоторых случаях синдром Дауна, осложненный поражением шейных позвонков. Для всех остальных пациентов иппотерапия полезна.

Что же делает лошадь с медицинской точки зрения? Как никакое другое средство иппотерапия **активизирует** пациента: лошадь **заставляет двигаться** все тело, доставляя при этом удовольствие.

Дети, как и животные, получают огромную радость от движения, игры, возни, барахтанья в снегу или в бассейне, их не нужно заставлять двигаться, скорее иногда приходится ограничивать их активность. Это здоровые дети. Больных же, тех, кто оказался в положении Грегора Замзы, к этому нужно стимулировать. Лошадь – один из самых мощных стимулов.

Понятно, что движение – это не только удовольствие. Если оно нарушено, не происходит нормального психического развития, нарушается схема тела, а ведь тело – «дом души». Психологические проблемы детей с двигательной патологией известны: одиночество и неуверенность в себе, низкое самоуважение и недоверие к миру.

/ пизанелло, 1430 год

Доктор Клювер делился своим опытом. Оказывается, лошадь – естественный массажер и тренажер, она большая и теплая. Лошадь, выражаясь техническим языком, колеблется в трех измерениях одновременно, воздействуя на кожу, мышцы, суставы, вестибулярный аппарат человека. Лошадь поддерживает позвоночник ребенка в области крестца и обеспечивает ему увеличение подвижности, позволяет приспособиться к разносторонним изменениям (стать больше или меньше, вцепиться в лошадь или, наоборот, оттолкнуться от нее, остановиться, снова прийти в движение).

Лошадь – живая, она каждую секунду передает всаднику свое тепло, движение, силу, ловкость, чуткость...

Работа с лошадью – это всегда работа в пространстве. В огромном манеже лошадь – объект, при помощи которого ребенок может начать **покорение пространства...** Открывая новые возможности движения, он начинает верить в свою инициативу, начинает интересоваться чем-то новым, задает вопросы, пробует себя в новых качествах. Сидя на лошади, ребенок просто не сможет уклониться от освоения движения. И можно предположить, что диалог между ребенком и матерью обязательно изменится. «Посмотри, как я могу!» – восклицают дети, подтверждая это новое ощущение, испытываемое ими впервые. И это доставляет родителям огромную радость. В большинстве случаев ребенку уже не нужно, чтобы его постоянно носили на руках, так как он пробует новые возможности.

Работа с лошадью – это множество ситуаций, поддерживающих в ребенке интерес и желание экспериментировать. Это и сама лошадь, и все, что с ней связано: возможность кормить ее, наблюдать за тем, как она скачет, как поднимает копыта... Лошадь не только позволяет сказать «Я могу», она делает понятным смысл движения. Ребенок, который достиг определенного уровня развития движений благодаря общению с лошадью, будет двигаться дальше – сначала держась за руку матери, потом идя рядом с лошадью по дороге в денник или подходя к ней, чтобы угостить морковкой. Возможно, он начнет что-то делать, но тут же прекратит, отойдет в сторону на пару шагов, чувствуя себя неуверенно или желая, чтобы мама подстраховала его. «И если в этом случае у вас возникнет сомнение в успехе, – говорит доктор Карл Клювер, – поверьте, есть достаточно веские основания для того, чтобы переждать этот момент, продолжить наблюдение и идти дальше по выбранному пути».

Доктор Клювер делился своим опытом так просто и естественно, с такой любовью говорил о пациентах и лошадях, что у меня появилась смелость выполнять специальные упражнения на лошади.

Я сижу верхом на лошади, без седла (для более полного контакта седло не используют) и решаю для себя проблему доверия к миру. Мое тело не жмет: чем больше я доверяю лошади, тем сильнее расслабляюсь, лежа у нее на спине. Лошадь чувствует меня как хороший психотерапевт, ее шаг становится более плавным. Я веду себя все спокойнее, и мне удаются все более сложные упражнения. Я расслабляюсь все больше и парадоксальным образом держусь на лошади все увереннее. После двадцатиминутной езды хочется подольше сохранить в себе это уникальное ощущение.

Спустя несколько часов, засыпая дома, я чувствую легкое, как на морской волне, покачивание и необыкновенное успокоение.

Семинар продолжается на следующий день.

Социальное взаимодействие с лошадью переносится на другие сферы жизни... Колебание в трех измерениях провоцирует ответные реакции. Колебания на лошади не могут быть смоделированы тренажерами, поскольку происходит взаимное приспособление пациента и лошади. Упражнение на сотрудничество с лошадью приводит к осознанию сотрудничества с другими.

Лошадь принимает пациента без критики, таким, каков он есть, ее привычная функция «нести» на себе не приводит к осуждению пациента. Лошадь притягивает к себе как магнит (на языке науки это звучит: «лошадь обладает значительной мотивирующей силой»). Она спланирует людей вокруг себя, поскольку чувство безопасности, необходимое для выполнения упражнения, возникает от поддержки тех, кто рядом: коноводов и страховщиков. Все члены команды попеременно выполняют эти роли, поэтому от доверия к лошади и людям зависит твой успех в обучении и лечении.

Принципы иппотерапии созвучны восточным техникам борьбы, когда нужно использовать импульс противника для своего движения. В иппотерапии нет противника, а есть союзники: на импульсе, идущем от лошади, легче выполнить упражнения для ног, удержать равновесие, расслабиться.

Я наблюдаю за лошадью и всадниками: одно и то же животное проявляет себя по-разному с каждым всадником. Между животным и человеком всегда происходит диалог.

В статье использованы материалы семинара по лечебной верховой езде, проходившего в Москве в октябре 1999 года.

В день зачета я и другие взрослые помогаем детям с особенностями развития выполнять новые упражнения. На лицах детей – оживление и нетерпение. В этот день работают опытные «иппотерапевтические» лошади, они спокойны и, кажется, все понимают.

Я вижу Аню в седле с удивительно прямой спиной и улыбкой во все лицо! Аня несет свое крупное тело на лошади уверенно и спокойно. В ее движениях появились сила и плавность, невозможные для людей с ее диагнозом. Ноги девушки остаются все еще слабыми для того, чтобы пустить лошадь рысью, но более легкие упражнения она выполняет с удовольствием и без видимых усилий. Я вижу, как ее спокойное поведение радует тренера: появились первые спортивные результаты.

... В воскресенье я провожала Аню на вокзал. Она уезжала в Йошкар-Олу на всероссийские соревнования по конному спорту в составе московской команды. Мы вдвоем несли ее вещи, держа сумку за ручки. Шли в ногу, садились в транспорт, толкались в метро, и я ощущала полную слаженность наших движений. По дороге я спросила Аню о том, что она чувствует. «Я очень волнуюсь и хочу ехать». Потом вспомнила, что забыла кружку, и мы купили ей стаканчик по дороге. В вагоне поезда Аня увлеклась обустройством, помахала мне на прощанье, счастливая и довольная...

С небольшой группой детей, родителей и тренеров Аня принимает участие в конных соревнованиях по программе специальных олимпийских игр в Йошкар-Оле. И дело совсем не в том, что она там может выйти в призеры, а в том, что она поехала одна и что это уже очень похоже на нормальную человеческую жизнь. |

/ *наталья кононенко*

На три профессиональных курса по выбору факультета ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СНАЧАЯ ПРОФЕССИОНАЛОМ БУДУЩЕГО!

Факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова совместно с педагогическим центром «Гармония» объявляет набор на обучение по специальности

«Практическая психология личности»

Диплом МГУ государственного образца о дополнительном образовании

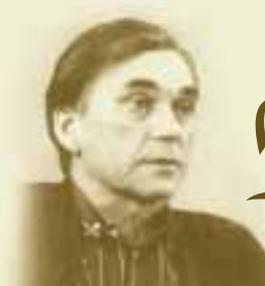
Оплата \$300 за семестр

Возврат формы обучения (продолжительность три семестра)
А также ИКДУЛЬНЫЕ ОБУЧЕНИЯ – десять специализированных курсов для профессионалов

**менеджеры
учители
студенты
руководители
старшие
инженеры
исполнители
руководители
студенты
и вы
ВАС**

Запись на собеседование по телефону: 803-04-07

Лицензия № 16Г-023 от 06.03.94

Детство – это время, когда человек становится человеком. Младшее детство – время, когда ребенок открывает мир, узнает людей, время, когда складывается его натура, его характер.

Так устроен человек – так было раньше, так происходит сейчас и так будет всегда.

Мое детство – это война. Так уж получилось: я родом из Сталинграда. После эвакуации нашим любимым занятием стал сбор оружия: его очень много было в тех местах. Я очень гордился собственным противотанковым ружьем – иметь его было такое счастье! Говорят, что в наши дни маленького человека создают телевидение, компьютер. Я так не думаю. Телевидение, игры – это лишь «добавки», акценты жизни. В любые времена дети остаются сами собой, я это хорошо знаю.

Конечно, есть главное, то, что влияет на становление человека, на его характер, на его жизнь. Прежде всего это атмосфера, в которой живет ребенок, его дом, отношения с родителями. Это природа и мир вокруг.

Мне повезло с родителями: люди они замечательные. У нас был настоящий дом – дом, в котором жило добро. Я помню альтруизм отца, поразительную нравственность моих родителей. Отца, к сожалению, больше нет, мама еще держится, совсем старенькая, ей 89 лет.

Но домом для меня был и двор, эта особая система отношений, система воспитания, и Волга, огромная, мощная река, без которой мы нашу жизнь и представить не могли. Купались, удили рыбу, встречались и гуляли по берегу – словом, мы жили на Волге! Дети, которые и сегодня растут на природе, отличаются, скажем, от московских, питерских, от детей мегаполиса. Городские дети не знают природы, не чувствуют ее. А сельские ближе к земле, к природе, ближе к кладбищу – они ведь все время ходят мимо кладбища, а это тоже важно для их взросления: формируется иное сознание, иное, внимательное, отношение к предкам. У таких детей совсем другая психология. Про это мой фильм «Прощание».

И еще об одном, об отношении к детству. Я много работал с детьми, они участвовали почти в каждом моем фильме. Бывали совсем маленькие актеры – во ВГИКЕ я снимал фильм с трехлетним человеком в главной роли – и постарше: «Добро пожаловать» – история про пионерский лагерь. И вот что я заметил: дети «закрываются», как только с ними начинаешь общаться как с меньшими. А если на равных, уважительно – совсем другая отдача, совсем другая жизнь. |

Прежде всего, мало кого прельщает (да что там прельщает, оно просто бьет по престижу!) само это слово – «психотерапевт». Почти «психиатр»! Неужели мне нужен доктор? Ведь я совершенно здоров. Да и дети, вроде бы, тоже... Спасибо, доктор, не надо! Скорее всего и вправду доктор не нужен: психика – в норме. Поэтому и терапия (а это от греческого слова *therapeia* – уход, лечение) тут не нужна. Часто требуется не психотерапия, а что-то другое. Что же? Я называю это «решением персональных проблем». Или – «персонологической консультацией». А себя и своих коллег именую «персональными консультантами».

Назову и науку, которую разрабатываю и на которую сам опираюсь. Это – персонология: наука личности. Заметьте, именно личности, не «о» личности. То есть не только о том, «что личность есть», но и о том, как личностью стать, быть, сохраняться. Персонологическое консультирование необходимо тогда и, я бы сказал, только тогда, когда с психикой «все в порядке», а вот личность человека нуждается в понимании и содействии.

«Вы это сказали – и я к вам приду?» (иронически-риторический вопрос читателя). «Нет, не придете!.. – правдивый ответ автора. – Да я ведь и не собираюсь вас агитировать. Я только хочу объяснить, почему «родители не приходят», когда для этого есть все основания...»

Я расскажу лишь о некоторых рогатках на пути к персонологу (слово «рогатка» прошу не путать с любимым орудием школьника в борьбе с нерадивыми учителями).

«Самосовершенствование»

№1

Слово, заметьте, как путь совершенства – бесконечно длинно...

«Будь лучше всех!» – говорят родители своему ребенку, смутно предчувствуя, что это навряд ли вообще достижимо. И все-таки говорят, веря, что так говорить нужно. Быть может, когда-то, некритически совершенно, они восприняли тот же приказ от родителей, а те – от своих...

«Самосовершенствование» притормаживает их приход к персонологу. Ведь если я стремлюсь к «самосовершенству» (именно «само»), то, в сущности, я не нуждаюсь ни в ком. Я создаю свои собственные педагогические системы. Много читаю. Чувствую, что должен превзойти себя самого, не говоря уже о других. Вкладываю в ребенка «всю свою душу» и требую от него отдачи.

Есть ли тут место – третьему?! И кроме того, я просто стесняюсь, если с ребенком «что-то не то». Это сигнал, что и «со мной что-то не то» как с родителем...

«Самосовершенствующиеся» родители узнаваемы по словам, которые они произносят, по тону голоса, мимике, позе, жестам. Так, прежде чем что-то сказать о себе и ребенке, они тщательно подготавливают почву, чтобы – упаси Боже! – их не поняли как-то неправильно; они любят такие слова, как «очевидно», «возможно», «в целом», а также все раскладывают «по полочкам», на «первое», «второе», «третье»... Голос их ровный, «дикторский»...

Когда эти люди задумываются, взгляд их устремляется в одну точку, они делают при этом паузу и как бы вычитывают ответ на потолке или где-нибудь на полу. Рот их в этот момент напряжен. Держатся прямо. А размышляя или слушая вас, поглаживают или подпирают свой подбородок, подобно роденовскому «Мыслителю». Кстати сказать, представьте себе роденовского «Мыслителя»... Как вы считаете, обратится ли такой человек за помощью к психотерапевту? Ни за что! Или – только тогда, когда будут исчерпаны все возможности самопомощи, все варианты... Слово «пока» играет для самосовершенствующегося выдающуюся роль – «пока сам не додумаю», «пока сам не доделаю», «пока сам не приду к соответствующим выводам»...

Самосовершенствующиеся родители недоумевают, когда им говорят: «Будьте просто собой!» или, к примеру, «Вы ведь и так достаточно хороши!» Они также с трудом принимают хорошие слова на счет своего ребенка. Они попросту пропускают их мимо ушей. Не верят... Отвечают вслух или, может быть, про себя: «Да что вы? Ведь вы и сами не верите», «Вы говорите так, чтобы только утешить меня». Ощущая свое «несовершенство», они подсознательно «наделяют» им своего ребенка. А на сеансе – если такие «самосовершенствующиеся» родители все-таки приходят за помощью – они, иногда не скрывая своего сочувствия к вам, констатируют: «Вы говорите обо мне (о моем ребенке) хорошо, потому что вы – ... психотерапевт!»

№2

Позиция силы

Девиз этих родителей: «Как-нибудь сдюжим». Я так и называю для себя таких людей – «сдюживающие». Обычно это очень волевые люди. Во всяком случае, так кажется. Внутренне они могут переживать падения и взлеты. Чувствовать отчаяние. Но внешне они невозмутимы. Ведь с самого детства им внушали: «Надо всегда быть сильным!», «Надо преодолевать все». Теперь они будут требовать того же и от своих детей. Эталонные образы человека, подчиняющегося директиве «Будь сильным», мы встречаем в стихах Владимира Маяковского, книгах Джека Лондона, современных вестернах... Но можно ли быть сильным всегда и везде? И чем за это приходится расплачиваться (иначе говоря, «как оно им там внутри?») Помните, у Маяковского: «Ведь для себя неважно: и то, что бронзовый, и то, что сердце холодной железкою, ночью хочется звон свой спрятать во что-нибудь мягкое, женское...». «Сильный», то есть чаще всего «тревожный, но спокойный наружно», человек, воспитывая своих детей, не оставит у них и тени сомнения в твердости своего характера и хладнокровии.

И невзгоды свои он переносит, что называется, стиснув зубы, скрепя сердце. Нет у меня проблем, и все тут... А при этом работает до изнеможения, чувствует себя «совершенно выпотрошенным». Болеет.

Послушайте его речь. Будто бы он говорит не о себе, а о чем-то (он забывает о себе буквально): «Так надо!», «Нет сомнений в том...» (вместо «Мне кажется»). Или: «Обстоятельства не позволяют» (вместо «Я не вижу решения...»). Речь монотонная. Лицо безучастно, бесстрастно. Руки переплетены на груди, ноги – одна на другой, тело неподвижно. Жесты отсутствуют.

«Сильному» может быть плохо, но, предпочитая не замечать или не проявлять этого, он всё-таки не идет к консультанту. Быть Фантомасом – и обращаться за помощью?! Максимум, что такой человек может себе позволить, – так это разбушеваться. Впрочем, нередко отцы (с позиции силы) не против того, чтобы их жена и ребенок «проконсультировались». У них-то они видят проблемы...

А если этот человек и приходит, то самое трудное для него – принять такой простой и естественный совет, в котором он очень нуждается, а именно: заботиться о себе, делиться своими нуждами с близкими, принимать помощь других. Он мог бы разрешить себе это. Да вот разрешит ли?..

№3

«Нет времени»

Это очень серьезная причина отказаться от поддержки специалиста. Люди из-за нехватки времени годами не посещают врачей, хотя: зубы – болят, сердце – пошаливает, в бронхах – булькает, цвет лица – что-то неважный и т.д. и т.п. Какая-то еще «персоналогическая консультация»? Или в лучшем случае: «Нет-нет, вы не подумайте, что я не понимаю значения, важности, но просто времени нет...» Самое парадоксальное здесь заключается в том, что торопящиеся действительно не имеют времени, им не хватает времени жить... Они всегда опаздывают, даже если приходят вовремя: вечно им мнится, что они не успеют, просрочат...

Многие из них действительно опаздывают – опаздывают по-настоящему, из раза в раз, опаздывают, ненавидя себя за это. Ненавидят себя, но, как ни крути, не могут справиться с этим недугом. (Я опускаю здесь очень распространенный случай, может быть, самый распространенный, когда ссылка на «отсутствие времени» – это просто прикрывающая версия, «мотивировка», а не реальный мотив, маскирующая страх, равнодушие или приверженность к старым привычкам.)

Директива «Торопись!» – родом из детства. В точности так же, как и другие, рассмотренные нами ЦУ (для тех, кто уже забыл доперестроечный сленг, расшифровываю: «ЦУ» – «Ценные Указания»), они достаются нам от родителей и переадресовываются детям. Если принять, что родитель в глазах ребенка, в конечном счете, всегда прав, никогда не обманывается, в том числе и в своих ожиданиях, то ясно, какие проблемы скорее всего возникнут у тех, кто родился под звездой родительского «Торопись!»: они будут жить ощущением «опаздываю» (чтобы «всегда торопиться», просто необходимо «всегда опаздывать»).

Вечно спешащие ярко выделяются среди других людей – речь: любят такие слова, как «спеши», «быстро», «пойдем», «нет времени на...», при этом речь – пулеметная очередь, какие-то слова «проглатываются»); жесты: постукивают пальцем, топают ногой, качаются, вертятся на стуле, постоянно поглядывают на часы (меня почему-то это особенно бесит); поза: суета сует и всяческая суета; мимика: лицо подвижное, и как бы вдруг на вас – пристальный взгляд. Кроме того, по моим наблюдениям, человек, придерживающийся правила «Торопись», любит делать два, а то и три дела сразу («Нет-нет, я тебя слушаю, мне это совсем не мешает»).

Спешащей маме не до консультаций. А если приходит – то консультация ей в общем-то не к спеху («Хорошо... По-няла... Извините... Опаздываю в парикмахерскую»).

У вечно спешащего человека нет времени привыкнуть к тем, что можно просто распоряжаться своим временем, не досуг осознать, что у мы имеем столько времени, сколько нам нужно.

№4

«Стараться... Стараться...»

Это особый случай, как и следующий. Такие родители приходят, но фактически отказываются от консультации. Точнее, отказываются от того, чтобы воспользоваться консультацией в своих интересах. Они только стараются воспользоваться. Но не пользуются...

Я чувствую, что превращаюсь сейчас в своих клиентов, стараясь вам объяснить... Пытаясь как-то дать вам понять... Как бы это... Ну в общем... Вы еще не поняли?

«Старающиеся» не столько достигают чего-то, сколько пытаются достичь. Конечно, не всякий человек, говорящий «Я постараюсь», – это человек, не умеющий достигать. Речь идет о тех из нас, кто с самого детства привык стараться не для, а вместо каких-либо достижений. Готовность к усилиям – наша врожденная черта. Она подкрепляется и развивается указаниями родителей, воспитателей и учителей и «поддерживается» иногда ими в такой степени, что высоко поднимается над всеми другими устремлениями. Становится чем-то самодостаточным. «Ты постараешься – и это уже хорошо!»

Родители учат таким стараниям своих детей, а на сеансе у психолога «стараются» научиться чему-нибудь полезному. Стараются попытаться освоиться с чем-нибудь, что может когда-нибудь в каком-нибудь будущем им помочь. Такие люди всеми правдами и неправдами откладывают окончание дел. Их лозунг (иногда вполне сознательный, иногда – нет): «Зачем откладывать на завтра то, что можно доделывать послезавтра?!» По сути, зачем вообще что-то доделывать? Ведь если «стараться» становится самоцелью, то достигать – просто противопоказано: достигнешь, доделаешь – а что потом?

Прислушайтесь: вместо «Я сделаю», они говорят: «Попытаюсь», «Попробую». Часто используют сослагательное наклонение: «Я бы», «Если бы», «Вот бы»... Тон голоса часто приглушенный или глухой (как если бы: «Я говорю вам это, но вы уж, пожалуйста, возьмите в кавычки

сказанное, я ведь и сам не очень-то верю в говоримое...»). При разговоре с вами они часто смотрят из-под руки или оттопыривают ухо, как будто пытаются что-то увидеть или услышать (хотя видят и слышат хорошо). Пальцы рук могут быть сжаты в кулак. Часто при этом они наклоняются вперед; руки покоятся на коленях; кажется, что человек сутулится, горбится. Часто у «старающегося» вы можете заметить складки над переносицей; лицо испещрено морщинами (или есть тенденция к этому). Встречались вам такие люди? Узнаваемы ли?

Особая трудность для них – принять разрешение: «Вы можете прийти к успеху. Вы имеете право на успех». Никогда не забуду одного из родителей, страдающих от своего «стараюсь», которого я попросил повторить первую фразу, набранную курсивом. И он повторил: «Вы можете идти к успеху». Заметили разницу?

№5

«Путь свободен»

«Только бы не огорчить». Эти люди страдают – лишь бы не пострадал кто-то другой. Они жертвуют своим временем, интересами, планами, мнениями – боясь огорчить. С детства они получили приказ – природные силы души приняли его с благодарностью. То был приказ радовать, угождать. «Радуй других!» – вот как это прозвучало и как звучит, по-видимому, до сих пор в ушах уже взрослого человека, который сам уже стал родителем. «Возлюбии ближнего, как себя самого!» – покладистые и радующие помнят о первой части этого указания, забывая о второй. Матери жертвуют всем «ради ребенка». «Я всю себя отдала детям!» – говорит мама (вопрос здесь не только в том, что же остается себе, а в том, откуда будут поступать новые подношения). «Мы сохраняем семью только ради наших детей», – говорят родители, давно уже порвавшие друг с другом душевно и физически, конфликтующие друг с другом, иногда ненавидящие друг друга... Радуют!..

«Покладистые» говорят так: «Как правильно вы сказали! Впрочем, я не уверен!», «Я с такой благодарностью вспоминаю о тех минутах, когда... Но знаете, я думаю, что мы с вами слишком засиделись тогда...» Голос, заметьте, повышается к концу фразы, как бы уступая собеседнику возможность поставить точку. Человек разводит руками, кивает головой. Плечи приподняты и направлены вперед; тело наклонено к собеседнику («я весь ваш»). Часто смотрит на

собеседника из под бровей, опустив лицо немного вниз (представьте себе комиссара Коломбо из известного сериала). Весь вид человека источает приятие собеседника. Всегда ли это оправдано? Действительно ли от этого выигрывают окружающие? Увы, далеко не всегда. А если это и происходит, то радующего удивительным образом забывают. Часто это завершается переживаниями «черной неблагодарности», «несправедливого отношения»...

Самое трудное – это добиться того, чтобы такой человек действительно согласился принять помощь, а не сделал вид, что принимает ее. Если вы скажете «радующему», что он должен заботиться о себе, он согласится (он ведь не хочет вас огорчать!). Если вы намекнете ему, что он может принимать себя и уважать себя самого, он скажет: «Да, вы правы, это ведь так просто! Что же это я сам раньше?..» Вам, может быть, польстит это чувство признательности, но особенно не обманывайтесь. Когда родители соглашаются мгновенно, во мне порой просыпается Станиславский: «Не верю!» Эти родители пришли за помощью, которую они не примут.

Эрик Берн, основатель теории, идеи которого положены в основу этой статьи, специально предостерегал коллег: не попадайтесь на удочку тех, кто слишком быстро соглашается с вами.

Вот почему, отвечая на вопрос: «Почему родители не обращаются к психотерапевту?», я очень надеюсь, что читатели не сразу согласятся со мной. |

«Наш сын ничего не доводит до конца,

у него не хватает терпения. Вернее, упорство и воля у него вроде бы есть, но только, когда занятие ему интересно. Увлекается всем новым, а однообразия не выносит – когда дело доходит до ежедневных тренировок, когда нужно прилагать усилия, он остывает и разочаровывается. Я боюсь, что он так и вырастет, ничему не научившись», – это наиболее частые опасения родителей, у которых очень активные, азартные, общительные, увлекающиеся дети, которые порой не доводят до конца начатое дело.

Как правило, взрослые вспоминают, что сами были такими же по характеру подростками, и родители – бабушки и дедушки современных детей говорили тогда: «Ты вырастешь легковесным человеком, ведь ты ничего не доводишь до конца». Вырастая, они так упорно стремились завершить любое дело, что не могли бросить даже самое безнадежное... И вот теперь, общаясь со своими детьми, они повторяют поведение своих родителей.

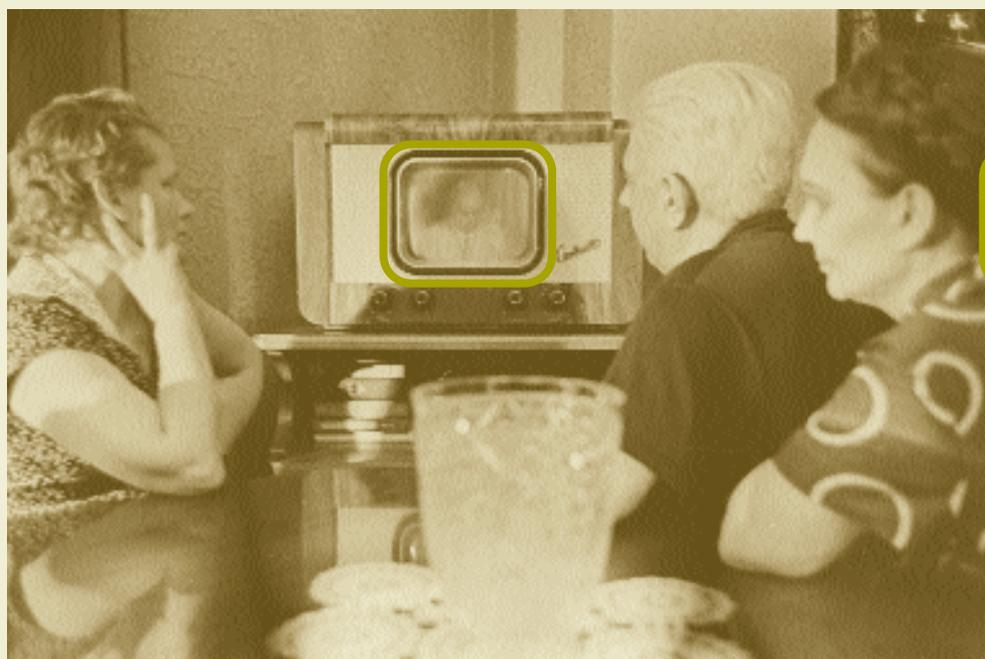
Попробуем эту парадоксальную ситуацию изменить. Всего три шага, но сделать их не всегда легко.

1 Он приходит возбужденный и сообщает, что начинает новое дело: поступает в секцию, записывается на курсы, идет на прослушивание в студию. Он увлечен и взволнован. Вы внимательно выслушиваете его, разделяете с ним радость и оптимистические ожидания и только после этого спрашиваете, как долго, по его мнению, он будет заниматься этим делом. Спрашиваете как бы вскользь, без нажима. Обычно он отвечает: «До конца школы» или «Долго». Вы не сомневаетесь в искренности его намерений и говорите: «Если ты так уверен в этом, для тебя не составит труда заключить со мной договор о том, что два месяца ты тудаходишь» (выберите какой-то реальный срок, но все же больший, чем его обычный период увлеченности). «Договорились? Даешь слово?» Обычный ответ: «Нет проблем!»

2 Подросток приходит с занятий. Он крайне раздражен и громко возмущается: тренер или режиссер, ребята или правила секции, что-то или кто-то его ужасно раздражает. Вы чувствуете, что он готовит плацдарм для того, чтобы сообщить о своем решении бросить заниматься. Внимательно выслушайте его, разберитесь в сути конфликта. Посочувствуйте и все же скажите: «Помнишь, мы с тобой договорились, что ты будешь ходить до конца первой четверти? Осталось всего три недели. Выбери: помучиться немного ради того, чтобы все-таки сдержать слово или бросить секцию сейчас?»

3 Третий шаг – самый важный. Когда срок сдержанного слова истек, устройте тихий небольшой праздник, смысл которого понятен только вам, посвященным. Скажите ему, что вы им гордитесь, четко и понятно опишите, какие положительные результаты он получил, занимаясь в этом кружке или секции, но даже, если результатов нет, предмет вашей гордости – это его воля, умение держать слово и преодолевать трудности. Можно подарить какой-то небольшой подарок, специально для этого случая приготовленный. Возможно, в будущем этот маленький сувенир станет для вашего подростка средством самостоятельного управления своим характером. И символом нормальных отношений с родителями, которые его понимают. |

P.S. Вы, конечно, понимаете, что ваш договор с сыном – без свидетелей. Оставьте ребенку, нарушившему слово, возможность сохранить лицо.

«Для детей нужно писать так же, как для взрослых, только еще лучше», – определил некогда Максим Горький. Формула успеха электронного искусства для детей далеко не так проста. Какими мотивами руководствуются маленькие зрители, выбирая ту или иную телевизионную передачу, мы попробуем понять, проанализировав данные телеметрических исследований института Gallup Media – рейтинги детских и юношеских программ за прошедший год, отразившие зрительские пристрастия двух возрастных категорий: детей шести–деяти лет и подростков от десяти до восемнадцати.

1962 ГОД. ВЫСТУПЛЕНИЕ Н.С. ХРУЩЕВА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ / архив фотоагентства «известия»

Исследования телевизионной аудитории в России осуществляются прежде всего с помощью пиплметровой электронной панели. Этот способ наиболее популярен, оперативен и приближен к мировым стандартам. Пиплметр – прибор, подключаемый к телевизору с согласия его владельца, который фиксирует ежедневный график просмотра программ каждого из членов семьи, перемещение зрителя с канала на канал и длительность просмотра той или иной программы.

Количество детей младшего школьного возраста, входящих в анализируемую выборку, – сто шестьдесят, подростков – около четырехсот пятидесяти человек. Это примерно половина учеников обычной средней школы. Цифра явно не достаточная для того, чтобы судить о зрительских приоритетах многомиллионной аудитории мальчишек и девчонок. Однако социологи полагают, что системный анализ телевизионных предпочтений даже шестисот детей позволяет говорить о репрезентативности исследований.

Есть еще один существенный недостаток: потенциальные зрители – дети до пяти лет – вообще не включены в число исследуемых возрастных групп. Считается, что малыши не самостоятельно выбирают передачу. И становится понятным, почему программы **«Спокойной ночи, малыши!»**, **«Улица Сезам»**, **«Чудо-сказка»**, ориентированные на дошкольников, теряют реальные позиции в рейтингах. **«Улица Сезам»** занимает только десятую строчку в таблице телевизионных симпатий детей шести–девяти лет – навивно думать, что для третьеклассников, начинающих постигать азы алгебры, может быть интересен веселый счет, азбука или приключения Зелибобы.

С другой стороны, **«Спокойной ночи, малыши!»** на четвертом месте в десятке самых «смотрибельных» передач подростковой аудитории до восемнадцати лет включительно. Эта программа вообще удивительно неправдоподобно смотрится в списке самых популярных проектов в подростковой среде: привычки десятилетнего, отправляющегося спать с благословения кукольных персонажей, вместо того чтобы играть в компьютерные игры, должны вызывать недоумение прежде всего у его родителей. Детский консерватизм в отношении к этой программе – порождение консерватизма родительского. Передача, на протяжении долгих лет сохранявшая монополию в жанре

«сказки на ночь», не только связующее звено поколений, это – олицетворение телевизионной ритуальности. Усаживать чад к экранам в 20.00, а затем в 20.45 считалось такой же обязательной процедурой, как штудирование молодыми мамами рецептов доктора Спока. В определенном смысле ценность этой программы – в универсальности персонажей и житейских моделей. Это разговор непосредственно с ребенком, для него. Картинка мира для ребенка моделируется на примерах: что скажет мама, как рассердится папа. В течение многих лет характеры героев **«Спокойной ночи, малыши!»** выкристаллизовались и приобрели яркие индивидуальные черты: ребенок в различных ситуациях отождествляет себя с робким Степашкой, находчивым и эгоистичным Хрюшей, правильным Филей или мудрой Каркушей и таким образом познает себя и окружающих.

Таблица рейтингов показывает полную монополию ОРТ в «детском эфире». Детской и подростковой тематике из 16 часов вещания в среднем отдано 2 часа 15 минут (для сравнения: на РТР – 1 час 15 минут, на НТВ – 35 минут, на «Культуре» – 1 час 30 минут, на ТВЦ – 1 час 20 минут). Пассивность большинства каналов в отношении детского вещания имеет чисто коммерческую подоплеку: детские программы неудобны для размещения рекламы (по Закону «О рекламе» детские передачи не могут прерываться рекламными блоками). ОРТ между тем нашло весьма оригинальный выход из ситуации, сгруппировав детские и молодежные программы (небольшие по формату) в единый блок в дневном эфире с 14.20 до 16.45. Сиеста – провальное время для популярных или новых проектов и оптимальное для детских: школьники, возвращаясь из школы, как известно, незамедлительно за уроки не садятся.

Детская десятка ОРТ интересна и тем, что не столько отражает зрительские предпочтения, сколько иллюстрирует многообразие жанровых подходов к детской теме. Каждый из проектов – от **«Дисней-клуба»** до **«Улицы Сезам»** – фаворит в своей категории: мультипликационных, познавательных, спортивных, интеллектуальных подходов к выражению детских чаяний.

«Дисней-клуб новости» – пропуск в заветную американскую мечту в детской трактовке этого понятия, это эмо-

ции, ожившие на бумаге и завернутые в яркую обертку красок и невероятных сюжетов. Почему так притягательны «Утиные истории», «Чип и Дейл», «Черный плащ», «Русалочка» или «Алладин»? Не только потому, что проникли в Союз почти одновременно с поднятием «железного занавеса». Мультсериалы Диснея наделены жизнеутверждающей динамикой и философией. Они несут ту созидательную и напористую энергию, которая, как оказывается, управляет личностью в современном обществе и которой так не хватает отечественной анимации. Взрослые ругают американские мультяшки – они коммерциализированы, жестоки и поверхностны. В отечественной же анимации всегда читалась глубина, и недосказанность – второй план. Как будто мультфильмы снимались для детей и взрослых одновременно.

Юмор – такое же не поддающееся анализу явление, как любовь или страсть. Детский юмор – тем более. Ребенок – существо антиироничное, он выдает замечания, ремарки и комментарии об окружающих его явлениях предельно сосредоточенно и серьезно. Родителей это веселит, но что смешит детей? Анекдоты, подобные этому. Едут в одном вагоне две старушки, одна другую спрашивает: «Куда едешь-то?» «Я-то, –

говорит она, – из Харькова». «А я, – говорит другая, – в Харьков». Мини-смехопанорама для мини-петросянов, «Детские анекдоты», третья строка в рейтинге передач.

Потребность в эмоциях компенсируют мультики, потребность в спокойном разговоре – сказка на ночь, ну а склонность к шумному веселью может быть реализована в сценках, разыгрываемых сверстниками. Для повзрослевших школьников «Ералаш» – такое же ностальгическое воспоминание, как булочка за три копейки или лимонад «Буратино» для родителей. Наши дети будут ностальгировать иными ассоциациями – может, кулебяками с грибами из «Русского бистро» и лимонадом «Айрн-брю»... Но «Ералаш» в их памяти все равно останется.

Мобильность – главное качество ребенка, которое и отличает детей от взрослых. Передачи «Зов джунглей» и «Царь горы» прямое свидетельство тому, что инициатива, выдержка, находчивость и отвага телевидением только приветствуются. «Царь горы» – новичок в эфире, однако за несколько месяцев эта программа снискала успех благодаря грамотному построению состязания, динамичности, непредсказуемости результата и индивидуальному принципу соревнования. В отличие от своих конкурентов в

Десять самых популярных телепередач среди детей от 6 до 9 лет

Программа	Средний рейтинг
1. Дисней-клуб новости (ОРТ)	13,29
2. Спокойной ночи, малыши! (ОРТ)	10,86
3. Детские анекдоты (ОРТ)	6,77
4. Ералаш (ТВ-6, ОРТ)	6,63
5. Царь горы (ОРТ)	5,83
6. Зов джунглей (ОРТ)	5,52
7. Звездный час (ОРТ)	5,46
8. 100% (ОРТ)	5,39
9. Вкусные истории (ОРТ)	5,07
10. Улица Сезам (НТВ, ОРТ)	5,05

Десять самых популярных детских телепередач среди подростков от 10 до 18 лет

Программа	Средний рейтинг
1. Дисней-клуб новости (ОРТ)	8,17
2. Ералаш (ОРТ)	6,06
3. Царь горы (ОРТ)	4,74
4. Спокойной ночи, малыши! (ОРТ)	4,71
5. Звездный час (ОРТ)	4,12
6. Здравствуй, театр «Ералаш». 25 лет журналу «Ералаш» (ОРТ)	3,7
7. Детские анекдоты (ОРТ)	3,62
8. До шестнадцати и старше (ОРТ)	3,5
9. Вкусные истории (ОРТ)	3,38
10. 100% (ОРТ)	3,31

категории «активных» шоу: «Зов джунглей», «Мама, папа, я – спортивная семья» (РТР) или «Star-старт» (ТВ-6), которые не попали в рейтинг, – детский аналог гладиаторских боев «Царь горы» построен на борьбе личностей, индивидуальность которых читается как по вымышленным именам, так и по манере поведения в экстремальных ситуациях. Авторы программы сократили отрицательные зрительские эмоции, возможные в ситуациях, когда один игрок способен подвести целую команду, до нуля. Ставьте на фаворита – не ошибетесь.

«Звездный час» – один из ярких представителей «интеллектуального марафона», в котором победа – самоутверждение ума, а стимуляторы в виде подарков дополняются великой миссией – обращением к миру со своей сокровенной мечтой, как правило, нематериального характера. Существенный недостаток: тренинг интеллекта идет в области словесных шарад и ребусов. Гораздо полезнее (не для участника – для зрителя) совершенствоваться параллельно с героем в какой-то одной заданной теме, как делают, например, передачи «Умники и умницы» (ОРТ) или «Полудра» (НТВ). Первая препарировывает исторические эпохи, разбирая по деталям этикет, политический строй, язык, литературу, изобразительное искусство, вторая – историю великих морских баталий и нюансы пиратского жаргона.

100%. Процентный эквивалент к этому проекту не имеет никакого отношения. 100% – восьмое место в рейтинге – представляет собой сцену, которую могли бы застать родители, вернувшиеся в разгар дня рождения семилетнего сына. Танцы, шутки, кавардак. Очень красочно, убедительно весело и уж как-то «по-взрослому» детско. Детское музыкальное шоу, в котором приглашенные знаменитости, дяди и тети, повествуют о своих детских ощущениях. Не детально, типа: «помню, что было радостно на душе».

Неординарный гастрономический проект «Вкусные истории» – девятое место в рейтинге – нечто среднее между пособием для начинающих кулинаров и экскурсом для малышей в мир пищи. Прораб Великого Застолья Ананас-забугорный командует помидорной армией, которая по его приказу превращается в фаршированные томаты, а влюбленные друг в друга Брынза и Грецкий Орех погибают в мясорубке, навеки соединившись в изысканном блюде. Ребенок, воодушевленный веселыми приключениями аппетитных актеров, с удовольствием съест рекомендуемое блюдо в мамином исполнении.

Замыкает десятку лучших «Улица Сезам» – адаптированное к России американское образовательное шоу с элементами игры. Большой пакет западного видеоматериала: от мультфильмов до социальных роликов – делает «Улицу Сезам» эклектичной и насыщенной программой. Ребенок познает действительность во всем ее многообразии, не заикливаясь на приключениях Кубика, Бусинки и Зелибобы.

Телевизионные вкусы подростков десяти–восемнадцати лет на удивление схожи со вкусами их младших коллег. Некоторые программы перепрыгнули в соседнюю строчку, но диспозиция осталась прежней. Единственной новой передачей, потеснившей в первой «подростковой» десятке «Улицу Сезам», оказался непопулярный проект «До 16 и старше».

Концепция молодежных программ на отечественном телевидении укладывается в одну до оскомины заученную фразу: «это попытка говорить с молодежью на ее языке». Долгожитель ОРТ «До 16 и старше...» и почтенная уже «Башня» с РТР пытаются привлечь юношество марафетом, который они

Художественные фильмы

1. Красотка (ОРТ)	18,55
2. Дорогая, я уменьшил детей (ОРТ)	18,23
3. Инопланетянин (ОРТ)	17,76
4. Дорогая, я увеличил детей (ОРТ)	17,32
5. На расстоянии удара (ОРТ)	17,12

Новости

Вручение премии «Оскар 99» (ОРТ)	6,44
Авторская программа Сергея Доренко (ОРТ)	6,3
Военный парад, посвященный Дню Победы (ОРТ)	5,31
100-пудовый хит от ХИТ FM Церемония вручения премии (ОРТ)	5,22
Время с Сергеем Доренко (ОРТ)	4,66

наводят на свою «картинку». Камере предписано «плавать», ракурсу – меняться, как в клише. Ведущие должны зваться Маша или Даша и держаться бодрячком. Их назначение – заполнять пустоты между сюжетами, в которых доходчиво объясняется, как помириться с де-вушкой и правильно одевать акваланг.

Образ молодого человека – идеально неформальный подросток, который красит голову в синий цвет, любит спорт, секс, интересуется модой, ходит на дискотеки пока не женится (не выйдет замуж), смотрит сериалы и футбол, игнорирует новости и не интересуется политикой.

Не найдя ожидаемой картины в таблице данных по детским программам, мы решили выяснить, что же вообще смотрели подростки на телевидении за минувший год. Симпатии молодежи к «Красотке» и «Инопланетянину» вполне закономерны, очевиден логичный интерес к тому, что произошло с несчастными детьми, когда их уменьшили, а затем увеличили, и даже преклонение перед творчеством Филиппа Киркорова, Аллы Пугачевой и Игоря Николаева – в глубинке довольно частое явление (генеральная совокупность нашего исследования – города с населением от 400 тысяч человек). Но все же наибольший интерес вызывают рейтинги новостных программ. Молодежь, которая, очевидно, великолепно разбирается в киноискусстве США, знает наперечет всех восходящих и уходящих в небытие кумиров (иначе зачем бы смотреть церемонию награждения «Оскар»?), в свободное от фанатических безумств время интересуется политикой! Причем предпочитает исключительно Доренко в различных его ипостасях: как ведущего «Времени» и собственной аналитической программы. Впрочем, у Сергея Доренко с подростками много общего: то же тотальное отрицание авторитетов, невинные шутки, вроде пририсовывания рожек на фотографиях или видеомонтажа, юношеский задор и максимализм – настоящий кумир поколения next. По мощи к Доренко может приблизиться только милитарист-ское шоу на Красной площади в честь Дня Победы, такое далекое от парада «детей цветов».

Телеметрия – вещь безжалостная, стоящая на стыке двойного преломления вектора «телевидение – зритель». Телевидение – затея для большинства, вкусы которого определяет социологически активное меньшинство, а о его вкусах мы уже составили представление. |

Я никогда не подразделяла людей на мужчин, женщин и детей. Хотя это довольно расхоже и популярно. Мне всегда представлялось, что человек настолько ценное самое по себе зерно в природе, что неважно, в каком он состоянии, какие у него выпуклости на теле, длина волос, молочные зубы или взрослые коренные.

Другое дело – натура человека. Я всегда обращала внимание: есть ли живость в глазах, есть ли собственное обличье улыбки, есть ли пресловутый контакт. Мне кажется, что все, связанное с проблемами педагогики, – из области контакта человека побольше с человеком поменьше. Если человек побольше широк, глубок и образован, он не будет ставить маленького человека на отдельную ступень развития, оценивать его как недоразвитого. Снисходительное отношение дети вызывают все-таки у банально-го, несколько ограниченного человека.

Нельзя смотреть сверху вниз. Мне всегда казалось, что можно и с двух- и с четырехлетним общаться как с взрослыми. Мои дети в этом духе и воспитывались. В уйме наилучших книжек, связанных с детьми, просто книжек «так сказать для детей», я всегда находила подтверждение своим исканиям. Мне кажется, если взять ребенка за руку и жить его интересами, попросту говоря любить его, то это и будет высшая педагогика.

Кстати, ребенок хотя бы в силу своей незащищенности выше и могучей зрелого человека. Поэтому его частенько как заложника ведут перед собой в будущее.

И еще: в душе любого культурного человека сохраняется детскость. Так, например, одно из замечательных приобретений детства – способность удивляться прелестям этого мира – остается у многих людей до конца их дней. |

М

нение, что ребенок – чистая доска, на которой можно все написать, старое и спорное. Или бесспорно неправильное, если верить **Юнгу**, который говорил, что психическая структура ребенка в своем подсознательном состоянии –

Мы всегда как бы сочувствуем им, когда узнаем, что вот эту книжку они не читали, вот этот фильм им не нравится, вот об этом они ничего не знают.

все что угодно, только не *tabula rasa*. Тем не менее очень распространенное. Даже мой любимый **Людвиг Ашкенази** в одном из своих рассказов писал: «...Дети, дружище, – все равно что воск. Что из них выле-

И тут же хотим восполнить пробелы.

пишь, то и получится. Орел или пресмыкающееся. Только рука должна быть нежной и твердой». Должен напомнить, что как раз доска, натертая

А И М Э Т О Н У Ж Н О ?

воском (одна из распространенных детских шалостей), непригодна для письма. И вообще,

Наверное, не обязательно учить детей на культурных эталонах своего времени. Достаточно более или менее

кажется, что оптимистическое утверждение о всесильности воспитания есть плод очень

с ними ознакомить. Важно другое: заинтересовать

самонадеянности. Иногда источником становится личный

поисками современных культурных образцов,

воспитание, сколько судьба. Воспитание же не меняет сути

чтобы вовсе не оказались вне культуры.

человека, не гарантирует результата, хотя ни для кого и не проходит бесследно. Воспи-

Есть, собственно, два источника познания: свой опыт и

тание – это кому как повезет: хорошее помещает оскотиниться, дурное – стать челове-

чужой. Один, хоть и окажется бесценным, но

ком. Воспитание обитает между природой и судьбой, живет само по себе и олицетворенное

исчерпаем в течение одной жизни. Другой, – как говорил

в учителе. Не самое важное дело в жизни, но без которого не получается обойтись.

Иосиф Бродский, – «перемещается в пространстве со скоростью

переворачиваемой страницы»,

У того же **Людвига Ашкенази** есть рассказик, как па-

па решил воспитывать сына по-современному – методом убеждения. После разбитого оконного

но неиссякаем. Один во многом закрыт для

стекла во дворе он воспользовался не традиционным брючным ремнем, а повел с сыном

постороннего пользования.

воспитательную беседу. Через некоторое время сын не выдержал: «Папа... В чем дело? Чего ты хо-

Другой – открыт

чешь? Папа, уж лучше дай мне сегодня подзатыльник, а то, понимаешь, я ужасно тороплюсь: мы

круглую вечность.

играем в гараж...» Понятно теперь, что метод убеждения имеет свои теневые стороны.

Только читайте...

Проповедь – излюбленный учительский жанр. Вообще «дедуктивное» воспитание, когда ученику объясняют общие истины, которыми он должен руководствоваться, наиболее распространенное и малоэффективное. Напротив, «индуктивное» воспитание, то есть фиксация внимания ученика на конкретных частностях, – трудоемкий процесс, требующий терпения, но наиболее результативный.

Вот и Магистр музыки в «Игре в бисер» Германа Гессе признается, что не сказал своим ученикам ни слова о смысле музыки, но старался, чтобы ученики хорошо считали восьмые и шестнадцатые. «Будешь ли ты учителем... благоговей перед «смыслом», но не думай, что его можно преподавать» – так учил он своего любимого ученика **Иозефа Кнехта**.

Есть две категории учителей: одни, как «мокрецы» из «Гадких лебедей» Стругацких, тащат детей из их «плохого мира», уверенные, что таким образом их спасают. Другие – приходят в их мир, чтобы облегчить им жизнь там, научить нехитрым премудростям, несложным приемам, некоторым полезным навыкам. Первые берут на себя роль судьбы, вторые, как тот же **Иозеф Кнехт**, служат.

Мне больше по душе «гувернеры», чем «конквистадоры», уверенные, что как посланцы совершенного мира они несут цивилизацию туземцам.

Мальчик лет одиннадцати зашел в кабинет отца и, оказавшись один в этом возбуждающем воображение и любопытство пространстве, не удержался от соблазна тщательно его обследовать. В небольшой шкатулке он обнаружил связку винных ягод в сахарной пудре. Попробовал и несколько инжирин взял с собой. Зачем он это сделал, и сам толком не знал. Наверное, съеденные и взятые с собой винные ягоды были своеобразной компенсацией за страх посещения этого святилища.

Весь день он ждал раскрытия своей тайны и разговора с отцом. Вскоре его охватил ужас и стыд оттого, что он украл. Он хотел сразу бежать к отцу и во всем признаться. Но не сделал этого и все время провел в переживаниях и раскаянии.

На следующий день, в воскресенье, все как бы притупилось, стало забываться, но тут в его комнату зашел отец. Он обнаружил несколько винных ягод и спросил, откуда они.

И мальчик сразу начал... врать. Отец продолжал допрос. Мальчик окончательно заврался, загнал себя в тупик и после этого признался. И был наказан. Вечером по инициативе отца они помирились.

«Я лег в постель с уверенностью, что он меня целиком и полностью простил, – полнее, чем я его». Так заканчивается рассказ **Гессе «Душа ребенка»**.

Душа ребенка... Это не просто «потемки», а другая, отличная от взрослой, конструкция, для них – «устаревшая модель»: нужно хорошенько напрячь свою память, чтобы вспомнить, как она была устроена у тебя самого, если хочешь действительно разобраться и понять ее.

Мальчик уже столько пережил, столько раз признавался и раскаивался, что надеялся на снисхождение отца – наказание без унижения. Но ведь взрослые боятся, что подобная «мягкость» приведет к рецидиву, и пытаются растолковать ребенку его «преступление». А он почему-то неадекватно реагирует: врет, грубит, упрямится... В конце концов вы прощаете его. А он вас? Он не может простить вам несострадание к его беде, невеликодушие к его слабости. Неуклюжесть вашего воспитания, непонимание его детской души.

«Вырастание – отчуждение, – писал **Василий Розанов**, – и именно от родителей. Дети – сучья на стволе: но разве сук с каждым днем не отделяется от ствола – своим «зеленым», своим «кончиком», прикасаясь к стволу только безумным основанием. В этом «зеленом» и в «кончике», в листочках сука – его мысль, сердце, душа. Так же и люди, дети, так – в семье. Судьба. Рок. Плачь не плачь – а не переменишь». И все-таки, как ни парадоксально, родители более психологически подготовлены к моменту расставания, чем некоторые учителя. Родители хотят поскорее, пока еще есть силы, помочь детям обрести самостоятельность, чтобы успеть немного пожить для себя. И еще родители хотят дождаться успеха своих детей, чтобы спокойно встретить старость под их опекой.

Учителя же хотят все время заботиться о детях сами. Ибо в этом для многих из них заключен смысл жизни. И вольно или не вольно они не хотят, чтобы их ученики выросли. Наверное, тут и боязнь потерять свою востребованность, свою власть над ними, и страх, что вместо благодарности их ждет забвение и одиночество.

На родительский вопрос – баловать детей или держать в строгости? – разные люди отвечают по-разному. В русской традиции особенных поблажек детям не предусматривалось. По-своему, оригинально решал его **Владимир Набоков**. В автобиографическом романе «**Другие берега**» он, как бы невзначай, буквально в скобках, но с восклицательным знаком в конце замечает: «Балуйте детей побольше, господа, вы не знаете, что их ждет!»

В учительстве, если не понимать его в строго обучающем значении, есть некая иррациональность, хаос страстей. А вот сама педагогика, наоборот, рациональна и упорядочена. Получается, что с детьми общаются, условно говоря, учителя и педагоги, то есть прообразы двух стихий. С одной стороны, яркие холерики и невротики, романтики и идеалисты, проповедники, порой приносящие себя в жертву своей пастве, порой пожирающие ее. С другой – умные и не очень, малоприметные, но полезные тети и дяди, вызывающие то благодарность, то равнодушие, а то и раздражение.

Учителя переживают на протяжении всего процесса общения. Педагоги трезво оценивают свою работу по результатам. Учителя никогда не будут удовлетворены. Педагоги никогда не будут счастливы. Учителя, как яркие кометы, завораживают, но и предвещают об опасности. Педагоги добросовестно трудятся, хотя порой вызывают откровенную скуку. Учителя взрываются изнутри. Педагоги умиряют от старости. Учителя могут реинкарнироваться в педагогов. Педагоги никогда не станут учителями.

В учительском деле во много раз больше интуиции и импровизации, чем ремесла и технологий. Они редко афишируют свои услуги: «учу смелости», или «обучаю искусству быть благодарным», или «делюсь добротой, оказываю уважение, предлагаю заботу». Учительская стезя – удел немногих.

Символично замечание **Карла Густава Юнга**, что «многие призваны, но немногие избраны».

Основных учительских иллюзий несколько: выдавать желаемое за действительное; предполагать, что все – от воспитания; видеть иногда в зеркале нимб над собственной головой и верить, что все знаешь о детях.

Они маленькие, мы ученые. Нам кажется, что знаем, о чем они думают, когда, вместо того чтобы послушать нас, они смотрят в окно. Мы побыли у них дома, съездили вместе в поездку, как-то поговорили по душам и уверены, что знаем всю их подноготную. Прослушали курс лекций, прочитали несколько книг по психологии и предполагаем, что видим их насквозь, читаем без словаря, просчитываем без калькулятора.

Увы, душа ребенка – такие же сумерки, и никакой наш опыт и проницательность их сразу не озарят. Так что лучше быть осторожными и неуверенными.

Думается, прав был тот же **Корчак**, когда говорил: «Мы их не знаем».

Многие учителя, придавая чрезмерное значение своей роли в жизни детей, любят произносить слово «Учитель» как бы с большой буквы. Другие, наоборот, склонны рассматривать свою работу как будничное, служилое дело. В то время как они спорят, в чем существо их профессии, расставляя акценты кто на жреческое воспитание или мессианство, кто на профессиональное ремесленничество, кто на служение, один из главных героев повести **Гессе «Нарцисс и Гольдмунд»** так определил смысл своего учительства, объединив в единую формулу и главную цель, и основное средство: «...Властвовать, чтобы служить».

Питер Брук говорил, что самый высокий тип любовных отношений – это отношения учителя и ученика. Роман этот, правда, по последствиям не одинаков. Разница в том, что учитель по определению любвеобилен, а ученик, как правило, однолюб. А еще есть противоположения и побочные явления. Например, **Корчак** предупреждал: «Если ребенок полюбил тебя глубокой, всегда одинаково бескорыстной любовью, пропиши ему водные процедуры или даже немного брома». Не менее важное замечание сделал **Иосиф Бродский**, который говорил, что меняет нас, конечно, то, что мы любим, но иногда даже до «потери собственной индивидуальности».

На самом деле родственные отношения, которые возникают между учителем и учеником, не превращаются в педагогическую модель, да из нее они и не произрастают. Родственные отношения возникают сами по себе, индивидуально, органично, на основе долгого общения, привязан-

ности и, в конце концов, глубокого взаимного чувства. Это редкая, высшая, счастливая форма человеческих отношений, отнюдь не являющаяся педагогической целью.

«**Ч**то такое любовь? Это потребность выйти за пределы себя», – писал в своих «Дневниках» **Бодлер**. Любовь – это желание заботиться и желание обладать. Это чувство привязанности – хозяйское и преданное. Любовь – это счастливое беспокойство. Думается, истинная педагогика больше похожа на платоническую, бескорыстную любовь. На практике же все слишком по-людски.

Как отличить настоящий камень от пластмассовой подделки? Подержите камень в руке, и к нему перейдет тепло ваших рук. Пластмасса, сколько в руке ее ни держи, останется холодной. Если учитель любит в детях только учеников, значит, на самом деле он не любит никого и ничего, кроме своего учительства. Кстати, бывают еще учителя, самовлюбленные в детей.

Одним из самых больших комплиментов от бывших учеников, которые слышал, были слова о том, что я всегда думал о них, как им казалось, намного лучше, чем было на самом деле, и им, вольно или невольно, приходилось соответствовать образу. Вопрос о том, что в первую очередь человек видит в другом – черноточинку или изюминку – особенно важен для педагогики. Не случайно **Марина Цветаева** называла **Максимилиана Волошина** «настоящим просветителем и гениальным окулистом». Зло, для него было, как бельмо, под ним же – добро.

Представьте очень типичную ситуацию: вы объясняете что-либо своему ученику, например, что правду говорить выгодно, и потом долго и упорно это доказываете. Ваш ученик тратит много сил на то, чтобы удостовериться, что вы правы. И тут-то вы объявляете, что все, мол, что говорили до того, ерунда, потому что на самом деле говорить правду – признак невоспитанности, правда ранит, и с ней надо обращаться осторожно. То, что думает в этот момент ваш ученик, может выглядеть приблизительно так, как пишет **Томас Манн** в «Обменных головах»: «Надо сказать, что вы, умники, немало затрудняете жизнь нашему брату. Не успеешь подумать,

что самое важное – набраться разума, уже узнаешь, что все дело в том, чтобы снова стать глупцом. Лучше бы вы не показывали нам этой новой, более высокой ступени, чтобы не отнять у нас смелости взобраться на предыдущую».

«**О**н хороший парень, но не из моего курятника», – высказался об однокласснике один из учеников. Я его понимаю: он хороший, но не «свой».

Мы чувствуем «своего» почти так же, как **Дункан Маклауд** кого-либо из других «бессмертных». Вообще-то интереснейшая и загадочная процедура – поиск своего ученика и поиск своего учителя. У **Курта Воннегута** группа «своих» называется «карасс». Карасс – не каста. Он всегда открыт для других. В него можно войти, посмотреть, если понравится – остаться. Никакого масонского посвящения. Никакой отличительной значимости. Никакой ограничительной значимости. Никаких ограничений по происхождению или образованию. Просто нужно очень захотеть остаться. Почувствовать: да, именно здесь, с этими людьми мне хорошо и интересно.

Вот, кстати, почему: сколько бы ни пытались заставить ученика ходить в театр, смотреть нужные фильмы, выглядеть и разговаривать сообразно вашему вкусу и стилю – ничего не произойдет, пока он не почувствует, что хочет всего этого сам. Вот почему, совершив трюки высшего педагогического пилотажа и даже насильно изменив среду обитания, вы не добьетесь результата. Ваш ученик будет чужой среди «своих». И изменить что-либо не в ваших силах.

«**П**омогать другим есть привилегия», – писал индийский мыслитель **Вивикананда**. К изгнавшей его стае вернулся **Чайка** по имени **Джонатан Ливингстон**, неся с собой новое знание и новые перспективы. С высот Кастилии спустился Великий Магистр игры в бисер **Иозеф Кнехт**, чтобы воспитывать в миру единственного юношу, сына своего старого друга. Тот же **Розанов** замечал, что «к старости начинает томить неправильная жизнь: и не в смысле, что «мало наслаждался»... но что не сделал должного».

Именно в передаче знаний, в просвещении и воспитании многие великие видели главный для себя смысл на исходе жизни.

/анатолий берштейн

Эшборнский психологический Центр (Лондон)

ТРЕНИНГ

и Центр социально-психологической

ЖИЗНЕННОЙ

адаптации «Генезис» (Москва) предлагают

ЭФФЕКТИВНОСТИ

Training & Support

Программа рассчитана на два года: восемь интенсивных сессий по три дня один раз в три месяца в режиме тренинга; специальная система заданий и проектов между сессиями.

Начало программы 25 апреля 2000 года в Москве

Программу ведут: Фрида Шарп, директор Эшборнского Центра, гештальт-терапевт.
Софья Луцковская, руководитель консультативного отдела ЦСПА «Генезис»,
психолог, тренер по программе «Тренинг жизненной эффективности»

В программу включена отработка навыков, которые позволяют поддерживать контакт с самим собой и с окружающими людьми

Участникам тренинга выдаются совместные сертификаты
Эшборнского Центра и ЦСПА «Генезис»

Количество мест в группе ограничено.

Запись на собеседование по телефонам:

(095) 203-0407

203-0209

Директор Центра Фрида Шарп разработала в Англии и апробировала в России программу «Тренинг жизненной эффективности» («Training & Support»). В России программа успешно проводится с 1992 года. В 1995 году в Кембридже на V конференции по гештальт-терапии Фрида Шарп сделала доклад о результатах работы в России.

При не очень внимательном взгляде на российскую часть Интернета может показаться, что проблемы «отцов и детей» в ней нет – по причине полного отсутствия в ней последних. Ибо сайты «про детей» не заполняют собой рекламные сети Интернет, не побеждают в конкурсах на лучший дизайн, не упоминаются в статьях Web-обозревателей, не завоевывают высоких мест в рейтингах посещаемости. В общем, их положение можно определить модным ныне словом – «немодны».

Однако сайты «про детей» есть, и не в таком уж малом количестве. Например, в классическом, можно сказать, Интернет-каталоге Rambler (www.rambler.ru) существует даже раздел соответствующего названия, в котором числятся около двухсот сорока ресурсов. Заходят на них, правда, в среднем треть-четверть процента дневной аудитории Интернета.

Наиболее популярные (по версии Rambler) сайты этого раздела посвящены малым детям. На них продвинутые в техническом отношении мамы и папы получают консультации (когда от профессионалов, когда от более опытных «коллег»), обсуждают вред и пользу памперсов, проблемы раннего воспитания, социальной адаптации (в детском саду) и другие вечные темы. Иногда пропагандируется детское творчество – устное и изобразительное (естественно, в пределах одного абзаца или даже одной статьи разумного размера точной картины не дать, поэтому прошу прощения, если кого обидел). Интернет при этом играет роль лишь средства общения. Вроде телефона или классной комнаты на родительском собрании.

Упомянувшийся перекокс популярности в пользу «малых сих» вполне понятен: средний пользователь российской Сети весьма молод – по данным социологов ему лет тридцать, а посему и дети у него младше школьного возраста. Соответственно, можно ожидать, что лет через пять расплодятся Интернет-форумы, посвященные проблемам общения с подростком дитем, первым сигаретам... Думаю, что перед педагогами, психологами и родителями должны встать во весь свой немалый рост и вопросы: «Что делает подросток в Сети?» и «Что делает Сеть с подростком?».

Пока же Интернет как полноценный фактор, влияющий на развитие личности любого возраста, практически не изучается, возможно, в силу малой его распрос-

траненности за пределами двух. В общегражданских изданиях на эту тему можно встретить или неумеренный восторг по поводу «новых невиданных возможностей развития», или, наоборот, ужасные истории о том, как «личность», воспользовавшись упомянутыми возможностями, развивается куда-то не туда.

Действительность же, как принято говорить, «и проще, и сложнее одновременно». В Интернете действительно много того, от чего родители и педагоги постарались бы огрывать вверенное им чадо. Это и сайты «сомнительного» (хотя на самом деле – вполне несомненного) содержания, и пожирающие огромное количество времени «чаты», место общения в реальном времени пользователей Интернетом, и интерактивные игры (занятие само по себе непредвзятое, но весьма малополезное для глаз и осанки). С другой стороны, при желании во Всемирной Сети действительно можно найти массу полезной информации на любую тему, пообщаться с обитателем другого полушария, а заодно и усовершенствовать познания в разговорном английском... Конечно, Интернет – это и очень популярное ныне средство ухода от реальности, и не только среди детей, но все-таки куда менее радикальное, нежели портвейн или клей «Момент».

В общем, чуда в очередной раз не будет. Будет еще один фактор, влияющий на жизнь. Что-то «отбирающий» от чтения книг, что-то – от телевизора, что-то – от подвалов и подъездов. Который пока никто не рассматривает всерьез – то есть без впадения в неумеренные эмоции. |

Если ваш ребенок «вхож» в Интернет, посоветуйте ему заглянуть...

www.list.ru/catalog/10926.html – каталог ресурсов о детях и для детей.

www.uic.ssu.samara.ru/~nauka/

www.eidos.techno.ru

uchcom.botik.ru – сайты для «серьезных» школьников.

www.child.ru – страничка для «компьютерно-

продвинутых» детей, а здесь – school-sector.relarn.ru –

интересно всем юным пользователям.

Club'OK BBS – здесь можно общаться:

clen.child.ru/phil/clubokindex.htm

Тоже интересная страничка:

kindergarden.ykt.ru/

wrinkles.jpg / автор неизвестен. снимок кем-то прислан в редакцию по электронной почте

Равен Джон

*Педагогическое тестирование:
проблемы, заблуждения, перспективы*
М., 1999

В оригинале название книги Джона Равена звучит резко: педагогическое тестирование автор называет «Трагическая иллюзия» (Tragic illusion: Educational testing). Основной пафос книги – критика существующих подходов к оценке достижений учеников, эффективности учебных программ и деятельности учителей. Прежде всего, сомнению подвергается лежащая в основе традиционного процесса оценивания психометрическая модель, описывающая важнейшие психологические факторы и качества человека. В связи с этим Джон Равен анализирует применяемые в рамках этой парадигмы методы педагогического оценивания, в том числе и тесты способностей.

Пикантность ситуации придает то, что имя Равена широко известно во всем мире и в России прежде всего в связи с «Прогрессивными Матрицами Равена» – тестом интеллектуальных способностей, существующим в неизменном виде более пятидесяти лет. Автор книги – сын разработчика этого

теста Дж.К.Равена, известного британского психолога.

Вопрос, однако, не в самих тестах, а в том, какие выводы можно сделать на их основе, достаточно ли они конструктивны. Вывод, который делает Дж.Равен, неутешителен: большинство оценочных процедур в лучшем случае способны диагностировать лишь уровень развития элементарных учебных навыков. Он считает, что нужно оценивать не просто навыки или качества личности, а то, как они проявляются в деятельности, не только учебной, а прежде всего в той, которая интересна, значима и ценна для учеников. В центре такого подхода понятие компетентности – набора качеств (когнитивных, волевых и аффективных), необходимых для выполнения разных аспектов деятельности и обеспечивающих личный вклад в достижение коллективной цели. (Социально значимые цели, по мнению Дж.Равена, не могут быть достигнуты отдельным человеком, они всегда плод совместного труда.)

Значительная часть этой небольшой, но талантливой книги посвящена анализу решения поставленных проблем. Без сомнения, вдумчивый читатель, интересующийся педагогикой, найдет для себя в этой книге много неожиданного, много того, что заставит его по-новому взглянуть на традиционную практическую педагогику. Эта книга не будет легким чтением и для профессионалов, педагогов и психологов, занимающихся проблемами психодиагностики и оценивания. Хотя основные ее идеи хорошо согласуются со здравым смыслом, и не только британским. |

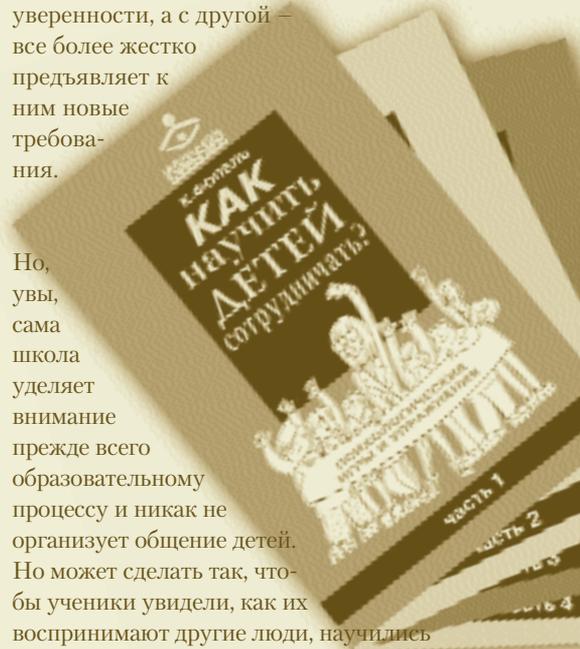
/виктор белопольский

Фонель Клаус

*Серия книг
«Как научить детей сотрудничать?»*
М., 1999

Говоря о кризисе российской школы, многие имеют в виду прежде всего бедственное положение учителя, но сами учителя считают, что не только им, но и детям сейчас приходится тяжелее, чем раньше. Они отмечают, что изменилось все: и дети, и родители, и отношения внутри семьи и внутри школы. Вообще современные люди, и дети в том числе, общаются все более формально, общение все чаще заменяют суррогаты – совместное сидение перед телевизором или компьютером. Массовая культура становится все более агрессивной, а общество, с одной стороны, дает людям все меньше уверенности, а с другой – все более жестко предъявляет к ним новые требования.

Но, увы, сама школа уделяет внимание прежде всего образовательному процессу и никак не организует общение детей. Но может сделать так, чтобы ученики увидели, как их воспринимают другие люди, научились слышать других, интересоваться ими, помогать им. Причем общение такого рода может организовать не только

Борисов Александр
 «Роскошь человеческого общения»
 М., 1999

психолог, но и учитель-предметник в классе. Для этого не требуется много времени и не обязательна специальная психологическая подготовка. Автор серии книг «Как научить детей сотрудничать?» немецкий психолог Клаус Фопель предлагает организовать такое общение через игру. В четырех книгах, выпущенных издательством «Тенезис» в прошлом году, он описывает множество игр такого рода.

Игры объединены по проблемам. Одни помогают детям научиться владеть своими отрицательными эмоциями, агрессией и гневом, другие создают у всех участников ощущение успеха. Есть игры, нацеленные на взаимодействие с партнером. Что-то из этой книги, безусловно, знакомо опытному учителю, но каждый найдет в ней немало новых оригинальных идей. Конечно, если учитель проводит психологические игры просто ради развлечения или заполнения времени детей, то толку от этого будет не много, ведь психологические игры «работают» только в том случае, когда, играя, учитель решает конкретную задачу.

Организуя психологические игры, в которых взрослый наравне с детьми не только участвует, но и обсуждает происходящее, учитель может помочь детям ощутить свое единение с другими, развивать у них открытость и мужество выражать свое отношение к другим, показать, что значит уважение, учить их сочувствию и интересу к себе и другим, словом, он может помочь расцвету личности ребенка. Если вам это интересно и важно, то книги Клауса Фопеля станут хорошим подспорьем в вашей работе, в вашем общении с детьми. |

/екатерина мухаматулина

Каждый раз, когда в руки попадает новая книга по психологии, а особенно по психологии межличностного общения, два ожидания, как два стража, встают у ворот моего сознания.

Первое преисполнено скепсиса и, что греха таить, университетским снобизмом. Оно цедит сквозь зубы: «Доколе варяги из других сфер будут вторгаться на суверенную территорию Психологии? Кто дерзнул ступить в заповедные миры общения, по которым и Зигмунд Фрейд, и Эрих Фромм, и Лев Выготский передвигались с робостью? Не родилась ли на свет еще одна очередная (нет страшнее этого слова) поваренная книга практического психолога, после которой захочется выкрикнуть сакраментальную фразу Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью»? И поверьте человеку, наплывшему практических психологов в России: для этого первого настороженного ожидания, как правило, предоставлено точно оснований.

Но есть и второе ожидание. Оно сформировалось в общении с А.Лурия, одним из великих архитекторов современной психологии. Он обладал даром мастера видеть знак гениальности в своих учениках.

Когда я начал читать книгу Александра Борисова, то вдруг нашел самого себя закрывающим ее последнюю страницу. Мир Александра Борисова поглотил меня, сокрушив и растоптав первое ожидание.

Почему это произошло? Да потому, что книга об общении написана рукой человека, отмеченного редкими знаками влюбленности в психологию и культуры психологического мышления. По жанру эта книга – скорее сказ об общении растущей личности, чем пересказ кучи теорий, подходов и концепций. И главное – Александр Борисов умудряется возвращать отдельные психологические феномены, закономерности, эксперименты в культуру, из которой они были вырваны психологами и помещены в лабораторные пробирки. Как он это делает? Честно говоря, не знаю. Да и боюсь узнать. Он ваяет этот сказ об общении как художник, спрашивать которого о выборе красок и движении кисти по холсту бессмысленно.

Именно благодаря вдохновению художника произведение Александра Борисова состоялось. Оно превратилось в собеседника, которого по праву можно назвать человеком с планеты людей.

Роскоши человеческого общения тебе, читатель, с миром Александра Борисова. Общения, в котором ты становишься свободным, достойным, влюбленным в жизнь человеком. |

/александр асмолов

Нина Иосифовна ГУТКИНА,

*кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории научных основ
детской практической психологии Психологического
института Российской академии образования.*

– Я работаю с детьми и подростками, читаю лекции по психологии. Соответственно, интересуюсь новинками психологической литературы, но не забываю и классиков. Перечитываю книги Лидии Божович, Лии Славиной и других сотрудников лаборатории Божович. Интересна работа Марины Егоровой “Психология индивидуальных различий”. Готовясь к лекциям, постоянно обращаюсь к трудам Льва Выготского, Сергея Рубинштейна, Жана Пиаже. Последнее время все больше и больше интересуюсь книгами по психотерапии. Особый интерес представляют для меня работы Милтона Эриксона.

Андрей Владимирович РОССОХИН, кандидат

*психологических наук, заведующий кафедрой клинического
психоанализа Московского института психоанализа.*

– Мое чтение сейчас – книги по психоанализу. Могу отметить «Современный психоанализ» Томэ и Кехэля и переиздание 1933 года Вильгельма Райха «Характероанализ» – по ним можно сравнить взгляды на психоанализ в начале века и в конце. Любопытны книги Виктора Петренко «Основы психосемантики», Роберта Бэрона «Агрессия» и Д. Якобса «Супервизорство».

Сергей Николаевич ЕНИКОЛОПОВ,

*заведомо клинической психологии Научного центра пси-
хического здоровья Российской академии медицинских наук.*

– При обилии книг на прилавках, нового среди психологической литературы почти нет – переиздаются в основном классики. Из прочитанного в последнее время меня заинтересовала книга Веры Лабунской «Экспрессия человека»; в ней собраны обширные сведения о работах по экспрессии, есть ходы, интересные для меня с научной точки зрения. Отмечу книги «Основные формы страха» и «Шизофрения», изданные под руководством Э.Гушанского. В них прежде всего интересен анализ проблем, и написаны они простым и точным языком. Эти книги играют и просто психотерапевтическую роль: прочитав «Шизофрению», читатель, возможно, менее опасливо будет смотреть на людей с этим заболеванием.

Юлия Давидовна БАБАЕВА,

*кандидат психологических наук,
доцент Московского государственного университета.*

– Я внимательно слежу за новой литературой по психологии, знаю, как много выходит книг, но, увы, они очень разного качества. Поэтому стараюсь покупать продукцию издательства, которым доверяю. Одно из лучших издательств России – издательство «Смысл». Покупая любую его книгу, я не боюсь ошибиться. Наиболее интересными за последнее время оказались «13 диалогов о психологии» Елены Соколовой. Эта книга составлена в форме диалогов со студентом, прочитав ее, остается ощущение диалога с очень умным человеком. Интересны сборник «Природа ребенка в зеркале автобиографии», выпущенный под редакцией Бориса Бим-Бада, книга Виктора Знакова «Психология понимания правды». Сейчас начинаю читать новую книгу Дмитрия Леонтьева «Психология смысла».

Борис Михайлович БИМ-БАД,

*ректор Университета российской академии образования,
академик РАО.*

– Я читаю все время. Читаю, читаю, а в перерывах работаю. Попробовать перечислить все книги, которые я прочитал за последнее время, просто невозможно. Это заняло бы очень много времени. Могу назвать лишь самые яркие, к сожалению, это в большинстве своем зарубежные книги, не переведенные на русский язык, книги Шупша Гюнтера и Вальтера Бингхэма.

Алексей Алексеевич ЛЕОНТЬЕВ,

*профессор факультета психологии МГУ,
академик Российской академии образования,
научный руководитель общественной образовательной
программы «Школа-2100».*

– Назову две книги, которые в последнее время прочитал с большим удовольствием. «Избранные работы» Петра Федоровича Каптерева поразили своей близостью к сегодняшнему дню. Чего стоит его утверждение, что не самообразование помогает образованию, а наоборот. Вторая книга – «Психология лжи» Пола Экмана – понравилась мне сочетанием глубинного профессионализма и легкости в подаче материала.

Шалва Александрович АМОНАШВИЛИ,
*почетный академик Российской академии
образования, доктор психологических наук.*

– Читаю в основном классиков психологии:
С.Рубинштейн, **А.Леонтьев** для меня непре-
рекаемые авторитеты. Очень люблю **Карла
Роджерса**, некоторые из его книг уже пере-
ведены на русский язык. Я был свидетелем
его уникальных терапевтических приемов,
еще работая в Тбилиси. Это было впечатля-
юще. Среди новинок отмечу книгу **Давида
Фельдштейна «Психология взросления»**, в
ней глубочайший анализ страсти к взросло-
сти, которого я не видел больше ни у кого.

Александр Анатольевич БАДХЕН,
*кандидат психологических наук,
психотерапевт, Санкт-Петербург.*

– Я читаю в основном англоязычные книги.
Перевод многих на русский язык кажется
мне неточным, поэтому я предпочитаю
подлинник. Недавно закончил последний ро-
ман **Ирвина Ялома «Лежа на кушетке»** –
все книги этого автора очень любопытны для
психологов. Интересны произведения **Алма-
аса «Сущность»** и **«Отрицание смерти»**.

Галина Анатольевна ЦУКЕРМАН,
*ведущий научный сотрудник
психологического института Российской
академии образования.*

– Я изучаю рефлексивное развитие школь-
ников, их социальное развитие, способность
к саморазвитию и много читаю на эти темы.
Интересны книги **Екатерины Поливановой**,
Владимира Собкина, **Исаака Фрумина**. С
увлечением прочла **Майкла Кола**, жаль, что
смогла это сделать только сейчас. Постоянно
работаю с хрестоматией по социальной пси-
хологии **Галины Андреевой**. Но особенно
люблю **Курта Воннегута**, хотя его книги,
описывающие социальную модель развития
общества, и не относятся к професси-
ональной психологической литературе.

Центр социально-психологической
адаптации детей и подростков

«ГЕНЕЗИС»

Сфера нашего интереса –
психологическое обеспечение
личностного развития всех участников
образовательного процесса.
Центр основан в 1995 году выпускниками
Московского государственного университета
имени М.Ломоносова. Основные направления
работы: научно-исследовательская и мето-
дическая работа, обучение практических
психологов, консультирование детей и
родителей, работа в школах России,
издательская деятельность.

Ц С П А

«ГЕНЕЗИС»

тесно сотрудничает с факультетом
психологии МГУ, Министерством общего
и профессионального образования России,
Комитетом по делам семьи и молодежи при
правительстве Москвы, Академией перепод-
готовки и повышения квалификации
работников образования Рос-
сийской Федерации.

Наш адрес: Москва, 121069, Трубниковский пер., д. 22, стр. 2
Н а ш т е л е ф о н : (0 9 5) 2 0 3 - 0 4 0 7

Издательство

«Когито-Центр»,

**официальный дистрибьютор теста Равена
в России, завершает подготовку к печати
новой книги Джона Равена**

«Компетентность в современном обществе»

Телефон издательства: (095) 282-7238

e-mail: vbelop@psychol.ras.ru

В о с е м н а д ц а т и л е т н и й парень Дима Курдин доживал свои последние месяцы перед армией. Тянул сколько и как мог, но армия надвигалась неотвратно. Наступило ленивое лето. Дима уже нигде не учился и не работал. Дома, как всегда, было не ахти. И жил он то тут, то там – где придется, где примут.

Одно время обосновался у своего бывшего одноклассника в пионерлагере под Москвой, где тот работал вожатым. Бездельничал на всю катушку: купался в местной луже, загорал, играл на гитаре, ел, что притащат из столовой, спал днем, бодрствовал со всеми вместе ночью... Одним словом – отдыхал.

Однажды они пригласили меня на выходные. В Москве было жарко и душно, и я с удовольствием принял приглашение.

Приехал днем, Дима лежал на раскладушке в маленькой комнатке в странном положении – с сильно запрокинутой назад головой – и подкашливал. Он был астматик.

– Что случилось?

– Да так... нырнул неудачно. Ударился там обо что-то. В общем, вода, наверное, внутрь попала, никак откашляться не могу.

– К врачу ходил?

– Да, ну... сейчас пройдет.

Прошло минут пятнадцать, но Диме не становилось лучше.

– Сходи к врачу. Трудно что ли? На всякий случай.

Я настоял. Он пошел в медчасть, но скоро вернулся.

– Ну что?

– Да ничего. Сказала: не страшно, скоро пройдет.

Но и еще через полчаса картина не изменилась. Дима все так же странно кашлял и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Вдруг я заметил, что его шея распухла и как-то неприятно запыла.

– Вставай и пойдем быстро к врачу!

– Доктор, посмотрите, у него начинается какой-то отек.

Молодая врачиха быстро взглянула на Диму, и на ее лице отразился такой ужас, что испугались по-настоящему уже все.

Женщина охала, ахала и все время обращалась к Диме с одним и тем же вопросом: «Ты не задыхаешься? Нет?».

Мы положили его почему-то сразу на носилки, запихнули в лагерную санитарную машину и помчались в ближайшую больницу в Лобню. «Санитарка» сигнализировала и ехала на пределе своей дряхлеющей мощности. Дима лежал на носилках совершенно спокойно и смущенно улыбался, когда врачиха с периодичностью включаемой сирены спрашивала: «Ты не задыхаешься? Нет?». Ужас с ее лица не сходил. Я же не мог оторвать глаз от его распухшей шеи, хотя, старался смотреть украдкой.

Все, кто хоть раз попадал на «скорой» в больницу или сопровождал туда родственников, хорошо представляют себе всю процедуру: сначала вас не принимают, затем все же оформляют, потом ждете рентген, снова ждете дежурного врача, ждете его решения... В общем, после нервотрепки, хамства, унижения натываетесь на замечательного доктора, который делает все, что надо, быстро и уверенно.

Этот случай не стал исключением: дежурный хирург сделал Диме какой-то укол, дал успокоительное и обещал поддержать пару дней в больнице. Короче, все обошлось.

Почему-то после этого дня я вбил себе в голову, что спас ему жизнь.

Д и м а К у р д и н , Димыч, был небольшого роста, с выразительными чуть раскосыми глазами, приплюснутым негритянским носом и черными длинными волосами. Не интеллигент, не хулиган, не спорт-

смен, не пай-мальчик. Он был тусовщик. Его щекотало любопытство к жизни, к разным людям, их сообществам и занятиям. Он не то чтобы умел, но любил общаться. Мы по-настоящему познакомились не на уроках, где он ничем не выделялся (кроме как, пожалуй, тем же любопытством), а в школьном театре, где он занимался больше с радостью, чем просто с интересом.

Отец Димы был человек тихий, тихо пьющий и как-то незаметно существующий в жизни сына. Старший брат, по всей видимости не совсем путевый, не стал для Димы примером и другом. Их отношения – каждый сам по себе. Мама – другое дело. Она все принимала близко к сердцу и активно участвовала в Диминой судьбе. Но влиять особо не получалось. К тому же, Димина мама была из тех родителей, кто жалуется... Учителям, соседям, знакомым и незнакомым – всем подряд на своего непутевого сына. Она была, как ей казалось, строга и правдива. Но ее «правда» только ранила. Она заиклилась на критике сына и не замечала (или не успевала замечать) в нем что-нибудь хорошее и стоящее.

Вот так Димыч и рос в атмосфере тихого неучастия и неверия в него. Поэтому любая похвала, живое общение, примечание и признание были для него отдушиной, принимались радостно, всей душой и с благодарностью.

В театре, где играли в основном студенты, чаще всего старших курсов, школьнику Диме было очень хорошо. Он чувствовал себя комфортно, обрел друзей, круг общения, много читал, научился играть на гитаре. Сочинял стихи и песни. Разные. Некоторые многим нравились. Ездил с нами в поездки. И, конечно же, много играл. Играл в спектаклях (причем не второстепенные роли), и у него получалось. Я думаю, что это был пока лучший период его жизни.

Армия никак Курдина не изменила. Может

быть, только прибавила мужского гонора. Круг общения остался прежним, театральным, но вот самого театра уже не было. Нужно было искать себе дело.

Дима пробовал поступать в институты. Поступал, потом уходил. Сказывались лень и отсутствие каких-либо стойких, определенных интересов. В конце концов он закончил техническое училище по специальности «краснодеревщик» и стал понемногу столярничать, ремонтировать мебель, заниматься ремесленным промыслом. Творческая личность, амбициозный и неуживчивый человек, он плохо ладил с людьми и надолго не задерживался ни в одном коллективе. Виноваты всегда были те, кого он покидал. Дима быстро превратился в кустаря-одиночку.

Наше общение с ним – это были хорошие отношения бывшего ученика и бывшего учителя. Димыч любил приходить просто так, пофилософствовать, попеть свои песни, услышать мое мнение, рассказать о каком-нибудь своем путешествии, например на Селигер. И мне было интересно: мы общались легко, без пауз.

Все бы ничего, если бы не два обстоятельства. Первое: его разбросанность, неупорядоченность, неумение на чем-то сконцентрироваться. Разнообразные, но поверхностные интересы дробили его жизнь на десятки мелких фрагментов, эпизодов, недоделанных эскизов. Постепенно он начал испытывать от этого большие неудобства, все более смахивая на тот «непутевый» образ, который всегда рисовала его мама.

И второе: он начал выпивать. Все больше болезненно переводил наши разговоры на себя, занудствовал, жаловался на дураков, невезение, безденежье. Читал все так же много и так же беспорядочно. Иногда каза-

лось – бездумно. Он становился навязчив, но все менее понятен и интересен. Он деградировал.

Наше общение становилось реже, вымученнее, искусственнее. Я не скрывал раздражения, когда он звонил нетрезвый. Мне казались совершенно пустыми его длинные монологи о любимом им Кортасаре. Пропала какая-то свежесть, легкость. Все превращалось в «псевдо». Не случайно Димыч все чаще стал повторять, когда звонил: «Хорошо бы встретиться – потрепаться». Раньше он говорил – «пообщаться».

Я начал избегать Диму, придумывать разные отговорки, чтобы не встречаться. Кульминацией стал его очередной пьяный звонок: «А.А., я превращаюсь в подонка. Вчера в гостях разозлился на жену и ударил ее кулаком. Она сейчас в больнице. Что мне делать?»

Что делать? Димины вопросы давно превратились всего лишь в повод еще раз поговорить, вернее, произнести собственный монолог: яркий, обвиняющий, иногда покаянный. Но я устал отпускать грехи, хотя, мне казалось, он и в этом уже не нуждался. Он слышал лишь свои рыдания.

... Мы не виделись несколько месяцев. Как-то вечером неожиданно он позвонил.

– Здравствуйте, А.А. Это Димыч, – он снова был нетрезв, и это вызвало у меня обычный прилив раздражения. – А.А., я должен вам сказать... Только не перебивайте.

– Хорошо, но не длинно.

– О'кей. Спасибо вам, А.А., что вовремя меня отпихнули. Вы не слышали от ребят, что со мной произошло? Я тут на неделю в тюрьму попал. Это как раз через несколько дней после нашего последнего разговора. Мне так нужно было поговорить с вами. С

кем я еще могу поговорить, кроме вас?! А в милиции я всего насмотрелся. Главное, они хотели показать, какое я дерьмо. Три дня в этой траханой камере меня возили мордой об пол. Пытались кольцо снять – до сих пор все пальцы поломаны. Ну, это ладно. Главное, я наконец понял, что никто, кроме самого человека, себе не поможет. Долгое, очень долгое время вы были для меня учителем. Я всегда рассчитывал на вас, надеялся на вас, слушался вашего совета. Всегда знал: если что, А.А. поможет, подскажет, объяснит. Теперь-то, к тридцати годам, понял: только на самого себя и можешь рассчитывать. Нет, честно, А.А., спасибо, что так вовремя меня от себя отпихнули.

Образовалась неловкая пауза. Я не знал, что ответить. А Димыч просто переводил дух.

– А.А., а вот почему вы про многих ребят рассказы написали, а про меня – нет? – неожиданно спросил он. – А ведь обещали...

– Тебе, Димыч, может не понравиться.

– Да ладно. Все равно приятно, когда о тебе пишут.

– Не знаю. Я, наверное, все же подожду.

– Чего?

– Когда можно будет такой написать, чтобы со счастливым концом.

– Хеппи-энд только в Голливуде бывает.

– Может быть...

– Вы в воскресенье дома будете?

– Пока не знаю. А что?

– Может быть, встретимся?

– Давай. Только на всякий случай сделай еще контрольный звонок.

– Ладно. Ну а если что не так, наговорю на автоответчик.

– Чего наговоришь-то?

– А какая разница? Он ведь все равно в ответ молчит. |

в следующем номере:

О ПСИХОЛОГИИ ДОВЕРИЯ / *владимир зинченко*

ПРАВИЛА БЕСПОРЯДКА / *ром харре*

ДНЕВНИК МЛАДЕНЦА / *джон стерн*

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ НАУКИ / *григорий остер*

ПСИХОТЕРАПИЯ РОДИТЕЛЕЙ / *владимир леви*

а также:

**Технологии психологической
помощи и консультирования**

